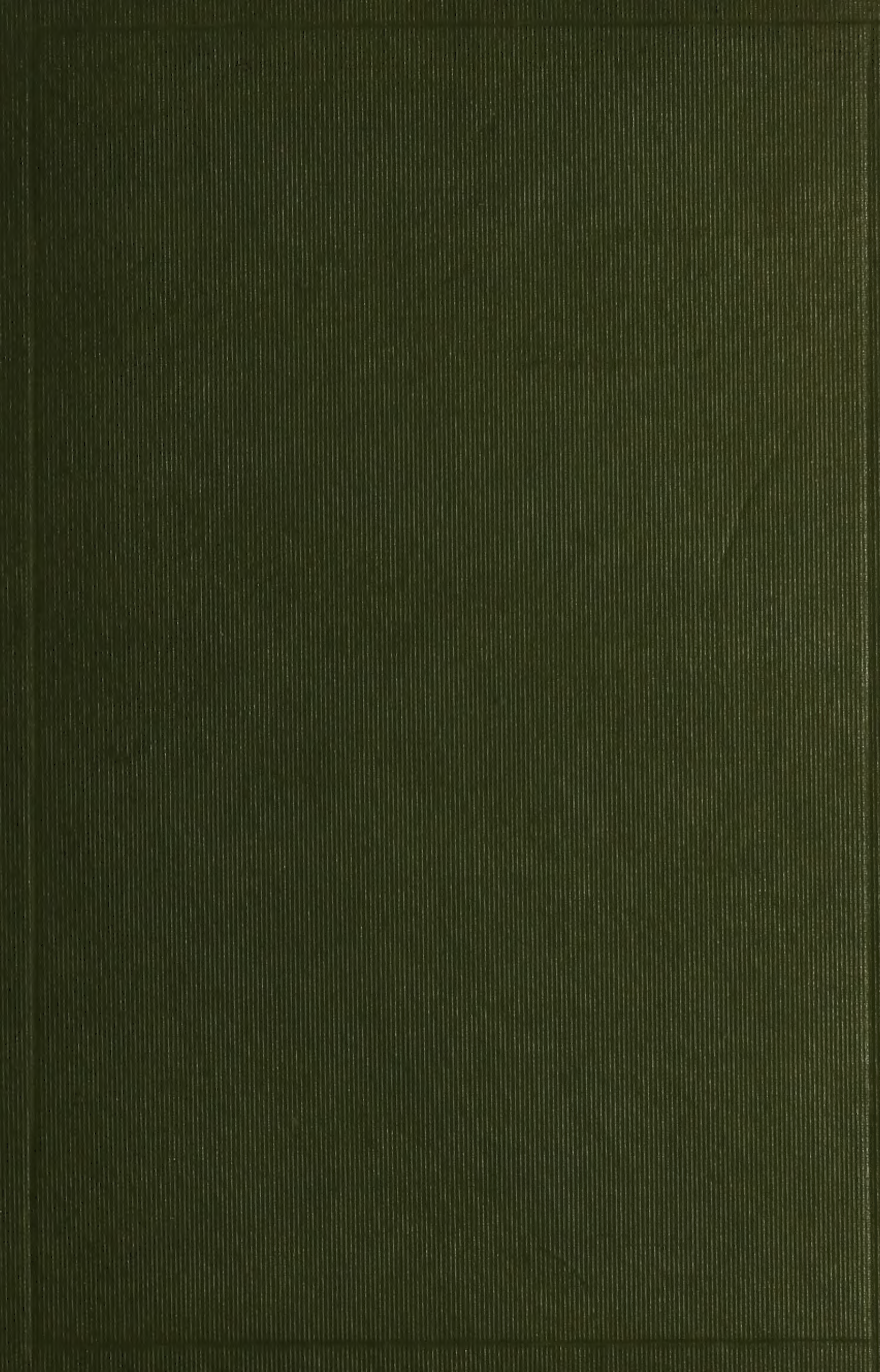
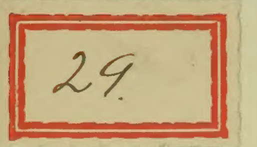

29.

ГРАФЪ

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

I. Власть тьмы.

II. Плоды просвѣщенія.

Отдѣл. тип. Т-ва И. Д. Сытина, Петровка, домъ Обидиной.

Москва.—1903.

ВЛАСТЬ ТЬМЫ,

ИЛИ

КОГОТОКЪ УВЯЗЪ, ВСЕЙ ПТИЧКѢ ПРОПАСТЬ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

(1886 года.)

ДѢЙСТВІЕ I.

ЛИЦА I-го ДѢЙСТВІЯ.

ПЕТРЪ—мужикъ богатый, 42-хъ лѣтъ, женатъ вторымъ бракомъ, болѣзненный.

АНИСЬЯ—его жена, 32-хъ лѣтъ, щеголиха.

АКУЛИНА—дочь Петра отъ перваго брака, 16-ти лѣтъ, крѣпка на ухо, дурковатая.

АНЮТКА—вторая дочь, 10-ти лѣтъ.

НИКИТА—ихъ работникъ, 25-ти лѣтъ, щеголь.

АКИМЪ—отецъ Никиты, 50-ти лѣтъ, мужикъ невзрачный богобоязненный.

МАТРЕНА—его жена, 50-ти лѣтъ.

МАРИНА—дѣвка сирота, 22-хъ лѣтъ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Дѣйствіе происходитъ осенью въ большомъ селѣ. Сцена представляетъ просторную избу Петра. Петръ сидитъ на лавкѣ, чинитъ хомутъ. Анисья и Акулина прядутъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Петръ, Анисья и Акулина (*послѣднія поютъ въ два голоса*)

Петръ (*выглядываетъ изъ окна*).

Опять лошади ушли. Того и гляди жеребенка убьютъ. Микита, а Микита! Оглохъ! (*Прислушивается. На бабъ.*) Будетъ вамъ, не слыхать ничего.

Голосъ Никиты *съ надворья.*

Чего?

Петръ.

Лошадей загони.

Голосъ Никиты.

Загоню, дай срокъ.

Петръ (*качая головой*).

Ужъ эти работники! Былъ бы здоровъ, ни въ жизнь бы не сталъ держать. Одинъ грѣхъ съ ними... (*Встаетъ и опять садится.*) Микитъ!.. Не докличешься. Подите, что ль, кто изъ васъ. Акуль, поди загони.

Акулина.

Лошадей-то?

Петръ.

А то чего жъ?

Акулина.

Сейчасъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Петръ и Анисья.

Петръ.

Да и лодырь малый... не хозяйственный. Коли повернется, коли что.

Анисья.

Самъ-то ты больно шустеръ, съ печи да на лавку. Только съ людей взыскивать.

Петръ.

Съ васъ не взыскивать, такъ въ годъ дома не найдешь. Охъ, народъ!

Анисья.

Десять дѣловъ въ руки сунешь, да и ругаешься. На печи лежа приказывать легко.

Петръ (*вздыхая*).

Эхъ, кабы не хворь эта привязалась, и дня бы не сталъ держать.

За сценой голосъ Акулины.

Псе, псе, псе... (*Слышно—жеребенокъ ржетъ и лошади вбѣгаютъ въ ворота. Ворота скрипятъ.*)

Петръ.

Бахарить—вотъ это его дѣло. Право, не сталъ бы держать.

Анисья (*передразнивая*).

Не стану держать... Ты бы самъ поворочалъ, тогда бы говорилъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Акулина.

Акулина (*входитъ*).

Насилу загнала. Все чалый...

Петръ.

Никита-то гдѣ жъ?

Акулина.

Микита-то? На улицѣ стоитъ.

Петръ.

Чего же онъ стоитъ?

Акулина.

Чего стоитъ-то? Стоитъ за угломъ, калякаетъ.

Петръ.

Не добьешься отъ нея толковъ. Да съ кѣмъ калякаетъ-то?

Акулина (*не разслышавъ*).

Чего? (*Петръ махаетъ на Акулину рукой; она садится за пряжу.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Анютка.

Анютка (*вбѣгаетъ. Къ матери*).

Къ Микитѣ отецъ съ матерью пришли. Домой берутъ жить, однова дыхнуть.

Анисья.

Врешь?

Анютка.

Пра! сейчасъ умереть. (*Смѣется.*) Я мимо иду. Микита и говоритъ: прощай, говоритъ, теперь, Анна Петровна. Приходи ужо ко мнѣ на свадьбу гулять. Я, говоритъ, ухожу отъ васъ. Смѣется самъ.

Анисья (*къ мужу*).

Не больно тобой нуждаются. Вонъ онъ и самъ сходить собрался... „Сгоню, говоритъ!“

Петръ.

И пущай идетъ; развѣ другихъ не найду?

Анисья.

А деньги-то зададены?..

(*Анютка подходитъ къ двери, слушаетъ, что говорятъ, и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Анисья, Петръ и Акулина.

Петръ (*хмурится*).

Деньги, коли что, лѣтомъ отслужитъ.

Анисья.

Да, ты радъ отпустить, — тебѣ съ хлѣба долой. Да зиму-то я одна и ворочай, какъ меринъ какой. Дѣвка-то не больно охоча работать, а ты на печи лежать будешь. Знаю я тебя!

Петръ.

Да что, ничего не слыхамши, попусту языкъ трепать

Анисья.

Полонъ дворъ скотины. Не продалъ корову-то и овецъ всѣхъ на зиму пустилъ, корму и воды не наготовишься,

а работника отпустить хочешь. Да не стану я мужицкую работу работать! Лягу вотъ, какъ ты же, на печь—пропадай все; какъ хочешь, такъ и дѣлай.

Петръ (*къ Акулинѣ*).

Иди за кормомъ-то, что ли,—пора.

Акулина.

За кормомъ? Ну что жъ. (*Надѣваетъ кафтанъ и беретъ веревку.*)

Анисья.

Не буду я тебѣ работать,—буде ужъ,—не стану. Работай самъ.

Петръ.

Да буде. Чего взбеленилась? Ровно овца круговая.

Анисья.

Самъ ты кобель бѣшеный! Ни работы отъ тебя ни радости. Только поѣдомъ ѣшь. Кобель потрясучій, право.

Петръ (*плюетъ и одѣвается*).

Тфу ты! Прости, Господи! Пойти узнать толкомъ. (*Выходитъ.*)

Анисья (*вдогонку*).

Гнилой чортъ, носастый!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Анисья и Акулина.

Акулина.

Ты за что батю ругаешь?

Анисья.

Ну тебя, дура. Молчи.

Акулина (*подходитъ къ двери*).

Знаю, чего ругаешь. Сама дура, песъ ты. Не боюсь я тебя.

Анисья.

Ты чего? (*Вскакиваетъ и ищетъ чьмъ бы ударить.*) Мотри, я тебя рогачемъ.

Акулина (*отворивъ дверъ*).

Песъ ты, дьяволъ, вотъ ты кто! Дьяволъ, песъ, песъ, дьяволъ! (*Убьгаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Анисья (*одна*).

Анисья (*задумывается*).

На свадьбу, говоритъ, приходи. Это что жъ они вздумали? женить? Мотри, Микитка: коли это твои умыслы, я то сдѣлаю... Нельзя мнѣ безъ него жить. Не пущу я его.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Анисья и Никита.

Никита (*входитъ оглядываясь. Видя, что Анисья одна, быстро подходитъ къ ней. Шопотомъ*).

Что, братецъ ты мой, бѣда! Пріѣхалъ родитель, снимать хочетъ, — домой итти велитъ. Окончательно, говоритъ, женимъ тебя, и живи дома.

Анисья.

Что же, женись. Мнѣ-то что?

Никита.

Вотъ такъ—такъ! Я разсчитываю, какъ получше дѣло обсудить, а она вонъ какъ: жениться велитъ! Что жъ такъ? (*Подмигиваетъ.*) Аль забыла?..

Анисья.

И женись. Очень нужно...

Никита.

Да ты что фыркаешь-то? Вишь ты, и погладиться не дается... Да ты чего?

Анисья.

А того, что бросить хочешь... А хочешь бросить, такъ и я не нуждаюсь. Вотъ тебѣ и сказъ!

Никита.

Да буде, Анисья. Развѣ я тебя забыть хочу? Ни въ жизни. Окончательно, значитъ, тебя не брошу. А я такъ разсчитываю: что и женятъ, такъ къ тебѣ же назадъ приду; только бы домой не бралъ.

Анисья.

Очень ты мнѣ нуженъ, женатый-то.

Никита.

Да какъ же, братецъ ты мой, изъ отцовской воли опять-таки невозможно никакъ.

Анисья.

На отца сворачиваешь, а умыслы — твои все. Давно ты подлаживаешь съ мазихой своей, съ Маринкой. Она тебѣ это намазала. Не даромъ намедни прибѣгала.

Никита.

Маринка?! Очень она мнѣ нужна!.. Мало ихъ вѣшаются-то...

Анисья.

Зачѣмъ же отецъ пріѣхалъ? Ты велѣлъ! Обманывалъ ты!.. (*Плачетъ.*)

Никита.

Анисья, вѣришь ты Богу, аль нѣтъ? Ничего-то я и во снѣ не видалъ. Окончательно знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Все мой старикъ съ своей головы вздумалъ.

Анисья.

Самъ не захочешь, такъ кто же тебя, осломъ, что ль притянетъ.

Никита.

Тоже, разсчитываю, невозможно супротивъ родителя будетъ и сдѣлать. А не охота мнѣ.

Анисья.

Упрись, да и все.

Никита.

Уперся одинъ такой-то, такъ его въ волостной такъ вспрыснули... Очень просто. Тоже не хочется. Сказываютъ—щекотно...

Анисья.

Буде шутить-то. Ты слушай, Никита: коли ты за себя Маринку возьмешь, я не знаю, что надъ собой сдѣлаю... Жизни рѣшусь! Согрѣшила я, законъ рушила, да ужъ не ворочаться стать. Коли ты только уйдешь, я то сдѣлаю...

Никита.

Мнѣ что же уходить? Кабы я уйти хотѣлъ, я бы давно ушелъ. Меня какъ намедни Иванъ Семенычъ приглашалъ въ кучера... А ужъ жизнь какая! Не пошелъ же. Потому я такъ разсчитываю, что я всякому хорошъ. Если бы ты меня не любила, то другой расчетъ.

Анисья.

То-то и помни. Старикъ не нынче-завтра помретъ, думаю, всѣ грѣхи прикроемъ. Законъ приму, думала, будешь хозяиномъ.

Никита.

И, что загадывать. Мнѣ что? Я работаю, какъ для себя стараюсь. Меня и хозяинъ любитъ и баба его, значитъ, любитъ. А что меня бабы любятъ, такъ я въ этомъ не причиненъ,— очень просто.

Анисья.

Будешь меня любить?

Никита (*обнимаетъ ее*).

Во какъ! Какъ была ты у меня въ душѣ...

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Матрена (*входитъ и долго крестится на образа, Никита и Анисья отстраняются другъ отъ друга*).

Матрена.

А я что и вйдѣла, не видала, что и слышала, не слыхала. Съ бабочкой поигралъ—что жъ? И теленокъ, вѣдашь, и тотъ играетъ. Отчего не поиграть? —дѣло молодое. А тебя, сынокъ, хозяинъ на дворѣ спрашиваетъ.

Никита.

Я за топоромъ зашелъ.

Матрена.

Знаю, знаю, родной, за какимъ топоромъ. Этотъ топоръ все больше около бабъ.

Никита (*нагибается, беретъ топоръ*).

Что же, матушка, аль и вправду женить меня? Я разсчитываю, что совсѣмъ напрасно. Опять-таки и мнѣ бы не охота.

Матрена.

И-и! касатикъ, зачѣмъ женить? Живешь да живешь, это старикъ все. Поди, родной, мы и безъ тебя всѣ дѣла разсудимъ.

Никита.

Чудно, право, то женить, а то не надо. Окончательно не разберу ничего. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

Анисья и Матрена.

Анисья.

Что жъ, тетка Матрена, аль и вправду женить хотите?

Матрена.

Съ чѣмъ женить-то, ягодка? Нашъ, вѣдашь, какой достатокъ? Такъ себѣ, старичокъ мой зря болтаетъ, женить да женить. Да не его ума дѣло. Отъ овса, вѣдашь, кони не рыщутъ, отъ добра добра не ищутъ,—такъ и это дѣло. Развѣ я не вижу (*подмигиваетъ*), къ чему дѣло клонитъ.

Анисья.

Что же мнѣ, тетка Матрена, отъ тебя хорониться. Ты всѣ дѣла знаешь. Согрѣшила я, полюбила сына твоего.

Матрена.

Ну, новости сказала! А тетка Матрена и не знала. Эхъ, дѣушка, тетка Матрена терта, терта да перетерта! Тетка Матрена, я тебѣ скажу, ягодка, подъ землей-то на аршинъ видитъ. Все знаю, ягодка! Знаю, зачѣмъ молодымъ бабамъ сонныхъ порошковъ надоть. Принесла. (*Развязываетъ узелокъ платка, достаетъ въ бумагѣ порошки.*) Чего надо-то, вижу, а чего не надо, того знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Такъ-то. Тоже и тетка Матрена молодая была. Тоже съ своимъ дуракомъ, вѣдашь, умѣючи прожить надо. Всѣ 77 увертокъ знаю. Вижу, ягодка зачиврялъ, зачиврялъ твой-то старикъ. Съ чѣмъ тутъ жить? Его вилами ткни, кровь не пойдетъ. Глядишь, на весну похоронишь. Принять во дворъ кого-нибудь да надо. А сынокъ чѣмъ не мужикъ. Не хуже людей. Такъ что же мнѣ за корысть сына-то съ добраго дѣла снять? Развѣ я своему дѣтищу врагъ?

Анисья.

Только бы не сходилъ онъ отъ насъ.

Матрена.

И не сойдетъ, ласточка. Все глупость одна. Старика моего вѣдашь. Умъ у него вовсе расхожій, а тоже другой разъ заберетъ что въ башку, какъ коломъ подопретъ, никакъ не выбьешь.

Анисья.

Да съ чего взялось-то, дѣло это?

Матрена.

А видишь ли, ягодка, малый, сама знаешь, до бабъ какой, да и красивъ, нечего сказать. Ну жилъ онъ, вѣдашь, на чугункѣ, а тамъ у нихъ дѣвчонка-сирота въ кухаркахъ жила. Ну и стала вязаться за нимъ дѣвчонка эта.

Анисья.

Маринка?

Матрена.

Она, параликъ ее расшиби. Ну и было ли что, нѣтъ ли, только и дознайся мой старикъ. Отъ людей ли, или сама она ему наклявузничала...

Анисья.

Смѣлая же какая, подлюга!

Матрена.

Вотъ и поднялся мой-то, дурья-то голова, женить, говоритъ, да женить, грѣхъ покрыть. Возьмемъ, говоритъ, малаго домой да женимъ. Разговаривала всячески. Куды тебѣ. Ну, думаю, ладно. Дай по-иному поверну. Ихъ дураковъ, ягодка, все такъ-то манить надо. Все въ согласьи, какъ будто. А до чего дѣло дойдетъ, сейчасъ на свое и повернешь. Баба, вѣдашь, съ печи летитъ, 77 думъ передумаетъ, такъ гдѣ же ему догадаться. Что же, говорю, старичокъ, дѣло хорошее. Только подумать надо. Пойдемъ, говорю, къ сынку, да посовѣтуемъ съ Петромъ Игнатычемъ. Что онъ скажетъ? Вотъ и пришли.

Анисья.

О-охъ, тетушка, какъ же такъ? Ну какъ отецъ-то велитъ?

Матрена.

Велитъ? А велѣнье-то его псу подъ хвостъ. Ужъ ты не сумлѣвайся, не бывать этому дѣлу, я сейчасъ съ твоимъ старикомъ всѣ дѣла просѣю, процѣжу, ничего не останется. Я и пошла съ нимъ—одинъ примѣръ сдѣлать Какъ же—сынокъ въ счастіи живетъ, счастія ждетъ а я за него потаскуху сватать стану. Что жъ я, дура что ль!

Анисья.

Она и сюда къ нему бѣгала Маринка-то Вѣришь ли, тетушка, какъ сказали мнѣ, что женить его, какъ ножомъ по сердцу полоснуло меня. Думаю, въ сердцѣ она у него.

Матрена.

И, ягодка! Что жъ онъ, дуракъ, что ли? Станетъ онъ шлюху бездомовную любить. Микишка, вѣдашь, малый тоже умный. Онъ знаетъ, кого любить. А ты, ягодка, не сумлѣвайся. Не снимемъ его ни въ жизнь. И женить не станемъ. А деньжонокъ ублаготворите и пусть живетъ.

Анисья.

Кажется, уйди Никита, не стану на свѣтѣ жить.

Матрена.

Дѣло молодое. Легко ли! Баба ты въ соку, съ такимъ осметкомъ жить...

Анисья.

Вѣришь ли, тетушка. Постылъ, ужъ постылъ мнѣ мой-то, кобель носастый, и не смотрѣли бы на него глаза.

Матрена.

Да, ужъ это дѣло такое. Глянь-ка сюда. (*Шопотомъ, оглядываясь.*) Была я, вѣдашь, у старичка этого за поро-

тками,—онъ мнѣ на двѣ руки далъ снадобья. Глянь-ка сюда. Это, говоритъ, сонный порошокъ. Дай, говоритъ, одинъ—сонъ такой возьметъ, что хоть ходи по немъ. А это, говоритъ, такое снадобье, если, говоритъ, давать пить—никакого духа нѣтъ, а сила большая. На семь, говоритъ, разовъ, по щепоти на разъ. До семи разовъ давай. И слобода, говоритъ, ей скоро откроется.

Анисья.

О-о-о!.. Что жъ это?

Матрена.

Примѣтки, говоритъ, никакой. Рублевку взялъ. Меньше нельзя, говоритъ. Потому, вѣдашь, добывать ихъ тоже хитро. Я свою, ягодка, отдала. Думаю, возьметъ, не возьметъ, Михайловнѣ снесу.

Анисья.

О-о! Да може что худое отъ нихъ?

Матрена.

Чему худому-то быть, ягодка. Добро бы мужикъ твой твердый, а то что жъ, только славу дѣлаетъ, что живетъ. Не жилецъ вѣдь онъ, Много такихъ-то бываетъ.

Анисья.

О-охъ, головушка моя бѣдная! Боюсь я, тетенька, какъ бы грѣха не было. Нѣтъ, это что жъ?

Матрена.

Можно и назадъ снесть.

Анисья.

Что же, ихъ, какъ и тѣ, въ водѣ распущать?

Матрена.

Въ чаю, говоритъ, лучше. Ничего, говоритъ, непримѣтно, ни духу отъ нихъ нѣтъ, ничего. Тоже человѣкъ умный.

Анисья (*беретъ порошки*).

О-о, головушка моя бѣдная! Пошла бы развѣ на такія дѣла, кабы не жизнь каторжная.

Матрена.

А рублевку-то не забудь; я пообѣщалась старичку занесть. Тоже хлопочетъ.

Анисья.

Ужъ извѣстно. (*Идетъ къ сундуку и прячетъ порошки.*)

Матрена.

А ты, ягодка, потѣснѣе держи, чтобъ люди не знали. А коли что́, помилуй Богъ, коснется, отъ таракановъ, молъ... (*Беретъ рубль.*) Тоже отъ таракановъ идетъ... (*Обрываетъ рѣчь.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, Петръ и Акимъ.

Акимъ (*входитъ, крестится на образъ*).

Петръ (*входитъ и садится*).

Такъ какъ же, дядя Акимъ?

Акимъ.

Получше, Игнатьичъ, какъ бы получше, тае, получше... Потому, какъ бы не того. Баловство значитъ. Хотѣлось

бы, тае... къ дѣлу, значитъ, хотѣлось малаго-то. А коли ты, значитъ, тае, можно и того. Получше какъ...

Петръ.

Ладно, ладно. Садись, потолкуемъ. (*Акимъ садится.*) Что же такъ? Аль женить хочешь?

Матрена.

Женить-то и повременить можно, Петръ Игнатычъ. Нужда наша, самъ знаешь, Игнатычъ. Гдѣ тутъ женить? Сами живота не надышимъ. Гдѣ жъ женить!..

Петръ.

Судите, какъ лучше.

Матрена.

Женить тоже спѣшить некуда. Это такое дѣло. Не малина, не опанетъ.

Петръ.

Что же, коли женить—дѣло хорошее.

Акимъ.

Хотѣлось бы, значитъ, тае... Потому мнѣ, значитъ, тае... работишка въ городу, работишка выпала, сходная, значитъ...

Матрена.

Ну, ужъ работа! Ямы чистить. Пріѣхалъ намедни, такъ блевала, блевала... тфу!

Акимъ.

Это точно, спервоначала она ровно и тае, шибаетъ, значитъ, духъ-то, а обыкнешь — ничего, все одно, что барда и, значитъ, тае. сходно... А что духъ, значитъ,

тае... Это нашему брату обижаться нельзя. Одежонку смѣнять тоже можно. Хотѣлось, значитъ, Микитку дома, пущай оправдаетъ, значитъ. Онъ пущай дома оправдаетъ, а ужъ я, тае, въ городу добуду...

Петръ.

Хочешь сына дома оставить, оно точно. Да забраты деньги-то какъ?

Акимъ.

Это вѣрно, вѣрно, Игнатычъ, сказалъ это, значитъ, тае, правильно, потому нанялся — продался, это пусть доживетъ, значитъ, а вотъ только, тае, женить; на время, значитъ, отпусти, коли что.

Петръ.

Что жъ, это можно.

Матрена.

Да дѣло-то у насъ не согласно. Я передъ тобой, Петръ Игнатычъ, какъ передъ Богомъ откроюсь. Ты хоть насъ съ старикомъ разсуди. Заладилъ, что женить да женить. А на комъ женить-то ты спроси! Кабы невѣста настоящая, развѣ я своему дѣтищу врагъ, а то дѣвка съ порокомъ.

Акимъ.

Вотъ это напрасно. Напрасно, тае, наносишь на дѣвку-то. Напрасно. Потому ей, дѣвкѣ этой самой, обида отъ сына моего, обида, значитъ, есть. Дѣвкѣ, значитъ.

Петръ.

Какая же такая обида?

Акимъ.

А выходитъ, значитъ, тае, съ сыномъ Никитою. Съ Никиткою, значитъ, тае.

Матрена.

Ты погоди говорить, у меня языкъ помягче, дай я скажу. Жилъ это малый-то нашъ до тебя, самъ вѣдашь, на чугункѣ. И привяжись тамъ къ нему дѣвка, такъ, вѣдашь, немудрящая, Маринкой звать,—куфаркой у нихъ въ артели жила. Такъ вотъ, показываетъ она, эта самая дѣвка, на сына на нашего, что примѣрно онъ, Микита, будучи, ее обманулъ.

Петръ.

Хорошаго тутъ нѣтъ.

Матрена.

Да она сама непутевая, по людямъ шляется, какъ потаскуха.

Акимъ.

Опять ты, значитъ, старуха, не тае и все ты не тае, все, значитъ, не тае...

Матрена.

Вотъ только и рѣчей отъ орла отъ моего — тае, тае, а чтó тае—самъ не знаешь. Ты, Петръ Игнатычъ, не у меня, у людей спроси про дѣвку, всякій то же скажетъ. Такъ шалава бездомовная.

Петръ (*Акиму*).

Что же, дядя Акимъ, коли такое дѣло, тоже женить не зачѣмъ. Вѣдь не лапоть, съ ноги не снимешь, хоть бы сноху.

Акимъ (*разгорячась*).

Облыжно, старуха, значитъ, на дѣвку, тае, облыжно. Потому дѣвка, тае, дюже хороша, дюже хороша дѣвка, значитъ; жаль мнѣ, жаль, значитъ, дѣвку-то.

Матрена.

Ужъ прямо Маремьяма старица, по всемъ мірѣ печальница, а дома не ѣмши сидятъ. Жаль дѣвку, а сына не жаль. Навяжи ее себѣ на шею, да и ходи съ ней. Буде пустое-то говорить.

Акимъ.

Нѣтъ, не пустое.

Матрена.

Да ты не залетай, дай я скажу.

Акимъ (*перебиваетъ*).

Нѣтъ, не пустое. Значитъ, ты на свое воротишь, хоть бы про дѣвку али про себя, ты на свое воротишь, какъ тебѣ лучше, а Богъ, значитъ, тае, на Свое поворотитъ. Такъ и это.

Матрена.

Эхъ, только съ тобой языкъ терзать!

Акимъ.

Дѣвка работящая, важковатая и, значитъ, тае, вокругъ себѣ. . значитъ. А по нашей бѣдности намъ и тае, рука, значитъ: и свадьба недорогая. А дороже всего обида есть дѣвкѣ-то, значитъ, тае, сирота, вотъ что, дѣвка-то. А обида есть.

Матрена.

Всякая, тоже говоритъ...

Анисья.

Ты, дядя Акимъ, больше слушай нашу сестру. Онѣ тебѣ разскажутъ!

Акимъ.

А Богъ-то, Богъ! Развѣ она не человѣкъ, дѣвка-то? Значитъ тоже, тае, Богу-то она человѣкъ. А ты какъ думаешь?

Матрена.

А, заладилъ!..

Петръ.

А вотъ что, дядя Акимъ, тоже вѣдь этимъ дѣвкамъ вѣрить нельзя. А малый-то живъ. Вѣдь онъ вотъ онъ! Послать его да спросить толкомъ, правда ли? Онъ души не убьетъ. Покличьте малаго-то! (*Анисья встаетъ.*) Скажи ты, отецъ зоветъ. (*Анисья уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же *безъ* **Анисьи.**

Матрена.

Вотъ это, родной, разсудилъ, какъ водой разлилъ, пущай самъ малый скажетъ. Вѣдь тоже по нынѣшнему времю силомъ женить не велятъ. Тоже спросить малаго надо. Не захочетъ онъ ни въ жизнь на ней жениться, себя осрамить. На мой разумъ, пусть у тебя живетъ, да служитъ хозяину. И на лѣто брать не зачѣмъ, принанять можно. А ты намъ десяточку дай, пусть живетъ.

Петръ.

Та рѣчь впереди, порядкомъ надо. Одно кончи, тогда другое затѣвай.

Акимъ.

Я, значитъ, къ тому говорю, Петръ Игнатьичъ, потому, значитъ, тае, трафлялось. Ладишь, значитъ, какъ тебѣ лучше, да про Бога, тае, и запамятуешь; думаешь

лучше... на себя воротишь, глядь, анъ накашлялъ на шею себѣ, значитъ; думаемъ, какъ лучше, анъ хуже много, безъ Бога-то.

Петръ.

Извѣстное дѣло! Бога помнить надо.

Акимъ.

Глядь, оно хуже, а какъ по закону, да по-Божьи, все какъ-то, тае, оно тебя веселитъ. Манится, значитъ. Такъ и угадывалъ, значитъ, женю, значитъ, малаго отъ грѣха, значитъ; онъ дома, значитъ, тае, какъ должно по закону, а ужъ я, значитъ, тае, въ городу похлопочу. Работишка-то любезная. Сходно. По-Божью-то, значитъ, тае, и лучше. Сирота вѣдь тоже. Примѣромъ, лѣтось, дрова тожъ у приказчика взяли такимъ манеромъ! Думали обмануть. Приказчика-то обманули, а Бога-то, значитъ, тае, не обманули! ну, и того...

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же, Никита и Анютка.

Никита.

Спрашивали? (*Садится, достаетъ табакъ.*)

Петръ (*тихо, укоризненно*).

Что жъ ты, аль порядка не знаешь. Тебя отецъ спрашивать будетъ, а ты табакомъ балуешь да сѣлъ. Поди-ка сюда, встань.

(*Никита становится у стола, развязно облокачиваясь и улыбаясь*).

Акимъ.

Выходитъ, значитъ, тае, примѣрно на тебя, Микишка, жалоба, жалоба, значитъ.

Никита.

Отъ кого жалоба?

Акимъ.

Жалоба? Отъ дѣвицы, отъ сироты, значитъ, жалоба есть. Отъ ней, значитъ, и жалоба на тебя, отъ Марины отъ этой самой, значитъ.

Никита (*посмѣиваясь*).

Чудно, право. Какая жъ такая жалоба? Это кто же тебѣ сказывалъ, она, что ли?

Акимъ.

Я таперь, тае, спросъ дѣлаю, а ты, значитъ, тае, долженъ отвѣтъ произнесть. Обвязался ты съ дѣвкой, значитъ, то-есть обвязался ты съ ней, значитъ?

Никита.

И не пойму окончательно, чего спрашиваете.

Акимъ.

Значитъ, глупости, тае, глупости, значитъ, были у тебя съ ней, глупости, значитъ?

Никита.

Мало что было. Съ куфаркой отъ скуки и пошутишь и на гармоніи поиграешь, а она попляшетъ. Какія же еще глупости?

Петръ.

Ты, Никита, не костыляй, а что спрашиваетъ родитель, ты и отвѣчай толкомъ.

Акимъ (*торжественно*).

Никита! Отъ людей утаишь, а отъ Бога не утаишь. Ты, Микита, значитъ, тае, думай, не моги врать! Сирота она,

значитъ, обидѣть можно. Сирота, значитъ. Ты говори получше какъ.

Никита.

Да что, говорить-то нечего. Окончательно все и говорю, потому и говорить нечего. (*Разгорячась.*) Она чего не скажетъ. Говори, что хошь, какъ на мертваго. Что жъ она на Ѳедьку Микишкина не сказывала? А это что жъ по нынѣшнему времени, значитъ, и пошутить нельзя. А ей вольно говорить.

Акимъ.

Ой, Никишка, мотри! Неправда наружу выйдетъ. Было, аль нѣтъ?

Никита (*въ сторону*).

Вишь, привязались, право. (*Къ Акиму*). Сказываю, что ничего не знаю. Ничего у меня съ ней не было. (*Съ злобой.*) Вотъ те Христосъ, не сойти мнѣ съ доски съ этой. (*Крестится.*) Ничего знать не знаю. (*Молчаніе. Никита продолжаетъ еще горячѣе.*) Что жъ это вы меня на ней женить вздумали? Что жъ, въ самомъ дѣлѣ, право, скандалъ. Нынче и правовъ такихъ нѣтъ, чтобъ силóмъ женить. Очень просто. Да и побожился я—знать не знаю.

Матрена (*на мужа*).

То-то, глупая твоя башка дурацкая, чтó ему наболтаютъ а онъ всему и вѣритъ. Только напрасно малаго оконфузилъ. А лучше какъ живетъ, такъ пускай и живетъ у хозяина. Хозяинъ намъ теперь на нужду десяточку дастъ А время придетъ.

Петръ.

Ну какъ же, дядя Акимъ?

Акимъ (*щелкаетъ языкомъ къ сыну*).

Мотри, Никита, обижена слеза, тае, мимо не канетъ, а все, тае, на человѣческу голову. Мотри, какъ бы не того.

Никита.

Да что смотрѣть-то, ты самъ смотри. (*Садится.*)

Анютка.

Пойти мамушкѣ сказать. (*Убѣгаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Петръ, Акимъ, Матрена и Никита.

Матрена (*къ Петру*).

Вотъ такъ-то все, Петръ Игнатьичъ. Баламутный онъ у меня, втемяшитъ что въ башку, не выбьешь никакъ, только даромъ тебя потревожили. А какъ жилъ малый, такъ пусть и живетъ. Держи малаго—твой слуга.

Петръ.

Такъ какъ же, дядя Акимъ?

Акимъ.

Что жъ, я, тае, воли съ малаго не снималъ, только бы не тае. Хотѣлось, было, значитъ тае...

Матрена.

И что путаешь, самъ не знаешь. Пусть живетъ, какъ жилъ. Малому и самому сходить не охота. Да и куда намъ его, сами управимъ.

Петръ.

Одно, дядя Акимъ, если ты его на лѣто сымешь, онъ мнѣ на зиму не нуженъ. Ужъ жить, такъ въ годъ.

Матрена.

На годъ и заложится. Мы дома, въ рабочую пору, коли что, принаймемъ, а малый пусть живетъ, а ты намъ теперича десяточку...

Петръ.

Такъ какъ же, еще на годъ?

Акимъ (*вздыхаетъ*).

Да что же, ужъ видно тае, коли такъ, значитъ, видно ужъ тае.

Матрена.

Опять на годъ, отъ Митревой субботы. Въ цѣнѣ ты не обидишь, а десяточку теперь дай. Вызволь ты насъ. (*Встаетъ и кланяется.*)

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же, Анисья и Анютка.

Анисья (*садится къ сторонкѣ*).

Петръ.

Что жъ? Коли такъ, такъ—такъ, до трактира дойти и могарычи. Пойдемъ, дядя Акимъ, водочки выпьемъ.

Акимъ.

Не пью я ее, вино-то, не пью.

Петръ.

Ну, чайку попьешь.

Акимъ.

Чаемъ грѣшенъ. Чаемъ, точно.

Петръ.

И бабы-то чайку попьютъ. Ты, Микита, смотри, овецъ-то перегони, да солому подбери.

Никита.

Ладно. (*Всѣ уходятъ, кромѣ Никиты. Смеркается.*)

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Никита одинъ.

Никита (*закуриваетъ папироску*).

Вишь пристали, скажи да скажи, какъ съ дѣвками гулялъ. Эти исторіи разсказывать долго будетъ. Женись, говоритъ, на ней. На всѣхъ да жениться, — это женъ много наберется. Нужно мнѣ очень жениться, и такъ не хуже женатаго живу, завидуютъ люди. И какъ это меня, какъ толконулъ кто, какъ я на образъ перекрестился. Такъ сразу всю канитель и оборвалъ. Боязно, говорятъ, въ неправдѣ божиться. Все одна глупость. Ничего, одна рѣчь. Очень просто.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Никита и Акулина.

Акулина (*входитъ въ кафтанѣ, кладетъ веревку, раздѣвается и идетъ въ чуланъ*).

Ты бы хоть огонь засвѣтилъ.

Никита.

На тебя глядѣть? я тебя и такъ вижу.

Акулина.

Ну тебя!

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ же и Анютка.

Анютка (*вбѣгаетъ; къ Никитѣ шопотомъ*).

Микита, иди скорѣй, тебя человѣкъ одинъ спрашиваетъ, однова дыхнуть.

Никита.

Какой человѣкъ?

Анютка.

Маринка съ чугунки. За угломъ стоитъ.

Никита.

Врешь.

Анютка.

Однова дыхнуть.

Никита.

Чего жъ ей?

Анютка.

Тебѣ приходить велѣла. Мнѣ, говоритъ, Микитѣ только слово одно сказать надо. Стала я спрашивать, а она не сказываетъ. Только спросила—правда ли, что онъ отъ васъ сходитъ? А я говорю, неправда, его отецъ хотѣлъ снять да женить, да онъ отказался, у насъ на годъ еще остался. А она и говоритъ: пошли ты его ко мнѣ, ради Христа. Мнѣ, говоритъ, безпремѣнно нужно ему слово сказать. Она уже давно ждетъ. Иди же къ ней.

Никита.

Ну ее къ Богу, куда я пойду?

Анютка.

Она говоритъ, коль не придетъ, я сама въ избу къ нему пойду. Однова дыхнуть, приду, говоритъ.

Никита.

Небось, постоитъ да уйдетъ.

Анютка.

Аль, говоритъ, его на Акулинѣ женить хотятъ.

Акулина (*подходитъ къ Никитѣ за своей прялкой*).

Кого на Акулинѣ женить?

Анютка.

Микиту.

Акулина.

Легко ль? Да кто говоритъ-то?

Никита.

Да видно люди говорятъ. (*Смотритъ на нее, смѣется.*) Акулина, что пойдешь за меня?

Акулина.

За тебя-то? Може, допрежъ и пошла бы, а теперь не пойду.

Никита.

Отчего теперь не пойдешь?

Акулина.

А ты меня любить не будешь.

Никита.

Отчего не буду?

Акулина.

Тебѣ не велятъ. (*Смѣется.*)

Никита.

Кто не велитъ?

Акулина.

Да мачеха. Она все ругается, все за тобой глядитъ.

Никита (*смѣется*).

Вишь ты! Однако, ты примѣтливая.

Акулина.

Я-то? Что мнѣ примѣчать? Развѣ я слѣпая; нынче она батю пузырила, пузырила. Вѣдьма она толстомордая. (*Уходитъ въ чуланъ.*)

Анютка.

Никита! глянька-ка. (*Глядитъ въ окно.*) Идетъ. Однова дыхнуть, она. Я уйду. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Никита, Акулина *въ чуланѣ и* **Марина.**

Марина (*входитъ.*)

Что же это ты со мной дѣлаешь?

Никита.

Что дѣлаю? Ничего не дѣлаю.

Марина.

Отречься хочешь.

Никита (*сердито подымаясь*).

Ну, къ чему подобно, что пришла?

Марина.

Ахъ, Никита!

Никита.

Чудныя вы, право. Зачѣмъ пришла?

Марина.

Никита!

Никита.

Ну что Никита? Никита и есть. Чего надо-то? Иди, говорю.

Марина.

Такъ, вижу, бросить, позабыть хочешь.

Никита.

Что помнить-то? Сами не знаютъ. За угломъ стояла, Анютку послала, не пришелъ я къ тебѣ. Значитъ, не надобна ты мнѣ, очень просто. Ну и уйди.

Марина.

Не надобна! Не надобна теперь стала. Повѣрила я тебѣ, что любить будешь. А потерялъ ты меня, и не надобна стала.

Никита.

И все ни къ чему ты это говоришь, все несообразно. Ты и отцу наговорила. Уйди, сдѣлай милость.

Марина.

Самъ знаешь, что никого, кромѣ тебя, не любила. Взялъ бы, не взялъ замужъ, я на то бы не обижалась.

Не повинна я передъ тобой ничѣмъ, за что разлюбилъ? За что?

Никита.

Нечего намъ съ тобою переливать изъ пустого въ порожнее. Уйди ты. То-то безтолковыя!

Марина.

Не то мнѣ больно, что обманулъ меня, жениться обѣщалъ, а что разлюбилъ. И не то больно, что разлюбилъ, а на другую промѣнялъ,—на кого, знаю я!

Никита (*злобно идетъ къ ней*).

Эхъ! съ вашей сестрой разговаривать, никакихъ резоновъ не понимаютъ; уйди, говорю, до худа доведешь.

Марина.

До худа? Что жъ, меня бить будешь? Бей, на! Что морду-то отворотилъ? Эхъ, Никита!

Никита.

Извѣстно, не хорошо, народъ придетъ. А что жъ попусту толковать.

Марина.

Такъ конецъ, значитъ, что было, то уплыло. Позабыть велишь! Ну, Никита, помни. Берегла я свою честь дѣвичью пуще глаза. Погубилъ ты меня ни за что, обманулъ. Не пожалѣлъ сироту (*плачетъ*), отрекся отъ меня. Убилъ ты меня, да я на тебя зла не держу. Богъ съ тобой. Лучше найдешь—позабудешь, хуже найдешь—воспомянешь. Воспомянешь, Никита! Прощай, коли такъ. И любила же я тебя! Прощай въ послѣдній. (*Хочетъ обнять его и беретъ за голову.*)

Никита (*вырываясь*).

Эхъ! разговаривать съ вами. Не хочешь уходить, я самъ уйду, оставайся тутъ.

Марина (*вскрикиваетъ*)

Звѣрь ты! (*Въ дверяхъ.*) Не дастъ тебѣ Богъ счастія. (*Уходитъ плача.*)

ЯВЛЕНІЕ XX.

Никита и Акулина.

Акулина (*выходитъ изъ чулана*).

А песъ ты, Никита!

Никита

А что?

Акулина.

Какъ взвыла-то она. (*Плачетъ.*)

Никита.

Ты-то чего?

Акулина.

Чего? Обидѣлъ ты ее. Ты такъ-то и меня обидишь.. песъ ты. (*Уходитъ въ чуланъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Никита одинъ.

Никита. (*Молчаніе.*)

То-то неразбериха. Люблю я этихъ бабъ, какъ сахаръ, а нагрѣшишь съ ними—бѣда.

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЛИЦА II-го ДѢЙСТВІЯ:

ПЕТРЪ.
АНИСЬЯ.
АКУЛИНА.
АНЮТКА.
НИКИТА.
МАТРЕНА.
КУМА — сосѣдка.
НАРОДЪ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Сцена представляетъ улицу и избу Петра. Слѣва отъ зрителя—изба въ двѣ связи, сѣни, съ крыльцомъ въ серединѣ; справа—ворота и край двора. У края двора Анисья треплетъ пеньку. Послѣ перваго дѣйствія прошло 6 мѣсяцевъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анисья одна.

Анисья (*останавливается, прислушиваясь*).

Опять что-то бурчитъ. Должно, слѣзъ съ печи.

ЯВЛЕНІЕ II.

Анисья и Акулина (*входитъ съ ведрами на коромыслѣ*).

Анисья.

Кличетъ. Поди, погляди, чего ему? Во оретъ.

Акулина.

А ты-то что жъ?

Анисья.

Иди, говорятъ. (*Акулина идетъ въ избу.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Анисья одна.

Анисья.

Измучилъ онъ меня. Не открываетъ, гдѣ деньги, да и все. Намедни въ сѣняхъ былъ, должно, тамъ пряталъ. Теперь и сама не знаю гдѣ. Спасибо разстаться съ ними боится. Все въ домѣ онѣ. Только бъ найти. А на немъ вчера не было. Теперь и сама не знаю гдѣ. Измучилъ меня на отдѣлку.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Анисья и Акулина (*выходитъ, повязываясь платкомъ*).

Анисья.

Куда ты?

Акулина.

Куды? А велѣлъ тетушку Марѳу позвать. Позови, говоритъ, сестру ко мнѣ. Я помру, говоритъ, нужно мнѣ ей сказать слово.

Анисья (*про себя*).

Сестру зоветъ. О, головушка моя! О-о! Должно, ей отдать хочетъ. Что стану дѣлать? О! (*Акулинѣ.*) Не ходи! Куда ты?

Акулина.

За теткой.

Анисья.

Не ходи, говорю, я сама схожу, а ты съ бѣльемъ-то иди на рѣчку. А то до вечера не успѣешь.

Акулина.

Да онъ мнѣ велѣлъ.

Анисья.

Иди, куды посылають. Сама, говорятъ, схожу за Мареой. Рубахи-то возьми съ плетня.

Акулина.

Рубахи? Да ты, мотри, не пойдешь. Онъ велѣлъ.

Анисья.

Сказала, пойду. Анютка гдѣ?

Акулина.

Анютка? она телятъ стережетъ.

Анисья.

Пошли ее, авось не разбѣгутся. (*Акулина собираетъ бѣлье и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Анисья одна.

Анисья.

Не пойтить—заругаетъ. Пойтить—отдастъ онъ сестрѣ деньги. Пропадутъ всѣ мои труды. И что дѣлать, сама не знаю. Разскочилась моя голова. (*Продолжаетъ работать.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Анисья и Матрена (*входитъ съ палочкою и узелкомъ по-дорожному*).

Матрена.

Богъ помочь, ягодка.

Анисья (*оглядывается, бросаетъ работу и всплескиваетъ руками отъ радости*).

Вотъ не чаяла, тетушка. Лучилъ же Богъ такого гостя ко времени.

Матрена.

Ну, что?

Анисья.

Ужъ я и въ умѣ смѣшалась. Бѣда!

Матрена.

Что же, живъ, сказываютъ?

Анисья.

И не говори. Жить не живетъ и помирать не помираетъ.

Матрена.

Деньги-то не передалъ кому?

Анисья.

Сейчасъ за Мареой, за сестрой родной, посылаетъ. Должно, объ деньгахъ.

Матрена.

Видимое дѣло. Да не передалъ ли кому помимо?

Анисья.

Некому. Я какъ ястребъ надъ нимъ стерегу.

Матрена.

Да гдѣ жъ онѣ?

Анисья.

Не сказываетъ. И не дознаюсь никакъ. Хоронитъ гдѣ-то изъ одного мѣста въ другое. А мнѣ тоже отъ

Акульки нельзя. Дура-дура, а тоже подсматриваетъ, караулитъ. О! головушка моя. Измучилась я.

Матрена.

Охъ, ягодка, отдастъ денежки помимо твоихъ рукъ, вѣкъ плакаться будешь. Сопхаютъ они тебя со двора ни съ чѣмъ. Маялась ты, маялась, сердечная, вѣкъ свой съ немилымъ, да и вдовой съ сумой пойдешь.

Анисья.

И не говори, тетка. Изныло мое сердце, и не знаю, какъ быть и посовѣтовать не съ кѣмъ. Говорила Никитѣ. А онъ робѣетъ въ это дѣло вступать. Только сказалъ мнѣ вчерась, что въ полу онѣ.

Матрена.

Что жъ, лазила?

Анисья.

Нельзя — самъ тама. Я примѣчаю,— онъ ихъ то на себѣ носитъ, то хоронитъ.

Матрена.

Ты, дѣушка, помни: разъ маху дашь, вѣкъ не справишься. (*Шопотомъ.*) Что же крѣпкаго чаю-то давала?

Анисья.

О-о! (*Хочетъ отвѣчать, видитъ сосѣдку, замолкаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и кума (*проходитъ мимо избы, прислушивается къ крику въ избѣ. Къ Анисьѣ*).

Кума.

Кума! Анисья! а Анисья! Твой никакъ кличетъ.

Анисья.

Онъ все такъ кашляетъ, ровно кричитъ. Плохъ ужъ очень.

Кума (*подходитъ къ Матренѣ*).

Здорова, баушка! Отколь Богъ несетъ?

Матрена.

А изъ двора, милая. Сынка провѣдать пришла. Рубахъ принесла. Тоже свое дѣтище, вѣдашь, жалко.

Кума.

Да ужъ это такое дѣло. (*Къ Анисьѣ.*) Хотѣла, кума, красна бѣлить, да, думается, рано. Люди не зачинали.

Анисья.

Куда спѣшить-то?

Матрена.

Что же, сообщали?

Анисья.

Какъ же, вчерась попъ былъ.

Кума.

Поглядѣла я вчерась тоже, матушка моя, и въ чемъ душа держится! Измадѣлъ какъ. А ужъ намедни, матушка моя, совсѣмъ помиралъ, подъ святые положили. Ужъ и оплакали, омывать собирались.

Анисья.

Ожилъ,—поднялся; опять бродитъ теперь.

Матрена.

Что же, соборовать станете?

Анисья.

Люди приглашаютъ. Коли живъ будетъ, хотимъ завтра за попомъ посылать.

Кума.

Охъ, скучно, чай, тебѣ, Анисьюшка? Не даромъ молвится: не тотъ боленъ, кто болитъ, а кто надъ болью сидитъ.

Анисья.

Да ужъ одно бы что.

Кума.

Извѣстно дѣло, легко ли, годъ цѣлый умираетъ. По рукамъ связалъ.

Матрена.

Тоже вдовье дѣло горькое. Хорошо дѣло молодое, а на старости лѣтъ кто пожалѣетъ. Старость не радость. Хоть бы мое дѣло. Не далеко прошла, уморилась, ногъ не слышу. Сынокъ-то гдѣ?

Анисья.

Пашетъ. Да ты заходи, самоваръ поставимъ, чайкомъ душеньку отведешь.

Матрена (*садится*).

И то уморилась, миленькія. А что соборовать — это безпремѣнно надо. Люди говорятъ—тоже душѣ на пользу.

Анисья.

Да, завтра пошлемъ.

Матрена.

То-то, оно лучше. А у насъ, дѣушка, свадьба.

Кума.

Что жъ такъ, весной?

Матрена.

Да, видно, пословица не даромъ молвится: бѣдному жениться и ночь коротка. Семенъ Матвѣевичъ за себя Маринку взялъ.

Анисья.

Нашла-таки себѣ счастіе!

Кума.

Вдовецъ; должно, на дѣтей пошла?

Матрена.

Четверо. Какая же путная пойдетъ! Ну, ее и взялъ. Она и рада. Вино пили, вѣдашь, стаканчикъ не крѣпкій былъ,—проливали.

Кума.

Вишь ты! Слухъ-то былъ? А съ достаткомъ мужикъ-отъ?

Матрена.

Живутъ ничего пока.

Кума.

Оно точно, что на дѣтей кто пойдетъ. Вотъ хоть бы у насъ Михайло. Мужикъ-отъ, матушка моя...

Голосъ мужика.

Эй, Мавра, куда тебя дьяволъ носитъ? Поди корову загони. (*Сосѣдка уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Анисья и Матрена.

Матрена (*пока сосѣдка уходитъ, говоритъ ровнымъ голосомъ*).

Выдали, дѣушка, отъ грѣха, по крайности мой дуракъ объ Микишкѣ думать не будетъ. (*Вдругъ перемѣняетъ*

голосъ на шопотъ.) Ушла! (*Шопотомъ.*) Что жъ, говорю, чайкомъ-то попоила?

Анисья.

И не помипай. Помиралъ бы лучше самъ. Все одпо — не помираетъ, только грѣха на душу взяла. О-о, головушка моя! И зачѣмъ ты мнѣ давала порошки эти?

Матрена.

Что же порошки? Порошки, дѣушка, сонные, что жъ не дать? Отъ нихъ худа не будетъ.

Анисья.

Я не про сонные, а про тѣ, про бѣлесые-то.

Матрена.

Что жъ, тѣ порошки, ягодка, лѣкарственные.

Анисья (*вздыхаетъ*).

Знаю, да боязно. Измучилъ онъ меня

Матрена.

Что же, много извела?

Анисья.

Два раза давала.

Матрена.

Что же, не примѣтно?

Анисья.

Я сама въ чаю пригубила, чуть горчитъ. А онъ выпилъ съ чаемъ-то, да и говоритъ: мнѣ и чай-то противенъ. Я говорю: больному все горько. Да и жутко же мнѣ стало, тетушка.

Матрена.

А ты не думай: что думать, то хуже.

Анисья.

И лучше ты мнѣ не давала бы, и на грѣхъ не наводила. Какъ вспомнишь, такъ на душѣ загребтитъ. И зачѣмъ ты дала мнѣ ихъ?

Матрена.

И, что ты, ягодка! Христосъ съ тобой. Что жъ ты на меня-то сворачиваешь? Ты, дѣушка, мотри, съ больной головы на здоровую не сворачивай. Коли чего коснется, мое дѣло сторона, я знать не знаю, вѣдать не вѣдаю,— крестъ поцѣлую, никакихъ порошковъ не давала и не видала, и не слыхала, какіе такіе порошки бываютъ. Ты, дѣушка, сама думай. Мы и то намеднись про тебя разговорились какъ она, молъ, сердечная, маится. Падчерица—дура, а мужикъ гнилой—присуха одна. Съ этой жизни чего не сдѣлаешь.

Анисья.

Да и то, я не отрекусь. Отъ моего житья не то, что эти дѣла, а либо повѣситься, либо его задушить. Развѣ это жизнь?

Матрена.

То-то и дѣло. Ротъ разѣвать некогда. А какъ никакъ, обыскать деньги да чайкомъ попоить.

Анисья.

О-о, головушка моя бѣдная! И что̀ дѣлать теперь, сама не знаю, и жутость беретъ, — помиралъ бы ужъ лучше самъ. Тоже на душу брать не хочется.

Матрена (*съ злобой*).

А что же онъ деньги-то не открываетъ? Что же онъ ихъ съ собой возьметъ,—никому не достанутся. Развѣ

это хорошо? Помилуй Богъ, да такія деньжищи дуромъ пропадутъ. Развѣ это не грѣхъ? Что же онъ-то дѣлаетъ? На него и смотрѣть?

Анисья.

Уже и сама не знаю. Измучилъ онъ меня.

Матрена.

Чего не знать-то? Дѣло на виду. Промашку теперь сдѣлаешь, вѣкъ каяться будешь. Передастъ онъ сестрѣ деньги, а ты оставайся.

Анисья.

О-охъ, и то посылалъ вѣдь за ней,—итти надо.

Матрена.

А ты погоди ходить, а первымъ дѣломъ самоварчикъ поставь. Мы его чайкомъ попоимъ, да деньги вдвоемъ поищемъ,—дощупаемся, небось.

Анисья.

О-о! Какъ бы чего не было.

Матрена.

А то что жъ? Что смотрѣть-то. Что жъ ты деньги-то только глазами поваляешь, а въ руки не попадутъ? Ты дѣлай.

Анисья.

Такъ я пойду, самоваръ поставлю.

Матрена.

Иди, ягодка, дѣло дѣлай, какъ надо, чтобы послѣ не тужить. Такъ-то. (*Анисья отходитъ, Матрена подзываетъ.*)

Матрена

Одно дѣло: Микиткѣ не сказывай про всѣ дѣла. Онъ дурашный. Избави Богъ, узнаетъ про порошки. Онъ, Богъ знаетъ, что̀ сдѣлаетъ. Жалостливъ онъ очень. Онъ, вѣдашь, и курицы, бывало, не зарѣжетъ. Не сказывай ему. Бѣда, онъ того не разсудитъ. (*Останавливается въ ужасъ, на порогъ показывается Петръ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Петръ (*держась за стѣнку, выползаетъ на крыльцо и кличетъ слабымъ голосомъ*).

Петръ.

Что же васъ не дозовешься. О-охъ! Анисья, кто здѣсь? (*Падаетъ на лавку.*)

Анисья (*выходитъ изъ-за угла*).

Чего, вылѣзъ? Лежалъ бы, гдѣ лежалъ.

Петръ.

Что за Мароой ходила дѣвка-то?.. Тяжко... Охъ, хоть бы смерть скорѣе!..

Анисья.

Недосугъ ей: я ее на рѣчку послала. Дай срокъ, управлюсь, сама схожу.

Петръ.

Анютку пошли. Гдѣ она? Охъ, тяжко! охъ, смерть моя!

Анисья.

Я и то послала за ней.

Петръ.

Охъ! гдѣ жъ она?

Анисья.

Гдѣ она тамъ? параликъ ее расшиби!

Петръ.

Охъ, мочи моей нѣтъ. Сожгло нутро. Ровно буравцомъ сверлитъ. Что же вы меня бросили какъ собаку... и напиться подать некому... Охъ... Анютку пошли ко мнѣ.

Анисья.

Вотъ она. Анютка, иди къ отцу.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Анютка (*вбѣгаетъ. Анисья уходитъ за уголъ*)

Петръ.

Поди ты, охъ, къ теткѣ Марѳѣ, скажи, отецъ, молъ, зоветъ, пришла чтобъ, нужно мнѣ.

Анютка.

Ну что жъ.

Петръ.

Постой. Скорѣе нужно, скажи. Скажи—помирать хочу. О-охъ!..

Анютка.

Только платокъ возьму, а я сейчасъ. (*Убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Петръ, Анисья и Матрена.

Матрена (*подмигивая*).

Ну, дѣушка, дѣло свое помни. Иди въ избу, вездѣ ошарь. Ищи, какъ собака блохъ ищетъ; все перебери, а я на немъ обыщу сейчасъ.

Анисья (*къ Матренѣ*).

Все съ тобой смѣлѣй какъ будто. (*Подходитъ къ крыльцу. Къ Петру.*) Самоваръ не поставить ли тебѣ? И тетка Матрена къ сыну пришла,—съ ней попьете.

Петръ.

Что жъ, поставь. (*Анисья уходитъ въ сѣни.*)

ЯВЛЕНІЕ XII.

Петръ и Матрена. (*Матрена подходитъ къ крыльцу.*)

Петръ.

Здорово.

Матрена.

Здравствуй, благодѣтель. Здравствуй, касатикъ... Хвораешь, видно все. И старикъ мой какъ жалѣетъ. Поди, говоритъ, провѣдай. Поклонъ прислалъ. (*Еще разъ кланяется.*)

Петръ.

Помираю я.

Матрена.

И то, посмотрю на тебя, Игнатычъ, не по лѣсу, видно, а по людямъ боль-то ходитъ. Исчадѣлъ, исчадѣлъ ты весь, сердечный, погляжу на тебя. Не краситъ, видно, хворь-то?

Петръ.

Пришла смерть моя.

Матрена.

Что жъ, Петръ Игнатычъ, Божья воля, собщили, особоруютъ, Богъ дастъ; баба у тебя, слава Богу, умная, и похоронятъ и помянутъ, все честь честью. И мой сыночекъ тоже, поколѣ что, по дому хлопотать будетъ.

Петръ.

Приказать некому! Необстоятельна баба, глупостями занимается, вѣдь все знаю я. . знаю... Дѣвка дурковата, да и млада. Домъ собиралъ, а обдумать некому. Жаль тоже. (*Хнычетъ*).

Матрена.

Что жъ, коли деньги или что, приказать можно...

Петръ (*къ Анисьѣ въ сѣнцы*).

Пошла, что ль, Анютка-то?

Матрена (*въ сторону*).

Ишь вспомнилъ.

Анисья (*изъ сѣней*).

Въ ту же пору пошла. Иди въ избу-то, что ль, я проведу.

Петръ.

Дай посижу напослѣдяхъ. Духъ тяжкій тамъ. Тяжко мнѣ... Охъ, сожгло сердце все... Хоть бы смерть...

Матрена.

Богъ души не вынетъ, сама душа не выйдетъ. Въ смерти и животѣ Богъ воленъ, Петръ Игнатычъ. Тоже и смерти не угадаешь. Бываетъ и поднимешься. Такъ-то вотъ у насъ въ деревнѣ мужикъ совсѣмъ ужъ помиралъ...

Петръ.

Нѣтъ. Чую я, что нынче умру, чую. (*Прислоняется и закрываетъ глаза.*)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Анисья.

Анисья (*выходитъ*).

Ну что же, пойдешь али нѣтъ? Тебя не дождешься. Петра, а Петра!

Матрена (*отходитъ и манитъ къ себѣ пальцемъ Анисью*).

Ну, что жъ?

Анисья (*сходитъ съ крыльца къ Матренѣ*).

Нѣту.

Матрена.

Да ты все ли обыскала? Въ полу-то?

Анисья.

И тамъ нѣтути. Нешто въ пунькѣ. Вчера туда лазилъ.

Матрена.

Ищи, пуще всего ищи. Какъ языкомъ вылижи. А я примѣчаю—нынче и такъ помереть,—ноготь синій и на лицо земля пала. Самоваръ-то поспѣлъ, что ль?

Анисья.

Закипать хочетъ.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и Никита (*приходитъ съ другой стороны, и если можно, пріѣзжаетъ на лошади къ воротамъ, не видитъ Петра*).

Никита (*къ матери*).

Здорово, матушка, здоровы ли дома?

Матрена.

Слава Господу Богу, живемъ, пока хлѣбъ жуемъ.

Никита.

Ну что, хозяинъ какъ?

Матрена.

Тише, вонъ онъ сидитъ. (*Показываетъ на крыльцо.*)

Никита.

Такъ что же, пущай сидитъ. Мнѣ чего?

Петръ (*открываетъ глаза*).

Микита, а Микита, подь-ка сюда! (*Никита подходитъ, Анисья шепчется съ Матреной.*)

Петръ.

Что рано пріѣхалъ?

Никита.

Допахалъ.

Петръ.

За мостомъ полоску пахалъ?

Никита.

Туда далече ѣхать.

Петръ.

Далече? Изъ дома дальше. За нарочнымъ поѣдешь. За одно бы. (*Анисья, не показываясь, прислушивается.*)

Матрена (*подходитъ*).

Ахъ, сынокъ, что жъ такъ хозяину не стараешься? Хозяинъ хворый, на тебя надѣется, ты долженъ какъ отцу родному, жилы вытягивай, а служи, такъ я тебѣ приказывала.

Петръ.

Такъ ты того, охъ!.. картошки повытаскай, бабы... о . переберутъ.

Анисья (*про себя*).

Какъ же, и пошла я. Опять отъ себя всѣхъ услать хочетъ, должно, на немъ теперь деньги-то. Куда-нибудь схоронить хочетъ.

Петръ.

А то, о-охъ! сажать время придетъ, а они попрѣли. Охъ, мочи нѣтъ! (*Поднимается.*)

Матрена (*вбѣгаетъ на крыльцо, поддерживаетъ Петра*).

Аль въ избу свесть?

Петръ.

Сведи. (*Останавливается.*) Микита!

Никита (*сердито*).

Чего еще?

Петръ.

Не увижу тебя... Помру нынче... Прости меня, Христа ради, прости, когда согрѣшилъ передъ тобой... Словомъ и дѣломъ, согрѣшилъ когда... Всего было. Прости.

Никита.

Что жъ прощать, мы сами грѣшные.

Матрена.

Ахъ, сынокъ, ты чувствуй!

Петръ.

Прости, Христа ради. (*Плачетъ.*)

Никита (*сопитъ*).

Богъ проститъ, дядя Петръ. Что жъ, мнѣ на тебя обижаться нечего. Я отъ тебя худого не видалъ. Ты меня

прости, можетъ, я виноватѣе передъ тобою. (*Плачетъ. Петръ, хныкая, уходитъ. Матрена поддерживаетъ его.*)

ЯВЛЕНІЕ XV.

Никита и Анисья.

Анисья.

О, головушка моя бѣдная! неспроста онъ это, задумалъ видно что́. (*Подходитъ къ Никитѣ.*) Что жъ ты сказывалъ, что деньги въ полу,—нѣту тамъ.

Никита (*не отвѣчаетъ, плачетъ*).

Я отъ него худого, окромя хорошаго, ничего не видалъ. А я вотъ что́ сдѣлалъ!

Анисья.

Ну, буде. Деньги-то гдѣ?

Никита (*сердито*).

А кто его знаетъ. Ищи сама.

Анисья.

Что больно жалостливъ?

Никита.

Жалко мнѣ его. Какъ жалко. Заплакалъ какъ! Э-эхъ!

Анисья.

Вишь жалость напала, есть кого жалѣть! Онъ тебя собачилъ-собачилъ, и сейчасъ приказывалъ, чтобъ согнать тебя со двора долой. Ты бы меня пожалѣлъ.

Никита.

Да что тебя жалѣть-то?

Анисья.

Помретъ, деньги скроетъ...

Никита.

Небось, не скроетъ...

Анисья.

Охъ, Никитушка! за сестрой послалъ, ей отдать хочетъ. Бѣда наша: какъ намъ жить будетъ, какъ онъ деньги отдастъ? Ссунутъ они меня со двора! Ужъ ты бы похлопоталъ. Ты сказывалъ, въ пуньку вечоръ лазилъ онъ.

Никита.

Видѣлъ, онъ оттель идетъ, а куда сунулъ, кто его знаетъ.

Анисья.

О, головушка! пойду тамъ поищу. (*Никита отходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же и Матрена (*выходитъ изъ избы, спускается къ Анисьѣ и Никитѣ, шопотомъ*).

Матрена.

Никуда не ходи, деньги на немъ, я ощупала, на гайтанѣ онѣ.

Анисья.

О, головушка моя бѣдная!

Матрена.

Теперь сморгаешь. Ищи тогда на орлѣ — на правомъ крылѣ. Сестра придетъ—и прощайся.

АНИСЬЯ.

И то придетъ, отдастъ ей. Какъ быть-то! О, головушка!

МАТРЕНА.

Какъ быть-то? А ты смотри сюда: самоваръ-то вскипѣлъ, поди ты, завари чайкю да налей ему (*шопотомъ*), да изъ грамотки-то всю высыпь и попои его. Выпьетъ чашку, тогда и тащи. Небось, не разскажетъ.

АНИСЬЯ.

О, боязно!

МАТРЕНА.

Ты это не толкуй, живо дѣлай, а я сестру-то постерегу, коли что. Оплошки не давай. Тащи деньги, да и неси сюда, а Микита схоронитъ.

АНИСЬЯ.

О, головушка! какъ приступиться-то и... и...

МАТРЕНА.

Говорю, не толкуй; дѣлай, какъ велю. Микита!

НИКИТА.

Чего?

МАТРЕНА.

Ты тутъ постой, посиди на заваликѣ, коли что, дѣло будетъ.

НИКИТА (*махая рукой*).

Ужъ эти бабы придумаютъ. Окончательно завертятъ. Ну васъ совсѣмъ. Пойти и то — картошки повытаскать.

МАТРЕНА (*останавливаетъ его за руку*).

Говорю, постой.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ же и Анютка (*входитъ*).

Анисья.

Ну что?

Анютка.

Она у дочери на огородѣ была, сейчасъ придетъ.

Анисья.

Придетъ она, что́ дѣлать будемъ?

Матрена (*Анисьѣ*).

Поспѣешь, дѣлай, что́ велю.

Анисья.

Ужъ сама не знаю—не знаю ничего, въ умѣ смѣшалось. Анютка! иди, донюшка, къ телятамъ, чай разбѣжались. Охъ, не насмѣлюсь!

Матрена.

Иди, что ль, самоваръ ушелъ, я чай.

Анисья.

Охъ, головушка моя бѣдная! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Матрена и Никита.

Матрена (*подходитъ къ сыну*).

Такъ-то, сынокъ. (*Садится рядомъ съ нимъ на завалинку.*) Дѣло твое тоже обдумать надо, а не какъ-нибудь.

Никита.

Да какое дѣло?

Матрена.

А то дѣло, какъ тебѣ на свѣтѣ прожить.

Никита.

Какъ на свѣтѣ прожить? Люди живутъ, такъ и я.

Матрена.

Старикъ-то, должно, нынче помретъ.

Никита.

Помретъ, царство небесное. Мнѣ-то что́?

Матрена (*все время говоритъ и поглядываетъ на крыльцо*).

Эхъ, сынокъ! Живое живое и думаетъ. Тутъ, ягодка, тоже ума надо много. Ты какъ думаешь, я по твоему дѣлу по всѣмъ мѣстамъ толкалась, всѣ ляжки измызгала, объ тебѣ хлопотамши. А ты помни, тогда меня не забудь.

Никита.

Да о чемъ хлопотала-то?

Матрена.

А о дѣлѣ о твоемъ, объ судьбѣ объ твоей. Загодя не похлопотать, ничего и не будетъ. Ивана Мосеича знаешь? До него тоже я притолчна. Зашла намедни, я ему, вѣдашь, тоже дѣло одно управила, посидѣла, къ слову разговорились. Какъ, говорю, Иванъ Мосеичъ, разсудить дѣло одно. Примѣрно, говорю, мужикъ вдовый, взялъ примѣрно, за себя другую жену, и, примѣрно, только и дѣтей, что дочь отъ той жены, да отъ этой. Что, говорю,

какъ помретъ мужикъ этотъ, можно ли, я говорю, войти на вдову эту въ дворъ чужому мужику? Можно, я говорю, этому мужику дочерей замужъ отдать и самому во дворѣ остаться? Можно, говоритъ, да только надо, говоритъ, старанья тутъ много, съ деньгами, говоритъ, можно это дѣло оборудовать, а безъ денегъ, говоритъ, и соваться нечего.

Никита (*смѣется*).

Да ужъ это что говоритъ, только подавай имъ денежки-то. Денежки всѣмъ нужны.

Матрена.

Ну, ягодка, я и открылась ему во всѣхъ дѣлахъ. Первымъ дѣломъ, говоритъ, надо твоему сыночку въ ту деревню приписаться, на это денежки нужно,—стариковъ попоить. Они, значитъ, и руки приложатъ. Все, говоритъ, надо съ умомъ дѣлать. Глянь-ка сюда (*достаетъ изъ платка бумагу*), вотъ и бумагу отписалъ, почитай-ка, вѣдь ты дошлый. (*Никита читаетъ, Матрена слушаетъ.*)

Никита.

Бумага, извѣстно, приговоръ значитъ. Тутъ мудрости большой нѣтъ.

Матрена.

А ты слухай, что Иванъ Мосеичъ приказываетъ. Пуще всего, говоритъ, тетка, смотри, чтобъ денежки не упустить. Не ухватитъ, говоритъ, она деньги, не дадутъ ей на себя зятя припять. Деньги, говоритъ, всему дѣлу голова. Такъ мотри. Дѣло, сынокъ, доходитъ.

Никита.

Мнѣ что деньги ея, она и хлопочи.

Матрена.

Эка ты, сынокъ, судишь! Развѣ баба можетъ обдумать. Если и возьметъ она деньги, гдѣ же ей обдумать,— бабье дѣло извѣстно, а ты все мужикъ. Ты, значитъ, можешь и спрятать и все такое. У тебя все-таки ума больше, коли что коснется.

Никита.

Эхъ, женское ваше понятіе необстоятельное совсѣмъ

Матрена.

Какъ же необстоятельно! Ты заграбь денежки-то. Баба-то у тебя въ рукахъ будетъ. Если случаемъ и похрапывать начнетъ или что, ей укороту можно сдѣлать

Никита.

Ну васъ совсѣмъ, пойду.

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Никита, Матрена и Анисья *(выбѣгаетъ блѣдная изъ избы за уголъ къ Матренѣ).*

Анисья.

На немъ и были. Вотъ онѣ. (*Показываетъ подъ фартукомъ.*)

Матрена.

Давай Микиткѣ, онъ схоронитъ. Микитка, бери, схорони куда.

Никита.

Что же, давай.

Анисья.

О-охъ, головушка! да ужъ я сама, что ли. (*Идетъ къ воротамъ*).

Матрена (*хватаетъ ея за руку*).

Куда идешь? Хватятся, вотъ сестра идетъ, ему давай, онъ знаетъ. Эка безтолковая!

Анисья (*останавливается въ нерѣшительности*).

О, головушка!

Никита.

Что жъ, давай, что ль, суну куда.

Анисья.

Куда сунешь-то?

Никита.

Аль робѣешь? (*Смѣется.*)

ЯВЛЕНІЕ XX.

Тѣ же и Акулина (*идетъ съ бѣльемъ*).

Анисья.

О-охъ, головушка моя бѣдная! (*Отдаетъ деньги.*) Микита, мотри.

Никита.

Чего боишься-то? Туда запхаю, что и самъ не найду. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Матрена, Анисья и Акулина.

Анисья (*стоитъ въ испугѣ*).

О-охъ, что какъ онъ...

МАТРЕНА.

Что же, померъ?

АНИСЬЯ.

Да, померъ, никакъ. Я снимала, онъ и не почуялъ.

МАТРЕНА.

Иди въ избу-то, вонъ Акулина идетъ.

АНИСЬЯ.

Что жъ, я нагрѣшила, а онъ, да что съ деньгами...

МАТРЕНА.

Буде, иди въ избу, вонъ и Марѳа идетъ.

АНИСЬЯ.

Ну повѣрила я ему. Что-то будетъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Марѳа, Акулина, Матрена.

МАРѲА (*идетъ съ одной стороны, Акулина съ другой. Къ Акулинѣ*).

Я бы даве пришла, да къ дочери пошла. Ну, что старикъ-отъ? Аль помирать хочетъ?

АКУЛИНА (*снимаетъ бѣлье*).

А кто его знаетъ. Я на рѣчкѣ была.

МАРѲА (*указывая на Матрену*).

Эта чья же?

Матрена.

А изъ Зуева, Микиты мать я, изъ Зуева, родимая. Здравствуйте, изнылъ, изнылъ сердечный, братецъ-то. Самъ выходилъ. Пошли мнѣ, говоритъ, сестрицу, потому, говоритъ... О! Да ужъ не кончился ли?

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Тѣ же и Анисья (*выбѣгаетъ изъ избы съ крикомъ, хватается за столбикъ и начинаетъ выть*).

О-охъ! О-о-о, и на кого-о-о и оставилъ и о-о-о и на ко-о-го-о-о поки-и-нулъ о-о-о... вдовой горемычной... вѣкъ вѣковать, закрылъ ясны очи...

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

Тѣ же и кума. (*Кума и Матрена подхватываютъ ее подъ руки. Акулина и Марѳа идутъ въ избу. Народъ приходитъ*).

Одинъ голосъ изъ народа.

Старухъ позвать, убирать надо.

Матрена (*засучиваетъ рукава*).

Вода въ чугунѣ-то есть, что ли? А то самоваръ, я чай, еще не вылитъ. Потружусь и я.

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЛИЦА III-го ДѢЙСТВІЯ.

АКИМЪ.
НИКИТА.
АКУЛИНА.
АНИСЬЯ.
АНЮТКА.
МИТРИЧЪ—старикъ работникъ, отставной солдатъ.
КУМА—Анисьи.

ДѢЙСТВІЕ III.

Изба Петра. Зима. Послѣ 2-го дѣйствія прошло 9 мѣсяцевъ. *Анисья* ненарядная сидитъ за станомъ, ткетъ. *Анютка* на печи. *Митричъ*, старикъ работникъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Митричъ (*входитъ медленно, раздѣвается*).

О, Господи помилуй! Что жъ, не пріѣзжалъ хозяинъ-то?

Анисья.

Чего?

Митричъ.

Микита-то изъ города не бывалъ?

Анисья.

Нѣту.

Митричъ.

Загулялъ, видно. О Господи!

Анисья.

Убрался на гумнѣ-то?

Митричъ.

А то какъ же? Все какъ надо убралъ, соломкой прикрылъ. Я не люблю какъ-нибудь. О Господи! Микола ми-

лостивый! (*Ковыряетъ мозоли.*) А то бы пора ему и быть.

Анисья.

Чего ему торопиться. Деньги есть, гуляетъ съ дѣвкой, я чай...

Митричъ.

Деньги есть, такъ чего жъ не гулять. Акулина-то по что въ городъ поѣхала?

Анисья.

А ты спроси ее. Зачѣмъ туда нелегкая понесла.

Митричъ.

Въ городъ-то зачѣмъ? Въ городу всего много, только бы было на что̀. О Господи!

Анютка.

Я, матушка, сама слышала. Полушальчикъ, говоритъ, тебѣ куплю, однова дыхнуть, куплю, говоритъ; сама, говоритъ, выберешь. И убралась она хорошо какъ: безрукавку плисовую надѣла и платокъ французскій.

Анисья.

Ужъ и точно дѣвичій стыдъ до порога, а переступила и забыла. То-то безстыжая!

Митричъ.

Вона! Чего стыдиться-то? Деньги есть, такъ и гуляй. О Господи! Ужинать-то рано, что ли? (*Анисья молчитъ.*) Пойти погрѣться пока что̀. (*Лѣзетъ на печь.*) О Господи, Матерь Пресвятая Богородица. Микола угодникъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же. Кума.

Кума (*входитъ*).

Не ворочался, видно, твой-то?

Анисья.

Нѣту.

Кума.

Пора бы. Въ нашъ трактиръ не заѣхалъ ли. Сестра Ѳекла сказывала, матушка моя, стоятъ тамъ саней много изъ города.

Анисья.

Анютка! А Анютка!

Анютка.

Чего?

Анисья.

Сбѣгай ты, Анютка, въ трактиръ, посмотри. Ужъ не туда ли онъ спьяна заѣхалъ?

Анютка (*спрыгиваетъ съ печи, одѣвается*).

Сейчасъ.

Кума.

И Акулину съ собой взялъ?

Анисья.

А то бы ѣхать не зачѣмъ. Изъ-за нея всѣ дѣла нашлись. Въ банку, говоритъ, надо, получка вышла, а все только она его путаетъ.

Кума (*качаетъ головой*).

Ужъ и что говорить. (*Молчаніе.*)

Анютка (*въ дверяхъ*).

А коли тамъ, сказать что̀?

Анисья.

Ты посмотри только, тамъ ли?

Анютка.

Ну что жъ, я живо слетаю. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Анисья, Митричъ и кума. (*Долгое молчаніе.*)

Митричъ (*рычитъ*).

О Господи, Микола милостивый!

Кума (*вздрагиваетъ*).

Охъ, напугалъ. Это кто жъ?

Анисья.

Да Митричъ, работникъ.

Кума.

О о-хъ—натращалъ! Я и забыла. А что, кума, сказываютъ, сватали Акулину-то?

Анисья (*вылѣзаетъ изъ-за стана и садится къ столу*).

Посыкнулись было изъ Дѣдлова, да, видно, слушокъ-то есть и у нихъ, посыкнулись было, да и молчокъ; такъ и запало дѣло. Кому охота!

Кума.

А изъ Зуева-то Лизуновы?

Анисья.

Засылка была. Да тоже не сошлось. Онъ и къ себѣ не примаетъ.

Кума.

А отдавать бы надо.

Анисья.

Ужъ какъ надо-то. Не чаю, кума, какъ со двора спихнуть, да не паитъ дѣло-то. Ему не охота. Да и ей тоже. Не нагулялся, видишь, еще съ красавой-то съ своей.

Кума.

И-и-и, грѣхи. Чего вздумать нельзя. Вотчимъ вѣдь ей.

Анисья.

Эхъ, кума! Оплели меня, обули такъ ловко, что и сказать нельзя. Ничего-то я сдуру не примѣчала, ничего-то я не думала, такъ и замужъ шла. Ничегохонько не угадывала, а у нихъ согласье ужъ было.

Кума.

О-о, дѣло-то какое!

Анисья.

Дальше—больше, вижу, отъ меня хорониться стали. Ахъ, кума, ужъ и тошно жъ мнѣ, тошно житье мое было! Добро бъ не любила я его.

Кума.

Да что ужъ и говорить.

Анисья.

И больно жъ мнѣ, кума, отъ него обиду такую терпѣть. Охъ, больно!

Кума.

Что жъ, сказываютъ, и на руку ёрзокъ сталъ?

Анисья.

Всего есть—бывало, во хмелю смиренъ былъ. Зашибалъ онъ допрежде того, да все, бывало, хороша я ему была, а нынче какъ надуется, такъ и лѣзетъ на меня, стоптать ногами хочетъ. Намедни въ косы руками увязъ, насилу вырвалась. А ужъ дѣвка хуже змѣи, и какъ только такихъ злющихъ земля родитъ.

Кума.

О-о-о! кума, болѣзная жъ ты, погляжу я на тебя! Каково жъ терпѣть; нищаго приняла, да онъ надъ тобой такъ измываться будетъ. Ты что жъ ему укороту не сдѣлаешь?

Анисья.

Охъ, кумушка милая! Съ сердцемъ своимъ что́ сдѣлаю. Покойникъ на что строгъ былъ, а все жъ я какъ хотѣла, такъ и вертѣла, а тутъ не могу, кумушка. Какъ увижу его, такъ и сердце все сойдетъ. Нѣтъ у меня противъ него и смѣлости никакой; хожу передъ нимъ какъ куренокъ мокрый.

Кума.

О-о, кума! да это, видно, сдѣлано надъ тобой что. Матрена-то, сказываютъ, этими дѣлами занимается. Должно, она.

Анисья.

Да и я сама, кума, думаю. Вѣдь какъ обидно другой разъ. Кажется, разорвала бы его. А увижу его, нѣтъ, не поднимается на него сердце.

Кума.

Видимое дѣло, напущено. Долго ль, матушка моя, человѣка испортить. То-то погляжу я на тебя, куда что́ дѣлось!

Анисья.

Вовсе въ лутошку ноги сошлись. А на дуру-то на Акулину погляди. Вѣдь растрепа дѣвка, нехалявая, а теперь погляди-ка. Откуда что́ взялось. Да нарядилъ онъ ее. Расфуфырилась, раздулась, какъ пузырь на водѣ. Тоже, даромъ что дура, забрала себѣ въ голову: я, говоритъ, хозяйка. Домъ мой. Батюшка на мнѣ его и женить хотѣлъ. А ужъ зла, Боже упаси. Разозлится, съ крыши солому роетъ.

Кума.

О-охъ, житье твое, кума, погляжу. Завидуютъ тоже люди. Богаты, говорятъ, да видно, матушка моя, и черезъ золото слезы льются.

Анисья.

Есть чему завидовать. Да и богатство-то все такъ прахомъ пройдетъ. Мотаетъ денежки, страсть.

Кума.

Да что жъ ты, кума, больно просто пустила? Деньги твои.

Анисья.

Кабы ты все знала! А то сдѣлала я промашку одну.

Кума.

Я бъ, кума, на твоемъ мѣстѣ прямо до начальника до большого дошла. Деньги твои. Какъ же онъ можетъ мотать? Такихъ правовъ нѣтъ.

Анисья.

На это нынче не взираютъ.

Кума.

Охъ, кума, посмотрю я на тебя. Ослабла ты.

Анисья.

Ослабла, милая, совсѣмъ ослабла. Замоталъ онъ меня. И сама ничего не знаю. О-о, головушка моя бѣдная!

Кума.

Никакъ идетъ кто? (*Прислушивается. Отворяется дверь и входитъ Акимъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Акимъ.

Акимъ (*крестится, обиваетъ лапти и раздѣвается*).

Миръ дому сему. Здорово живете? Здорово, тетенька.

Анисья.

Здорово, батюшка. Изъ двора, что ль?

Акимъ.

Думалъ, тае, дай, значитъ, схожу, тае, къ сынку, къ сынку пройду. Не рано пошелъ, пообѣдалъ, значитъ, пошелъ; анъ снѣжно какъ, тае, тяжко, итти тяжко, вотъ и,

тае, запоздалъ, значитъ. А сынокъ дома? Дома сынокъ то-есть?

Анисья.

Нѣтути, въ городу.

Акимъ (*садится на лавку*).

Дѣльце до него, то-есть, тае, дѣльце. Сказывалъ, значитъ, ему намедни, тае, значитъ, объ нуждѣ сказывалъ, лошаденка извелась, значитъ, лошаденка-то. Объегорить, тае, надоть, лошаденку-то какую ни на есть, лошаденку-то. Вотъ и, тае, пришелъ, значитъ.

Анисья.

Сказывалъ Микита; пріѣдетъ, потолкуете. (*Встаетъ къ печи.*) Поужинай, а онъ подъѣдетъ; Митричъ, а Митричъ, иди ужинать.

Митричъ.

О Господи, Микола милостивый!

Анисья.

Иди ужинать.

Кума.

Я пойду, прощавайте. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Акимъ, Анисья и Митричъ.

Митричъ (*слѣзаетъ*).

И не видалъ, какъ заснулъ. О Господи, Микола угодникъ! Здорово, дядя Акимъ,

Акимъ.

Э! Митричъ! Ты что же, значитъ, тае?..

Митричъ.

Да вотъ въ работникахъ у Никиты, у сына у твоего живу.

Акимъ.

Ишь ты! Значитъ, тае, въ работникахъ, у сына-то. Ишь ты!

Митричъ.

То въ городу жилъ у купца, да пропился тамъ. Вотъ и пришелъ въ деревню. Причалу у меня нѣтъ, ну и нанялся. (*Зѣваетъ.*) О Господи!

Акимъ.

Что жъ, тае, али, тае, Микишка, что дѣлаетъ? Дѣло, значитъ, еще какое, что работника, значитъ, тае, работника нанялъ?

Анисья.

Какое ему дѣло? то управлялся, а нынче не то на умѣ, вотъ и работника взялъ.

Митричъ.

Деньги есть, такъ что жъ ему.

Акимъ.

Это, тае, напрасно, вотъ это, совсѣмъ, тае, напрасно. Напрасно это. Баловство значитъ.

Анисья.

Да ужъ избаловался, избаловался, что и бѣда.

Акимъ.

То-то, тае, думается, какъ бы получше, тае, а оно, значитъ, хуже. Въ богатствѣ-то избалуется человѣкъ, избалуется.

Митричъ.

Съ жиру-то и собака бѣсится; съ жиру какъ не избаловаться! Я вонъ съ жиру-то какъ крутилъ. Три недѣли пилъ безъ просыпу. Послѣдніе портки пропилъ. Не на что больше, ну и бросилъ. Теперь зарекся. Ну ее.

Акимъ.

А старуха-то, значитъ, твоя, гдѣ же?..

Митричъ.

Старуха, братъ, моя къ своему мѣсту пристроена. Въ городу, по кабакамъ сидитъ. Щеголиха тоже — одинъ глазъ выдранъ, другой подбитъ и морда на сторону своросчена. А тверезая, въ ротъ ей пирога съ горохомъ, никогда не бываетъ.

Акимъ.

О-о! что же это?!

Митричъ.

А куда же солдатской женѣ мѣсто? Къ дѣлу своему предѣлена. (*Молчаніе.*)

Акимъ (*къ Анисьѣ*).

Что жъ Никита-то въ городъ, тае, повезъ что? Продавать, значитъ, повезъ что?

Анисья (*накрываетъ на столъ и подаетъ*).

Порожнемъ поѣхалъ. За деньгами поѣхалъ, въ банкѣ деньги брать.

Акимъ (*ужинаетъ*).

Что жъ вы ихъ, тае, деньги-то куда еще предѣлить хотите, деньги-то?

Анисья.

Нѣтъ, мы не трогаемъ. Только 20 или 30 рублей; вышло, такъ взять надо.

Акимъ.

Взять надо? Что жъ ихъ брать-то, тае, деньги-то? Нынче, значитъ, тае, возьмешь, завтра, значитъ, возьмешь,—такъ ихъ и, тае, всѣ переберешь, значитъ.

Анисья.

Это окромя получай. А деньги всѣ цѣлы.

Акимъ.

Цѣлы? Какъ же, тае, цѣлы? Ты бери ихъ, а онѣ, тае, цѣлы? Какъ же, насыпь ты, тае, муки, значитъ, и все, тае, въ рундукъ, тае, или амбаръ, да и бери ты оттуда муку-то, что же она, тае, цѣла будетъ? Это значитъ не тае, обманываютъ они. Ты это дознайся, а то обманутъ они. Какъ же цѣлы? Ты, тае, бери, а онѣ цѣлы?

Анисья.

Ужъ я и не знаю. Намъ тогда Иванъ Мосеичъ присудилъ. Положите, говоритъ, деньги въ банку и деньги цѣлѣе и процентъ получать будете.

Митричъ (*кончилъ ѣсть*).

Это вѣрно. Я у купца жилъ. У нихъ все такъ. Положи деньги, да и лежи на печи, получай.

Акимъ.

Чудно, тае, говоришь ты. Какъ же, тае, получай, ты, тае, получай, а имъ, значитъ, тае, съ кого же, тае, получать-то, деньги-то?

Анисья.

Изъ банки деньги даютъ.

Митричъ.

Это что? Баба, она раздробить не можетъ. А ты гляди сюда, я тебѣ всѣ толки найду. Ты помни. У тебя, примѣрно, деньги есть, а у меня, примѣрно, весна пришла, земля пустуетъ, сѣять нечѣмъ али податишки, что ли. Вотъ я, значитъ, прихожу къ тебѣ. Акимъ, говорю, дай красненькую, а я уберусь съ поля, тебѣ къ Покрову отдамъ да десятину уберу за уваженье. Ты, примѣрно, видишь, что у меня есть съ чего потянуть: лошаденка ли, коровенка, ты и говоришь: два ли, три ли рубля отдай за уваженье, да и все. У меня ѐселъ на шеѣ, нельзя обойтись. Ладно, говорю, беру десятку. Осенью переверть дѣлаю, приношу, а три рубля ты окромя съ меня лупишь.

Акимъ.

Да вѣдь это, значитъ, тае, мужики кривье такъ-то тае, дѣлаютъ, коли кто, тае, Бога забылъ, значитъ, это, значитъ, не къ тому.

Митричъ.

Ты погоди. Она сейчасъ къ тому же натрафитъ. Ты помни, теперича, значитъ, ты такъ-то сдѣлалъ, ободралъ меня, значитъ, а у Анисьи деньги, примѣрно, залежныя. Ей дѣвать некуда, да и бабье дѣло—не знаетъ, куда ихъ предѣлить. Приходитъ она къ тебѣ, нельзя ли, говоритъ, и на мои деньги пользу сдѣлать. Что жъ, можно, говоришь. Вотъ ты и ждешь. Прихожу я опять на лѣто. Дай, говорю, опять красненькую, а я съ уваженіемъ... Вотъ ты и смекаешь: коли шкура на мнѣ еще не ворочена, еще содрать можно, ты и даешь Анисьины деньги.

А коли, примѣрно, нѣтъ у меня ни шиша, жрать нечего, ты, значитъ, разметку дѣлаешь, видишь, что содрать нечего, сейчасъ и говоришь: ступай, братъ, къ Богу, а изыскиваешь какого другого, опять даешь и свои и Анисьины предѣляешь, того обдираешь. Вотъ это и значитъ самая банка. Такъ она кругомъ и идетъ. Штука, братъ, умственная!

Акимъ (*разгорячась*).

Да это что жъ? Это, тае, значитъ, скверность. Это мужики, тае, дѣлаютъ такъ, мужики и то, значитъ, за грѣхъ, тае, почитаютъ. Это, тае, не по закону, не по закону, значитъ. Скверность это. Какъ же ученые-то, тае...

Митричъ.

Это, братъ, у нихъ самое любезное дѣло. А ты помни. Вотъ кто поглупѣй али баба, да не можетъ самъ деньги въ дѣло произвесть, онъ и несетъ въ банку, а они, въ ротъ имъ ситнаго пирога съ горохомъ, цапаютъ да этими денежками и облупляютъ народъ-то. Штука умственная!

Акимъ (*вздыхая*).

Эхъ, посмотрю я, тае, и безъ денегъ, тае, горе, а съ деньгами, тае, вдвое. Какъ же такъ, Богъ трудиться велитъ. А ты, значитъ, тае, положилъ въ банку деньги, да и спи, а деньги тебя, значитъ, тае, поваля кормить будутъ. Скверность это, значитъ, не по закону это.

Митричъ.

Не по закону? Это, братъ, нынче не разбираютъ. А какъ еще околузываютъ-то дочиста. То-то и дѣло-то.

Акимъ (*вздыхаетъ*).

Да ужъ, видно, время, тае, подходитъ. Тоже сортиры, значитъ, тае, посмотрѣлъ я въ городу. Какъ дошли то-

есть. Выглажено, выглажено, значитъ, нарядно, какъ трактиръ исдѣлано. А ни къ чему: все ни къ чему. Охъ, Бога забыли. Забыли, значитъ. Забыли, забыли мы Бога-то, Бога-то. Спасибо, родимая, сытъ, доволенъ. (*Вылѣзаетъ изъ-за стола. Митричъ лѣзетъ на печь.*)

Анисья (*убираетъ посуду и ѣстъ*).

Хоть бы отецъ усовѣстилъ, да и сказать-то стыдно.

Акимъ.

Чего?

Анисья.

Такъ, про себя.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Анютка.

Анютка (*входитъ*).

Акимъ.

А! умница. Все хлопочешь! Перезябла, я чай?

Анютка.

И то озябла страсть. Здорово, дѣдушка.

Анисья.

Ну что? Тама?

Анютка.

Нѣту. Только Андріянъ тамъ изъ города сказывалъ, видѣлъ ихъ еще въ городу, въ трактирѣ. Батя, говоритъ, пьяный-распьяный.

Анисья.

Ѣсть хочешь, что ли? На вотъ.

Анютка (*идетъ къ печи*).

Ужъ и холодно же. И руки зашлись. (*Акимъ разувается, Анисья перемываетъ посуду.*)

Анисья.

Батюшка!

Акимъ.

Чего скажешь?

Анисья.

Что же Маришка-то хорошо живетъ?

Акимъ.

Ничаво. Живетъ. Бабочка, тае, умная, смирная, живетъ значитъ, тае, старается. Ничаво бабочка, значитъ, истовая, старательная и, тае, покорлива; бабочка, значитъ, ничаво, значитъ.

Анисья.

А что, сказываютъ, съ вашей деревни, Маринкиному мужу родня, нашу Акулину сватать хотѣли. Что, не слыхать?

Акимъ.

Это Мироновы? Болтали бабы что-то. Да невдомекъ, значитъ. Притаманно, значитъ, не знаю, тае. Старухи что-то сказывали. Да не памятливъ я, не памятливъ, значитъ. А что жъ Мироновы, тае, мужики, значитъ, тае, ничего.

Анисья.

Ужъ не чаю я, какъ просватать бы поскорѣе.

Акимъ.

А что?

Анютка (*прислушивается*).

Пріѣхали.

Анисья.

Ну, не замай ихъ. (*Продолжаетъ мыть ложки, не поворачивая головы.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Никита.

Никита.

Анисья, жена, кто пріѣхалъ? (*Анисья взглядываетъ и отворачиваясь молчитъ.*)

Никита (*грозно*).

Кто пріѣхалъ? Аль забыла?

Анисья.

Будетъ форсить-то. Иди.

Никита (*еще грознѣе*).

Кто пріѣхалъ?

Анисья (*подходитъ и беретъ за руку*).

Ну, мужъ пріѣхалъ. Иди въ избу-то.

Никита (*упирается*).

То-то. Мужъ, а какъ звать мужа-то? Говори правильно.

Анисья.

Да ну тебя—Микитой.

Никита.

То-то! Невѣжа—по отчеству говори!

Анисья.

Акимычъ. Ну!

Никита (*все въ дверяхъ*).

То-то. Нѣтъ, ты скажи фамилія какъ?

Анисья (*смѣется и тянетъ за руку*).

Чиликинъ. Эка надулся!

Никита.

То-то. (*Удерживается за косякъ.*) Нѣтъ, ты скажи, какой ногой Чиликинъ въ избу ступаетъ?

Анисья.

Ну буде—настудишь.

Никита.

Говори, какой ногой ступаетъ? Обязательно сказать должна.

Анисья (*про себя*).

Надоѣстъ теперь. Ну лѣвой. Иди, что ль.

Никита.

То-то.

Анисья.

Ты глянь-ка, въ избѣ-то кто.

Никита.

Родитель? Что жъ, я родителемъ не гнушаюсь. Родителю могу уваженіе исдѣлать. Здорово, батюшка. (*Кланяется ему и подаетъ руку.*) Наше вамъ почтеніе.

Акимъ (*не отвѣчая*).

Вино-то, вино-то, значитъ, что дѣлаетъ. Скверность.

Никита.

Вино? Что выпилъ? Это окончательно виноватъ, выпилъ съ пріятелемъ,—проздравилъ.

Анисья.

Иди, ложись, что ль.

Никита.

Жена, гдѣ я стою, говори?

Анисья.

Ну ладно, иди, ложись.

Никита.

Я еще самоваръ съ родителемъ пить буду. Ставь самоваръ. Акулина, иди, что ль.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Акулина.

Акулина (*нарядная, идетъ съ покупкой къ Никитѣ*).

Ты что жъ все расшвырялъ. Пряжа-то гдѣ?

Никита.

Пряжа? Пряжа тамъ. Эй, Митричъ! Гдѣ ты тамъ? Заснулъ? Иди лошадь убери.

Акимъ (*не видитъ Акулины, а глядитъ на сына*).

Что дѣлаетъ-то! Старикъ, значитъ, тае, уморился, значитъ, молотилъ, а онъ, тае, надулся. Лошадь убери. Тфу! скверность!

Митричъ (*слѣзаетъ съ печи, обуваетъ валенки*).

О Господи милостивый! На дворѣ лошадь-то что ль? Уморилъ, я чай. Ишь, дуй его горой, налокался какъ. Доверху. О Господи. Микола угодникъ! (*Надѣваетъ шубу и идетъ на дворъ.*)

Никита (*садится*).

Ты меня, батюшка, прости. Выпилъ, это точно, ну что жъ дѣлать? И курица пьетъ. Такъ, что ль? А ты меня прости. Что жъ Митричъ, онъ не обижается, онъ уберетъ.

Анисья.

Вправду ставить самоваръ-то?

Никита.

Ставь. Родитель пришелъ, я съ нимъ говорить хочу, чай пить буду. (*Къ Акулинѣ.*) Покупку-то всю вынесла?

Акулина.

Покупку? Свое взяла, а то въ саняхъ. Вотъ это на не моя. (*Кидаетъ на столъ свертокъ и убираетъ въ сундукъ покупку. Анютка смотритъ, какъ Акулина укладываетъ, Акимъ не глядитъ на сына и убираетъ онучи и лапти на печь.*)

Анисья (*уходитъ съ самоваромъ*).

И такъ полонъ сундукъ,—еще накупилъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Акимъ, Акулина, Анютка и Никита.

Никита (*беретъ на себя трезвый видъ*).

Ты, батюшка, на меня не обижайся. Ты думаешь, я пьянъ? Я положительно все могу, потому пей, да ума

не теряй. Я съ тобой, батюшка, сейчасъ разговаривать могу. Всѣ дѣла помню. Насчетъ денегъ приказывалъ, лошаденка извелась — помню. Это все возможно. Это все у насъ въ рукахъ. Если бы сумма денегъ требовалась огромадная, тогда можно бы повременить, а то это все могу! Вотъ онѣ!

Акимъ (*продолжаетъ возиться съ оборками*).

Эхъ малый, тае, значитъ, вешній путь, тае, не дорога...

Никита.

Это ты къ чему? Съ пьянымъ рѣчь не бесѣда. Да ты не сумлѣвайся, чайку попьемъ. А я все могу, положительно всѣ дѣла исправить могу.

Акимъ (*качаетъ головой*).

Э, эхъ-хе-хе!

Никита.

Деньги, вотъ онѣ. (*Лѣзетъ въ карманъ, достаетъ бумажникъ, вертитъ бумажки, достаетъ 10-рублевую.*) Бери на лошадь. Бери на лошадь, я родителя не могу забыть. Обязательно не оставлю, потому родитель. На, бери. Очень просто, не жалѣю. (*Подходитъ и суетъ Акиму деньги, Акимъ не беретъ денегъ.*)

Никита (*хватаетъ за руку*).

Бери, говорятъ, когда даю, я не жалѣю.

Акимъ.

Не могу, значитъ, тае, брать, и не могу, тае, говорить съ тобой, значитъ, потому въ тебѣ, тае, образа нѣтъ, значитъ.

Никита.

Не пущу. Бери. (*Суетъ Акиму въ руку деньги.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Анисья.

Анисья (*входитъ и останавливается*).

Да ты ужъ возьми. Вѣдь не отстанетъ.

Акимъ (*беретъ, качая головой*).

Эхъ, вино-то! Не человѣкъ, значитъ...

Никита.

Вотъ такъ-то лучше. Отдашь—отдашь, а не отдашь, Богъ съ тобою. Я вотъ какъ! (*Видитъ Акулину.*) Акулина, покажь гостинцы-то.

Акулина.

Чего?

Никита.

Покажь гостинцы.

Акулина.

Гостинцы-то? Что ихъ показывать-то. Я ужъ убрала.

Никита.

Достань, говорю, Анюткѣ поглядѣть лестно. Покажь, говорю, Анюткѣ. Полушальчикъ-то развяжи. Подай сюда.

Акимъ.

О-охъ, смотрѣть тошно! (*Лѣзетъ на печь.*)

Акулина (*достаетъ и кладетъ на столъ*).

Ну, на. Что ихъ смотрѣть-то?

Анютка.

Ужъ хороша же. Эта не хуже Степанидиной.

Акулина.

Степанидиной? Куда Степанидина противъ этой годится. (*Оживляясь и развертывая.*) Глянь-ка сюда, доброта-то... Французская.

Анютка.

И ситецъ же нарядный! У Машутки такой, только тотъ свѣтлѣе, по лазуревому полю. Эта страсть хороша.

Никита.

То-то. (*Анисья проходитъ сердито въ чуланъ, возвращается съ трубою и столешникомъ и подходитъ къ столу.*)

Анисья.

Ну васъ, разложили.

Никита.

Ты глянь-ка сюда.

Анисья.

Что̀ мнѣ глядѣть! Не видала я, что ль? Убери ты. (*Смахиваетъ рукой на полъ полушальчикъ.*)

Акулина.

Ты что швыряешься? Ты своимъ швыряй. (*Поднимаетъ.*)

Никита.

Анисья! Мотри!

Анисья.

Чего смотрѣть-то?

Никита.

Ты думаешь, я тебя забылъ. Гляди сюда. (*Показываетъ свертокъ и садится на него.*) Тебѣ гостинецъ. Только заслужи. Жена, гдѣ я сижу?

Анисья.

Будетъ куражиться-то. Не боюсь я тебя. Что жъ ты, на чьи деньги гуляешь да своей жирёхѣ гостинцы купляешь? На мои.

Акулина.

Какъ же, твои! Украсть хотѣла, да не пришлось. Уйди ты. (*Хочетъ пройти, толкаетъ.*)

Анисья.

Ты что толкаешься то? Я те толкану.

Акулина.

Толкану? Ну-ка сунься. (*Напираетъ на нее.*)

Никита.

Ну бабы, бабы. Буде. (*Становится между ними.*)

Акулина.

Тоже лѣзетъ. Молчала бы, про себя бы знала. Ты думаешь, не знаютъ?

Анисья.

Что знаютъ? сказывай, сказывай, что знаютъ?

Акулина.

Дѣло про тебя знаю.

Анисья.

Шлюха ты, съ чужимъ мужемъ живешь.

Акулина.

А ты своего извела.

Анисья (*бросается на Акулину*).

Брешешь.

Никита (*удерживаетъ*).

Анисья! забыла?

Анисья.

Что стращаешь? Не боюсь я тебя.

Никита.

Вонъ! (*Поворачиваетъ Анисью и выталкиваетъ.*)

Анисья.

Куда я пойду? Не пойду я изъ своего дома.

Никита.

Вонъ, говорю. И ходить не смѣй.

Анисья.

Не пойду. (*Никита толкаетъ, Анисья плачетъ и кричитъ, цѣпляясь за дверь.*) Что жъ это, изъ своего дома взашей гонятъ? Что жъ ты, злодѣй, дѣлаешь? Думаешь, на тебя и суда нѣтъ. Погоди же ты!

Никита.

Ну, ну!

Анисья.

Къ старостѣ, къ урянику пойду.

Никита.

Вонъ, говорю. (*Выталкиваетъ.*)

Анисья (*изъ-за двери*).

Удавлюсь!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Никита, Акулина, Анютка и Акимъ.

Никита.

Небось.

Анютка.

О-о-о! Матушка милая, родимая. (*Плачетъ.*)

Никита.

Какъ же, испугался я ея очень. Ты чего плачешь? Придетъ небось! Поди, самоваръ погляди. (*Анютка выходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XII.

Никита, Акимъ и Акулина.

Акулина (*собираетъ покупку, складываетъ*).

Ишь, подлая, загваздала какъ. Погоди жъ ты, я ей безрукавку изрѣжу. Пра, изрѣжу.

Никита.

Выгналъ я ее, ну чего жъ ты?

Акулина.

Новую шаль испачкала. Пра, сука, кабы она не ушла, я бѣльмы-то бы ей повыдрала.

Никита.

Будетъ серчать. Тебѣ что серчать-то? Кабы я ее любилъ?

Акулина.

Любилъ? Есть кого любить, толстомордую-то. Бросилъ бы ее тогда, ничего бъ не было. Согналъ бы ее къ чорту. А домъ—все равно мой и деньги мои. Тоже хозяйка, говоритъ, хозяйка, какая она мужу хозяйка? Душегубка она, вотъ кто. Съ тобой то же сдѣлаетъ.

Никита.

Охъ, бабій кадыкъ не заткнешь ничѣмъ. Что̀ болтаешь, сама не знаешь.

Акулина.

Нѣтъ, знаю. Не стану съ ней жить. Сгоню со двора. Не можетъ она со мной жить. Хозяйка тоже, не хозяйка она, острожная шкура.

Никита.

Да буде. Чего тебѣ съ ней дѣлить? Ты на нее не гляди. На меня гляди. Я хозяинъ. Что̀ хочу, то и дѣлаю. Ее разлюбилъ, тебя полюбилъ. Кого хочу, того люблю. Моя власть. А ей арестъ. Она у меня вотъ гдѣ. (*Показываетъ подъ ноги.*) Эхъ, гармошки нѣтъ!

На печи калачи,
На приступкѣ каша,
А мы жить будемъ
И гулять будемъ;
А смерть придетъ,
Помирать будемъ.
На печи калачи,
На приступкѣ каша...

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Митричъ (*входитъ, раздѣвается и лѣзетъ на печь*).

Митричъ.

Подрались, видно, опять бабы-то! поцапались. О Господи, Микола милостивый.

Акимъ (*сидитъ съ краю на печи, достаетъ онучи, лапти и обувается*).

Пролѣзай, пролѣзай въ уголъ-то.

Митричъ (*лѣзетъ*).

Все не раздѣлятъ, видно. О Господи!

Никита.

Достань наливку-то, съ чаемъ выпьемъ.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и Анютка.

Анютка (*входитъ, къ Акулинѣ*).

Нянька, самоваръ уходить хочетъ.

Никита.

А мать гдѣ?

Анютка.

Она въ сѣнцахъ стоитъ, плачетъ.

Никита.

То-то. Зови ее, вели самоваръ несть. Да давай, Акулина, посуду-то.

Акулина.

Посуду-то? ну что жъ. (*Собираетъ посуду.*)

Никита (*достаетъ наливку, баранки, селедки*).

Это, значитъ, себѣ, это бабѣ пряжу, карасинъ тамъ въ сѣняхъ. А вотъ и деньги. Постой. (*Беретъ счеты.*) Сейчасъ смекну. (*Кидаетъ.*) Мука пшеничная восемь гривенъ, масло постное... Батюшкѣ 10 рублевъ. Батюшка! иди чай пить. (*Молчаніе. Акимъ сидитъ на печи и перевиваетъ оборы.*)

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же и Анисья.

Анисья (*вноситъ самоваръ*).

Куда ставить-то?

Никита.

Ставь на столъ. Что, али сходила къ старостѣ? То-то, говори, да и откусывай. Ну, будетъ серчать-то. Садись, пей. (*Наливаетъ ей рюмку.*) А вотъ и гостинчикъ тебѣ. (*Подаетъ свертокъ, на которомъ сидѣлъ; Анисья беретъ молча, качая головой.*)

Акимъ (*слѣзаетъ и надѣваетъ шубу. Подходитъ къ столу, кладетъ на него деньги*).

На деньги твои. Прибери.

Никита (*не видитъ бумажки*).

Куда собрался одѣмши-то?

Акимъ.

А пойду, пойду я, значитъ, простите Христа ради. (*Беретъ шапку и кушакъ.*)

Никита.

Вотъ те на! Куда пойдешь-то ночнымъ дѣломъ?

Акимъ.

Не могу я, значитъ, тае, въ вашемъ домѣ, тае, не могу, значитъ, быть, быть не могу, простите.

Никита.

Да куда же ты отъ чаю-то?

Акимъ (*подпоясывается*).

Уйду, потому, значитъ, нехорошо у тебя, значитъ, тае, нехорошо, Микишка, въ домѣ, тае, нехорошо. Значитъ, плохо ты живешь, Микишка, плохо. Уйду я.

Никита.

Ну, буде толковать, садись чай пить.

Анисья.

Что жъ это, батюшка, передъ людьми стыдно будетъ. На что жъ ты обижаешься?

Акимъ.

Обиды мнѣ, тае, никакой нѣтъ, обиды нѣтъ, значитъ, а только что, тае, вижу я, значитъ что къ погибели, значитъ, сынъ мой, къ погибели сынъ, значитъ.

Никита.

Да какая погибель? ты докажь.

Акимъ.

Погибель-то, погибель, весь ты въ погибели. Я тебѣ лѣтось что̀ говорилъ?

Никита.

Да мало ты что говорилъ.

Акимъ.

Говорилъ я тебѣ, тае, про сироту, что обидѣлъ ты сироту, Марину, значитъ, обидѣлъ.

Никита.

Экъ помянулъ. Про старыя дрожжи не поминать дважды, то дѣло прошло...

Акимъ (*разгорячась*).

Прошло? Нѣ, братъ, это не прошло. Грѣхъ, значитъ, за грѣхъ цѣпляетъ, за собою тянетъ, и завязъ ты, Микишка, въ грѣхѣ. Завязъ ты, смотрю, въ грѣхѣ. Завязъ ты, погрузъ ты, значитъ.

Никита.

Садись чай пить, вотъ и разговоръ весь.

Акимъ.

Не могу я, значитъ, тае, чай пить. Потому отъ скверны отъ твоей, значитъ, тае, гнусно мнѣ, дюже гнусно. Не могу я, тае, съ тобой чай пить.

Никита.

И... канителитъ, иди къ столу-то.

Акимъ.

Ты въ богатствѣ, тае, какъ въ сѣтяхъ, въ сѣтяхъ ты, значитъ. Ахъ, Микишка, душа надобна!

Никита.

Какую ты имѣешь полную праву въ моемъ домѣ меня урекать? Да что ты въ самомъ дѣлѣ присталъ? Что я тебѣ мальчикъ дался, за виски драть. Нынче ужъ это оставили.

Акимъ.

Это точно, слыхалъ я, нынче что и тае, что и отцовъ за бороды трясутъ, значитъ, да на погибель это, на погибель значитъ.

Никита (*сердито*).

Живемъ, у тебя не просимъ, а ты жъ къ намъ пришелъ съ нуждой.

Акимъ.

Деньги? Деньги твои вонъ онѣ. Побираться, значитъ, пойду, а не, тае, не возьму, значитъ.

Никита.

Да буде. И что серчаешь, кампанію разстраиваешь. (*Удерживаетъ за руку.*)

Акимъ (*взвизгиваетъ*).

Пусти, не останусь. Лучше подъ заборомъ переночую, чѣмъ въ пакости твоей. Тфу, прости Господи. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Никита, Акулина, Анисья и Митричъ.

Никита.

Вотъ те на!

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ же и Акимъ.

Акимъ (*отворяетъ дверь*).

Опамятуйся, Микита, душа надобна. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Никита, Акулина, Анисья и Митричъ.

Акулина (*беретъ чашки*).

Что жъ, наливать, что ль? (*Всѣ молчатъ.*)

Митричъ (*рычитъ*).

О Господи, помилуй мя грѣшнаго. (*Всѣ вздрагиваютъ*).

Никита (*ложится на лавку*).

Охъ, скучно, скучно. Акулька! Гдѣ жъ гармошка-то?

Акулина.

Гармошка-то? Ишь хватился. Да ты ее чинить отдалъ. Я налила, пей.

Никита.

Не хочу я. Тушите свѣтъ... Охъ, скучно мнѣ, какъ скучно! (*Плачетъ.*)

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЛИЦА IV-го ДѢЙСТВІЯ.

НИКИТА.
МАТРЕНА.
АНИСЬЯ.
АНЮТКА.
МИТРИЧЪ.
СОСѢДКА.
КУМА.
СВАТЪ—угрюмый мужикъ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Осень. Вечеръ. Мѣсяцъ свѣтитъ. Внутренность двора. Въ серединѣ, сѣнцы, направо теплая изба и ворота, налѣво холодная изба и погребъ. Въ избѣ слышны говоръ и пьяные крики. Сосѣдка выходитъ изъ сѣней, манитъ къ себѣ Анисьину куму.

ЯВЛЕНІЕ I.

Кума и сосѣдка.

Сосѣдка.

Чего жъ Акулина-то не вышла?

Кума.

Чего не вышла? И рада бы вышла, да недосугъ, слышь. Пріѣхали сваты невѣсту смотрѣть, а она, матушка моя, въ холодной лежитъ, и глазъ не кажетъ, сердечная.

Сосѣдка.

Да что жъ такъ?

Кума.

Съ глазу, говорятъ, животъ схватило.

Сосѣдка.

Да неужто?!

Кума.

А то что жъ. (*Шепчетъ на ухо.*)

Сосѣдка.

Ну? Вотъ грѣхъ-то. А вѣдь дознаются сваты.

Кума.

Гдѣ жъ имъ дознаться. Пьяные всѣ. Да больше за приданымъ гонятся. Легко ли, даютъ за дѣвкой-то двѣ шубы, матушка моя, разстегаевъ шесть, шаль французскую, холстовъ тоже много что-то да денегъ, сказывали, двѣ сотни.

Сосѣдка.

Ну, ужъ это и деньгамъ не радъ будешь. Срамота такая.

Кума.

Шш... Сватъ никакъ. (*Замолкаютъ и входятъ въ сѣни.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Сватъ (*одинъ выходитъ изъ сѣней, икаетъ*).

Сватъ.

Упарился. Жарко страсть. Простудиться маленько. (*Стоитъ отдувается.*) И Богъ ее знаетъ, какъ... что-то не того, не радуетъ... Ну, да какъ старуха.

ЯВЛЕНІЕ III.

Сватъ и Матрена.

Матрена (*выходитъ изъ сѣней же*).

А я смотрю: гдѣ сватъ? гдѣ сватъ? А ты, родной, во гдѣ... Ну что жъ, родимый, слава те Господи, все честь

честью. Сватать не хвастать. А я хвастать и не училась. А какъ пришли вы за добрымъ дѣломъ, такъ, дастъ Богъ, и вѣкъ благодарить будете. А невѣста-то, вѣдашь, на рѣдкость. Такой дѣвки въ округѣ поискать.

Сватъ.

Оно такъ, да насчетъ денегъ не сморгать бы.

Матрена.

А насчетъ денегъ не толкуй. Что ей отъ родителей награжденіе было, все при ней. По нонѣшнему времени легко ли—три полста.

Сватъ.

Мы и не обижаемся, а свое дѣтище. Все какъ получше хочется.

Матрена.

Я тебѣ, сватъ, истинно говорю: кабы не я, въ жизнь бы тебѣ не найти. У нихъ отъ Кормилиныхъ тоже засылка была, ужъ я застояла. А насчетъ денегъ вѣрно сказываю—какъ покойникъ, царство небесное, помиралъ, такъ и приказывалъ, чтобъ въ домъ вдова Микиту приняла, потому мнѣ черезъ сына все извѣстно, а денежки, значитъ, Акулинѣ. Вѣдь другой бы покорыстовался, а Микита всѣ дочиста отдаетъ. Легко ли, деньжищи какія.

Сватъ.

Народъ болтаетъ — денегъ больше за ней приказано. Малый-то тоже проворъ.

Матрена.

И, голубчики бѣлые. Въ чужихъ рукахъ ломоть великъ; что̀ было, то и даютъ. Я тебѣ сказываю, ты всѣ четки брось. Закрѣпляй тверже. Дѣвка-то какая, какъ бобочекъ хорошая.

Сватъ.

Оно такъ. Мы одно съ бабой мекаемъ насчетъ дѣвки-то: что жъ не вышла? Думаемъ, что жъ какъ хворая?

Матрена.

И и... Она-то хворая? Да противъ ней въ округѣ нѣтъ. Дѣвка какъ литая—не ущипнешь. Да вѣдь ты намедни видѣлъ. А работать страсть. Съ глушинкой она, это точно. Ну, да червоточинка красному яблочку не покоръ. А что не вышла-то, это, вѣдашь, съ глазу. Сдѣлано надъ ней. И знаю, чья сука смастерила. Знали, вѣдашь, что сговоръ, ну и напущено. Да я отговоръ знаю. Завтра встанетъ дѣвка. Ты насчетъ дѣвки не сумлѣвайся.

Сватъ.

Да что же—дѣло полажено.

Матрена.

То-то, ты ужъ того, и не пяться. Да меня не забудь. Хлопотала я тоже. Ужъ ты не оставь...

Голосъ бабы *изъ сѣней.*

Ѣхать, такъ ѣхать, иди, что ли, Иванъ.

Сватъ.

Сейчасъ. (*Уходитъ. Толпятся въ сѣняхъ, уѣзжаютъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Анисья и Анютка.

Анютка (*выбѣгаетъ изъ сѣней и манитъ къ себѣ Анисью*).

Мамушка!

Анисья (*оттуда*).

Чего?

Анютка.

Матушка, подь сюда, а то услышатъ. (*Отходитъ съ нею подъ сарай.*)

Анисья.

Ну чего? Гдѣ Акулина-то?

Анютка.

Она въ амбаръ ушла. Что̀ она тамъ дѣлаетъ, страсть! Однова дыхнуть, нѣтъ, говоритъ, мочи терпѣть. Закричу, говоритъ, на весь голосъ. Однова дыхнуть.

Анисья.

Авось, подождетъ. Дай гостей проводимъ.

Анютка.

Охъ, мамушка! Тяжко ей какъ. Да и серчаетъ. Напрасно, говоритъ, они меня пропиваютъ. Я, говоритъ, не пойду замужъ. Я, говоритъ, помру. Мамушка, какъ бы она не померла! Страсть, я боюсь!

Анисья.

Небось, не помретъ; а ты не ходи къ ней. Иди. (*Анисья и Анютка уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Митричъ (*одинъ. Идетъ отъ воротъ и принимается подбирать натрушенное сѣно*).

О Господи, Микола милостивый! Винища-то что выдули. Да и духу же напустили. Ажъ во дворѣ воняетъ. Да

нѣтъ—не хочу, ну его. Вишь нашвыряли сѣно-то! Ѣсть не ѣдятъ, только копаютъ. Глядишь, вязанка. Духъ-то! Ровно подъ носомъ. Ну его. (*Зѣваетъ.*) Спать время! Да не охота въ избу итти. Такъ вокругъ носу и вьется. Духовита жъ, проклятая. (*Слышно—уѣзжаютъ.*) Ну, уѣхали, о Господи, Микола милостивый. Тоже хомутаются, другъ дружку околпачиваютъ. А пустое все.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Митричъ и Никита.

Никита (*входитъ*).

Митричъ! Иди, что ли, на печку, я подберу.

Митричъ.

Ну что жъ; ты овцамъ кинь. Что жъ, проводили?

Никита.

Проводили, да не ладно все. Ужъ и не знаю, какъ быть.

Митричъ.

Эка дрянь-то! Что жъ тутъ, на то спитательный. Тамъ, кто хошь, его вырони, онъ все подберетъ. Давай сколько хошь, не спрашиваютъ. Да еще деньги даютъ. Только поди въ кормилицы. Нынче это просто.

Никита.

Ты, Митричъ, смотри, если что̀, лишняго не болтай.

Митричъ.

А мнѣ что, заметай слѣдъ, какъ знаешь. Эка, винищемъ отъ тебя разитъ какъ. Пойти въ избу. (*Уходитъ зѣвая.*) О Господи!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Никита (*долго молчитъ. Садится на сани*).

НИКИТА.

Ну, дѣла!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Никита и Анисья.

АНИСЬЯ (*выходитъ*).

Ты гдѣ же тутъ?

НИКИТА.

Здѣся!

АНИСЬЯ.

Чего сидишь? Ждать некогли. Сейчасъ выносить надо.

НИКИТА.

Что жъ дѣлать будемъ?

АНИСЬЯ.

Я тебѣ сказываю что̀. То и дѣлай.

НИКИТА.

Да вы бы въ воспитательный, коли что.

АНИСЬЯ.

Возьми, да и неси, коли тебѣ охота. На пакости-то лакомъ, а на раздѣлку-то слабъ, вижу.

НИКИТА.

Что̀ дѣлать-то?

Анисья.

Говорю, поди въ погребъ, яму вырой.

Никита.

Да вы бы такъ какъ-нибудь.

Анисья (*передразнивая его*).

Такъ, какъ-нибудь. Нельзя, видно, такъ-то. А ты бы загодя думалъ. Иди, куда посылаютъ.

Никита.

Ахъ, дѣла, дѣла!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Анютка.

Анютка.

Мамушка, бабка зоветъ. Должно, у няньки робеночекъ, однова дыхнуть, закричалъ.

Анисья.

Что брешешь, праликъ тебя расшиби. Котята тамъ пищатъ. Иди въ избу да спи. А то я тебя.

Анютка.

Мамушка, милая, пра, ей Богу...

Анисья (*замахивается на нее*).

Я тебя. Чтобъ духу твоего не слыхала.

Анютка (*убѣгаетъ*).

Анисья (*Никитѣ*).

Поди, дѣлай, что говорятъ. А то смотри! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

Никита (*одинъ, долго молчитъ*).

НИКИТА.

Ну, дѣла! Охъ, эти бабы. Бѣда! Ты, говорятъ, загодя думалъ бы. Когда загодя думать-то? Когда думать-то? Что жъ, лѣтось пристала эта Анисья. Ну, что жъ? Развѣ я монахъ? Померъ хозяинъ, что жъ, я и грѣхъ прикрылъ, какъ должно. Тутъ моей причины нѣтъ. Развѣ мало бываетъ такъ-то? А тутъ порошки эти. Развѣ я на это склонялъ ее? Да кабы я зналъ, я бы ее, суку, убилъ тогда. Право, убилъ бы! Участникомъ въ этихъ пакостяхъ сдѣлала, паскудница! И опостылѣла же она мнѣ съ этого разу. Какъ мнѣ мать сказала тогда, опостылѣла, опостылѣла она мнѣ, не смотрѣли бы на нее глаза. Ну, какъ съ ней жить? И пошло это у насъ!.. Стала эта дѣвка вѣшаться. Что жъ мнѣ! Не я, такъ другой. А оно вотъ что̀! Опять-таки моей причины нѣтъ никакой. Охъ, дѣла... (*Сидитъ задумавшись.*) Смѣлы же эти бабы--что̀ придумали. Да не пойду я на это.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Никита и Матрена (*съ фонаремъ и скребкой впопыхахъ выходитъ*).

МАТРЕНА.

Ты что жъ сидишь, какъ курица на насѣстѣ? Тебѣ что̀ баба велѣла? Готовь дѣло-то.

НИКИТА.

Что жъ дѣлать-то будете?

Матрена.

Да мы знаемъ, что̀ дѣлать, ты-то свое дѣло справляй.

Никита.

Запутляете вы меня.

Матрена.

Ты что жъ? Али пятиться думаешь? До чего дошло, ты и пятиться.

Никита.

Вѣдь это какое дѣло! Живая душа тоже.

Матрена.

Э, живая душа! Чего тамъ, чуть душа держится. А куда его дѣть-то? Поди, понеси въ воспитательный, все одно помретъ, а помолвка пойдетъ, сейчасъ разславятъ, и сядетъ у насъ дѣвка на рукахъ.

Никита.

А какъ узнаютъ?

Матрена.

Въ своемъ дому, да не сдѣлать дѣла. Такъ сдѣлаемъ, что и не попахнетъ. Только дѣлай, что̀ велю. А то наше дѣло бабье, тоже безъ мужика никакъ нельзя. На-ка скребочку-то да слѣзь, да и справь тамъ А я посвѣчу.

Никита.

Что̀ справлять-то.

Матрена (*шопотомъ*).

Ямку выкопай. А тогда вынесемъ и живо приберемъ тамъ. Вонъ она опять кличетъ. Иди, что ль! А я пойду.

Никита.

А что жъ, померъ онъ?

Матрена.

Извѣстно, померъ. Только живѣй надо. А то народъ не полегся. Услышатъ, увидятъ,—имъ все, подлымъ, надо. А урядникъ вечоръ приходилъ. А ты вотъ что. (*Подаетъ скребку.*) Слѣзь въ погребъ-то. Тамъ въ уголку выкопай ямку, землица мягкая, тогда опять заровняешь. Земля-матушка никому не скажетъ, какъ корова языкомъ слижетъ. Иди же, иди, родной.

Никита.

Запутляете вы меня. Ну васъ, совсѣмъ. Право, уйду. Дѣлайте однѣ, какъ знаете.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и Анисья.

Анисья (*изъ двери*).

Что жъ, выкопалъ онъ, что ли?

Матрена.

Ты что жъ ушла? Куда дѣла-то его?

Анисья.

Веретьемъ прикрыла. Не слыхать будетъ. Что жъ онъ, выкопалъ?

Матрена.

Не хочетъ!

Анисья (*выскакиваетъ въ бѣшенствѣ*).

Не хочетъ! А въ острогѣ вшей кормить хочетъ?!.. Сейчасъ пойду, все уряднику скажу. Пропадать заодно. Сейчасъ все скажу!

Никита (*оторопѣвши*).

Что̀ скажешь-то?

Анисья.

Что̀? Все скажу! Деньги кто взялъ? Ты! (*Никита молчитъ.*) А яду кто давалъ? Я давала! Да ты зналъ, зналъ, зналъ! Съ тобой въ согласіи была!

Матрена.

Да будетъ. Ты, Микишка, что кострашься? Ну, что жъ дѣлать? Потрудиться надо. Иди, ягодка.

Анисья.

Ишь ты, чистякъ какой! Не хочетъ! Надругался ты надо мной, да будетъ. Поѣздилъ ты на мнѣ, да и мой чередъ пришелъ. Иди, говорю, а то я то̀ сдѣлаю!.. На скребку-то, на! Иди!

Никита.

Да ну же, что пристала? (*Беретъ скребку, но жмется.*) Не захочу, не пойду.

Анисья.

Не пойдешь? (*Начинаетъ кричать.*) Народъ! Э-э!

Матрена (*закрываетъ ей ротъ*).

Что ты! Очумѣла! Онъ пойдетъ... Иди, сынокъ, иди, роженый.

Анисья.

Сейчасъ караулъ закричу.

Никита.

Да будетъ! Эхъ, народъ этотъ! Да вы живѣй, что ли. Ужъ заодно. (*Идетъ къ погребу.*)

Матрена.

Да, ужъ дѣло такое, ягодка, умѣлъ гулять, умѣй и концы хоронить.

Анисья (*все въ волненіи*).

Измывался онъ надо мной съ висюгой своей! Да будетъ! Пусть не я одна. Пусть-ка и онъ душегубецъ будетъ. Узнаетъ каково.

Матрена.

Ну, ну, распалилась. А ты, дѣвушка, не серчай, а потихоньку да помаленьку, какъ получше. Иди къ дѣвкѣ-то. Онъ потрудится. (*Идетъ за нимъ съ фонаремъ. Никита влѣзаетъ въ погребъ.*)

Анисья.

Ему и задушить велю отродье свое поганое. (*Все въ волненіи.*) Измучилась я одна, Петровы кости-то дергаючи. Пускай и онъ узнаетъ. Не пожалѣю себя; сказала, не пожалѣю!

Никита (*изъ погреба*).

Посвѣти-ка, что ль!

Матрена (*свѣтитъ, къ Анисьѣ*).

Копаетъ; иди, неси.

Анисья.

Постой надъ нимъ. А то онъ, подлый, уйдетъ. А я пойду, вынесу.

Матрена.

Мотри, окрестить не забудь. А то я потружусь. Крестикъ-то есть?

Анисья.

Найду, я знаю какъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Матрена одна и Никита (*въ погребѣ*).

Матрена.

Тоже острабучилась какъ баба. Да и то сказать, обидно. Ну, да слава Богу, дай это дѣло прикроемъ, и концы въ воду. Спихнемъ дѣвку безъ грѣха. Останется сынокъ жить покойно. Домъ, слава Богу, полная чаша. Тоже и меня не забудетъ. Безъ Матрены что̀ бъ они были? Ничего бъ имъ не обдумать. (*Въ погребъ*) Готово, что ли, сынокъ?

Никита (*вылѣзаетъ, голова видна*).

Чего же тамъ? Несите, что ль! Что валандаетесь? Дѣлать, такъ дѣлать!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и Анисья. (*Матрена идетъ къ сѣнямъ и встрѣчаетъ Анисью. Анисья выходитъ съ ребенкомъ, завернутымъ въ тряпье.*)

Матрена.

Что жъ окрестила?

Анисья.

А то какъ же? Насилу отняла,—не даетъ. (*Подходитъ и подаетъ Никитѣ.*)

Никита (*не беретъ*).

Да ты сама снеси.

Анисья.

На, бери, говорю. (*Кидаетъ ему ребенка.*)

Никита (*подхватываетъ*).

Живой! Матушка родимая, шевелится! Живой! Что жъ я съ нимъ буду...

Анисья (*выхватываетъ ребенка у него изъ рукъ и кидаетъ въ погребъ*).

Задуши скорѣй, не будетъ живой. (*Сталкиваетъ Никиту внизъ.*) Твое дѣло, ты и прикончи.

Матрена (*садится на приступокъ*).

Жалостливъ онъ. Трудно ему, сердечному. Ну, да что же! Его грѣхъ тоже. (*Анисья стоитъ надъ погребомъ. Матрена садится на приступокъ крыльца, поглядываетъ на нее и разсуждаетъ.*) И-и-и! какъ испужался, ну, да что же, хошь и трудно, помимо-то нельзя. Куда дѣнешься-то. Тоже, подумаешь, какъ другой разъ просятъ дѣтей! Анъ, глядь, Богъ не даетъ,—все мертвенькихъ рожаютъ. Вотъ хоть бы попадья... А тутъ не надо его, тутъ и живой. (*Глядитъ къ погребу.*) Должно, покончилъ. (*Къ Анисьѣ.*) Ну что?

Анисья (*глядя въ погребъ*).

Доской прикрылъ да на доску сѣлъ. Кончилъ, должно.

Матрена.

О-охъ! И радъ бы не грѣшить, а что̀ сдѣлаешь?

Никита (*вылѣзаетъ, трясется весь*).

Живъ все! Не могу! Живъ!

Анисья.

А живъ, такъ куда же ты? (*Хочетъ остановить его.*)

Никита (*бросается на нее*).

Уйди ты, убью я тебя! (*Схватываетъ ее за руку, она вырывается, онъ бѣжитъ за ней со скребкой. Матрена бросается къ нему навстрѣчу, останавливаетъ его. Анисья убѣгаетъ на крыльцо. Матрена хочетъ отнять скребку.*)

Никита (*на мать*).

Убью, и тебя убью, уйди! (*Матрена убѣгаетъ къ Анисьѣ на крыльцо. Никита останавливается.*) Убью. Всѣхъ убью!

Матрена.

Съ испугу это. Ничего, сойдетъ это съ него!

Никита.

Что жъ это онѣ сдѣлали? Что́ онѣ со мной сдѣлали? Пищалъ какъ... Какъ захруститъ подо мной. Что́ онѣ со мной сдѣлали?!.. И живъ все, право, живъ! (*Молчитъ и прислушивается.*) Пищитъ... Во пищитъ. (*Бѣжитъ къ погребу.*)

Матрена (*къ Анисьѣ*).

Идетъ, видно, зарыть хочетъ. Микита, тебѣ бы фонарь.

Никита (*не отвѣчая, слушаетъ у погреба*).

Не слыхать. Примстилось. (*Идетъ прочь и останавливается.*) И какъ захрустятъ подо мной косточки. Кр... кр... Что́ онѣ со мной сдѣлали? (*Опять прислушивается.*) Опять пищитъ, право, пищитъ. Что же это? Матушка, а матушка! (*Подходитъ къ ней.*)

Матрена.

Что́, сынокъ?

Никита.

Матушка, родимая, не могу я больше. Ничего не могу. Матушка, родимая, пожалѣй ты меня.

Матрена.

Охъ, напугался же ты, сердечный. Поди, поди, винца, что ли, выпей для смѣлости.

Никита.

Матушка, родимая, дошло, видно, до меня. Что́ вы со мной сдѣлали? Какъ захрустятъ эти косточки, да какъ запищитъ!.. Матушка, родимая. Что́ вы со мной сдѣлали? (*Отходитъ и садится на сани.*)

Матрена.

Поди, родной, выпей. Оно точно, ночнымъ дѣломъ жутость беретъ. А дай срокъ, ободняетъ, да, вѣдашь, денекъ-другой пройдетъ, и думать забудешь. Дай срокъ, дѣвку отдадимъ и думать забудемъ. А ты выпей, выпей, поди. Я ужъ сама приберу въ погребѣ-то.

Никита (*встряхивается*).

Вино осталось тамъ? Не запью ли?! (*Уходитъ. Анисья, стоявшая все время у сѣней, молча сторонится.*)

ЯВЛЕНІЕ XV.

Матрена и Анисья.

МАТРЕНА.

Иди, иди, ягодка, а ужъ я потружусь, полѣзу сама, закопаю. Скребку-то куда онъ тутъ бросилъ? (*Находитъ скребку, спускается въ погребъ до половины.*) Анисья, подь-ка сюда, посвѣти, что ль?

АНИСЬЯ.

А онъ-то что же?

МАТРЕНА.

Да напугался больно. Напорно ужъ очень ты налегла на него. Не замай, опамятуется; Богъ съ нимъ, ужъ я сама потружусь. Фонарь-то поставь тутъ. Я увижу. (*Матрена скрывается въ погребъ.*)

АНИСЬЯ (*на дверь, куда ушелъ Никита*).

Что, догулялся? Широкъ ты былъ, теперь погоди, самъ узнаешь каково. Пыху-то сбавишь.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же и Никита (*выскакиваетъ изъ сѣней къ погребу*).

НИКИТА.

Матушка, а матушка!

МАТРЕНА (*высовывается изъ погреба*).

Чего, сынокъ?

НИКИТА (*прислушивается*).

Не зарывай, живой онъ. Развѣ не слышишь? Живой! Во пищитъ... Во... внятно...

Матрена.

Да гдѣ же пищать-то? Вѣдь ты его въ блинъ расплющилъ. Всю головку раздребезжилъ.

Никита.

Что же это? (*Затыкаетъ уши.*) Все пищитъ! Рѣшился я своей жизни. Рѣшился! Что онѣ со мной сдѣлали?!.. Куда уйду я?!.. (*Садится на приступки.*)

ЗАНАВѢСЪ.

ВАРІАНТЪ.

Вмѣсто явленій XIII, XIV, XV и XVI, дѣйствія IV, можно читать слѣдующій варіантъ.

СЦЕНА 2-я.

Изба I дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анютка (*раздѣтая лежитъ на коникѣ подъ кафтаномъ*).
Митричъ (*сидитъ на хорахъ и куритъ*).

Митричъ.

Ишь, духу-то напустили, въ ротъ имъ ситнаго пирога съ горохомъ. Мимо лили добро-то. И табакомъ не заглушишь. Такъ въ носу и вертитъ. О Господи! Спать, видно. (*Подходитъ къ лампочкѣ, хочетъ завернуть.*)

Анютка (*вскакиваетъ, садится*).

Дѣдушка, не туши, голубчикъ!

Митричъ.

Чего не тушить?

Анютка.

А на дворѣ-то гомонили какъ. (*Прислушивается.*) Слышишь, опять въ амбаръ пошли?

Митричъ.

Тебѣ-то чего? Авось, тебя не спрашиваютъ. Ложись, да и спи. А я вотъ заверну свѣтъ. (*Завертываетъ.*)

Анютка.

Дѣдушка, золотой! Не гаси совсѣмъ. Ты хоть въ мышиный глазокъ оставь, а то жуть.

Митричъ (*смѣется*).

Ну, ладно, ладно. (*Присаживается подлѣ нея.*) Чего жутко-то?

Анютка.

Какъ не жутко, дѣдушка! Нянька какъ билась. Объ рундукъ головой билась. (*Шопотомъ.*) Я вѣдь знаю... у ней ребеночекъ родиться хочетъ... Родился ужъ никакъ..

Митричъ.

Эка егоза, залягай тебя лягушки. Все тебѣ знать надо. Ложись, да и спи. (*Анютка ложится.*) Вотъ такъ - то (*Закрываетъ ее.*) Вотъ такъ-то. А то много знать будешь, скоро состаришься.

Анютка.

А ты на печку пойдешь?

Митричъ.

А то куда жъ? То-то глупая, посмотрю я. Все ей знать надо. (*Закрываетъ ее еще и поднимается итти.*) Вотъ такъ-то лежи, да и спи. (*Идетъ къ печи.*)

Анютка.

Разочекъ крикнулъ, а теперь не слыхать.

Митричъ.

О Господи, Микола милостивый!.. Чего не слыхать-то?

Анютка.

Ребеночка.

Митричъ.

А нѣтъ его, такъ и не слыхать.

Анютка.

А я слышала, однова дыхнуть, слышала. Тоненько такъ.

Митричъ.

Много ты слышала. А слышала ты, какъ вотъ такую-то дѣвчонку, какъ ты, дѣтосѣка въ мѣшокъ посадилъ, да и ну ее?

Анютка.

Какой такой дѣтосѣка?

Митричъ.

А вотъ такой самый. (*Лѣзетъ на печь.*) И хороша же печка нынче, тепла. Любо! О Господи, Микола милостивый.

Анютка.

Дѣдушка, ты заснешь?

Митричъ.

А то что же ты думала, пѣсни играть буду? (*Молчаніе.*)

Анютка.

Дѣдушка, а дѣдушка! Копаютъ! Ей Богу, копаютъ — слышь! Однова дыхнуть, копаютъ!

Митричъ.

Чего не вздумаетъ, копаютъ? Ночью копаютъ. Кто копаетъ? Корова чешется. А ты—копаютъ! Спи, говорю, а то сейчасъ свѣтъ погашу.

Анютка.

Голубчикъ, дѣдушка, не туши. Не буду... Ей Богу, не буду. Страшно мнѣ.

Митричъ.

Страшно? Ты не бойся ничего, вотъ и не будетъ страшно. А то сама боится и страшно, говоритъ. Какъ же не страшно, какъ ты боишься. Эка дѣвчонка глупая какая. (*Молчаніе— сверчокъ.*)

Анютка (*шопотомъ*).

Дѣдушка, а дѣдушка! Ты заснулъ?

Митричъ.

Ну, чего еще?

Анютка.

Кака же така дѣтосѣка?

Митричъ.

А вотъ така. Вотъ какъ попадется такая же, какъ ты— не спитъ, онъ и придетъ съ мѣшкомъ, да дѣвчонку шваркъ въ мѣшокъ, да самъ туда же, съ головой, подыметъ ей рубашонку, да и ну хлестать.

Анютка.

Да чѣмъ же онъ хлесталъ?

Митричъ.

А вѣникъ возьметъ.

Анютка.

Да онъ тамъ не увидитъ, въ мѣшкѣ-то.

Митричъ.

Небось, увидитъ.

Анютка.

А я его укушу.

Митричъ.

Нѣтъ, братъ, его не укусишь.

Анютка.

Дѣдушка, идетъ кто-то! Кто это? Ай, матушки родимыя! Кто это?

Митричъ.

Идетъ, такъ идетъ. Чего же ты? Мать, я чай, идетъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Анисья (*входитъ*).

Анисья.

Анютка! (*Анютка притворяется, что спитъ.*) Митричъ!

Митричъ.

Чего?

Анисья.

Что свѣтъ-то жжете? Мы въ холодной ляжемъ.

Митричъ.

Да вотъ только убрался. Я потушу.

Анисья (*ищетъ въ сундукѣ и ворчитъ*).

Какъ надо, его никакъ и не найдешь.

Митричъ.

Да ты чего ищешь-то?

Анисья.

Крестъ ищу, окрестить надо. Помилуй Богъ, помретъ. Некрещеный-то. Грѣхъ вѣдь!

Митричъ.

А то какъ же, извѣстно, порядкомъ надо... Что, нашла?

Анисья.

Нашла. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Митричъ и Анютка.

Митричъ.

То-то, а то бы я свой далъ. О Господи!

Анютка (*вскакиваетъ и дрожитъ*).

О-о дѣдушка! Не засыпай ты, Христа ради, страшно какъ!

Митричъ.

Да чего страшно-то?

Анютка.

Помретъ, должно, робеночекъ-то? У тетки Арины также бабка окрестила,—онъ и померъ.

Митричъ.

Помретъ, похоронятъ.

Анютка.

Да, можетъ, онъ бы и не померъ, да бабка Матрена тутъ. Вѣдь я слышала, что́ бабка-то говорила, однова дыхнуть, слышала.

Митричъ.

Чего слышала? Спи, говорю. Закройся съ головой, да и все.

Анютка.

А кабы живъ былъ, я бъ его нянчила.

Митричъ (*рычитъ*).

О Господи!

Анютка.

Куда жъ они его дѣнутъ?

Митричъ.

Туда и дѣнутъ, куда надо. Не твоя печаль. Спи, говорю. Вотъ мать придетъ—она тебя! (*Молчаніе.*)

Анютка.

Дѣдушка! А дѣвчонку, ты сказывалъ, вѣдь не убили же?

Митричъ.

Про ту-то? О, та дѣвчонка въ дѣло вышла!

Анютка.

Какъ ты, дѣдушка, сказывалъ, нашли-то ее?

Митричъ.

Да такъ и нашли.

Анютка.

Да гдѣ же нашли? Ты скажи.

Митричъ.

Въ ихнемъ домѣ и нашли. Пришли въ деревню, стали солдаты шарить по домамъ, глядь — эта самая дѣвчонка на пузѣ лежитъ. Хотѣли ее пришибить. Да такъ мнѣ скучно стало, взялъ я ее на руки, такъ вѣдь не дается. Отяжелѣла, какъ пять пудовъ въ ней сдѣлалось; а руками цапается за что̀ попало, не отдерешь никакъ. Ну, взялъ я ее, да по головкѣ, по головкѣ. А шаршавая, какъ ежъ. Гладить, гладить — затихла. Помочилъ сухарика, далъ ей. Поняла-таки. Погрызла. Что съ ней дѣлать? Взяли ее. Взяли, стали кормить да кормить, да такъ привыкла, съ собой въ походъ взяли, такъ съ нами и шла. Хороша дѣвчонка была.

Анютка.

Что жъ, а некрещеная?

Митричъ.

А кто е знаетъ. Сказывали, что не вполнѣ. Потому народъ не нашенскій.

Анютка.

Изъ нѣмцевъ?

Митричъ

Эка ты: изъ нѣмцевъ, не изъ нѣмцевъ, а азіаты. Они все равно какъ жиды, а не жиды тоже. Изъ поляковъ, а азіаты, Крудлы... Круглы прозвище имъ. Да ужъ забылъ я. Дѣвчонку-то мы Сашкой прозвали. Сашка, а хороша была. Вѣдь вотъ все забылъ, а на дѣвчонку, въ ротъ ей ситнаго пирога съ горохомъ, какъ сейчасъ гляжу. Только и помню изъ службы изъ всей. Какъ пороли помню, да вотъ дѣвчонка въ памяти. Повиснетъ, бывало, на шеѣ и несешь ее. Такая дѣвчонка была, что надо лучше, да некуда. Отдали потомъ. Ротнаго жена въ дочери взяла. И въ дѣло вышла. Жалѣли какъ солдаты!

Анютка.

А вотъ, дѣдушка, тоже батя, я помню, какъ помиралъ. Ты еще не жилъ у насъ. Такъ онъ позвалъ Микиту, да и говоритъ: прости меня, говоритъ, Микита... а самъ заплакалъ. (*Вздыхаетъ.*) Тоже какъ жалостно.

Митричъ.

А вотъ то-то и оно-то...

Анютка.

Дѣдушка, а дѣдушка. Вотъ опять шумятъ что-то въ погребѣ. Ай, матушки, сестрицы-голубушки! Охъ, дѣдушка, сдѣлаютъ онѣ что̀ надъ нимъ! Загубятъ онѣ его. Махонькій вѣдь онъ... О-о! (*Закрывается съ головой и плачетъ.*)

Митричъ (*прислушивается*).

И впрямь что-то пакостятъ, дуй ихъ горой. А пакостницы же бабы эти. Мужиковъ похвалить нельзя, а ужъ бабъ... Эти, какъ звѣри лѣсные. Ничего не боятся.

Анютка (*поднимается*).

Дѣдушка, а дѣдушка!

Митричъ.

Ну, чего еще?

Анютка.

Намедни прохожій ночевалъ, сказывалъ, что младенецъ помретъ, — его душка прямо на небо пойдетъ. Правда это?

Митричъ.

Кто е знаетъ. Должно, такъ. А что?

Анютка.

Да хоть бы и я померла. (*Хнычетъ.*)

Митричъ.

Помрешь, изъ счета вонъ.

Анютка.

До десяти годовъ все младенецъ, душа къ Богу, може, еще пойдетъ, а то вѣдь изгадишься.

Митричъ.

Еще какъ изгадишься-то! Вашей сестрѣ какъ не изгадиться? Кто васъ учитъ? Чего ты увидишь? Чего услышишь? Только гнусность одну. Я хоть не много ученъ, а кое-что да знаю, все не какъ деревенская баба. Деревенская баба что? Слякоть одна. Вашей сестры въ Россіи большіе милліоны, а всѣ какъ кроты слѣпые,— ничего не знаете. Какъ коровью смерть опахивать, привороты всякіе, да какъ подъ насѣстъ ребятъ носить къ курамъ—это знаютъ.

Анютка.

Мамушка и то носила.

Митричъ.

А то-то и оно-то. Милліоновъ васъ сколько бабъ да дѣвокъ, а всѣ какъ звѣри лѣсные. Какъ выросла, такъ

и помретъ. Ничего не видала, ничего не слыхала. Мужикъ, тотъ хоть въ кабакѣ, а то и въ за́мкѣ, случаемъ, али въ солдатствѣ, какъ я, узнаетъ кое-что. А баба что́? Она не то, что про Бога, она и про пятницу-то не знаетъ толкомъ, какая такая. Пятница, пятница, а спроси какая — она и не знаетъ. Такъ, какъ щенята слѣпые ползаютъ, головами въ навозъ тычатся... Только и знаютъ пѣсни свои дурацкія: го-го, го-го... А что го-го?— сами не знаютъ...

Анютка.

А я, дѣдушка, Вотчу до половины знаю.

Митричъ.

Знаешь ты много! Да и спросить съ васъ тоже нельзя. Кто васъ учитъ? Только пьяный мужикъ поучитъ когда вожжами. Только и ученья. Ужъ и не знаю, кто за васъ отвѣчать будетъ. За рекрутовъ, такъ съ дядьки или съ старшо̀го спросятъ. А за вашу сестру и спросить не съ кого. Такъ, безпастушная скотина, озорная самая, бабы эти—самое глупое ваше сословіе. Пустое самое ваше сословіе.

Анютка.

А какъ же быть-то?

Митричъ.

А такъ и быть... Завернись съ головой и спи. О Господи! (*Молчаніе—сверчокъ.*)

Анютка (*вскакиваетъ*).

Дѣдушка! кричитъ кто то, не путемъ кто-то! Ей Богу, право, кричитъ. Дѣдушка, милый, сюда идетъ.

Митричъ.

Говорю, съ головой укройся.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Никита и Матрена.

Никита (*входитъ*).

Что̀ онѣ со мной сдѣлали? Что̀ онѣ со мной сдѣлали?!..

Матрена.

Выпей, выпей, ягодка, винца-то. Что ты? (*Достаетъ вино и ставитъ.*)

Никита.

Давай, не запью ли?

Матрена.

Тише! Не спятъ вѣдь. На, выпей.

Никита.

Что жъ это? Зачѣмъ вы это вздумали? Снесли бы куда.

Матрена (*шопотомъ*).

Посиди, посиди тутъ, выпей еще, а то покури. Оно разобьетъ мысль-то.

Никита.

Матушка родимая, дошло, видно, до меня. Какъ запищитъ, да какъ захрустятъ эти косточки—кр-кр... не человѣкъ я сталъ.

Матрена.

И-и! Что говоришь несуразно совсѣмъ. Оно точно, ночнымъ дѣломъ жутость беретъ, а дай ободняетъ, денекъ-другой пройдетъ, и думать забудешь. (*Подходитъ къ Никитѣ, кладетъ ему руку на плечо.*)

Никита.

Уйди отъ меня. Что вы со мной сдѣлали?

МАТРЕНА.

Да что ты, сынокъ, въ самомъ дѣлѣ. (*Беретъ его за руку.*)

НИКИТА.

Уйди ты отъ меня! Убью! Мнѣ теперь все ни по чемъ. Убью!

МАТРЕНА.

Ахъ, ахъ, напугался какъ! Да иди, что ль, спать-то.

НИКИТА.

Некуда мнѣ итти, пропалъ я.

МАТРЕНА (*качаетъ головой*).

Охъ, охъ, пойти убрать, а онъ обсидится, сойдетъ это съ него. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Никита, Митричъ, Анютка.

НИКИТА (*сидитъ, закрывъ лицо руками, Митричъ и Анютка замерли*).

Пищитъ, право, пищитъ, во, во... внятно... Зароетъ она его, право, зароетъ! (*Бѣжитъ въ дверь.*) Матушка, не зарывай, живой онъ...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Матрена.

МАТРЕНА (*возвращаясь, шопотомъ*).

Да что ты, Христосъ съ тобой! и что не примстится. Гдѣ же живому быть! Вѣдь и косточки всѣ раздребезжены.

Никита.

Давай еще вина! (*Пьетъ.*)

Матрена.

Иди, сынокъ. Заснешь теперь, ничего.

Никита (*стоитъ, слушаетъ*).

Живъ все. . во... пищитъ. Развѣ не слышишь? Во!

Матрена (*шопотомъ*).

Да нѣтъ же.

Никита.

Матушка родимая! Рѣшился я своей жизни. Что вы со мной сдѣлали? Куда уйду я? (*Выбѣгаетъ изъ избы, Матрена за нимъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Митричъ и Анютка.

Анютка.

Дѣдушка, милый, голубчикъ, задушили они его!

Митричъ (*сердито*).

Спи, говорю. Ахъ ты, лягай тебя лягушки. Вотъ я тебя вѣникомъ! Спи, говорю.

Анютка.

Дѣдушка, золотой! Хватаетъ меня ктой-то за плечушки, хватаетъ ктой-то, лапами хватаетъ. Дѣдушка милый, однова дыхнуть, пойду сейчасъ. Дѣдушка, золотой, пусти ты меня на печь! Пусти ты меня ради Христа... Хватаетъ... хватаетъ... А-а! (*Бѣжитъ къ печкѣ.*)

Митричъ.

Ишь натращали дѣвчонку какъ, — то-то пакостницы, лягай ихъ лягушки. Ну, пролѣзай, что ль.

Анютка (*лѣзетъ на печь*).

Да ты не уходи.

Митричъ.

Куда я пойду? Лѣзь, лѣзь! О Господи, Микола угодникъ! Матерь Пресвятая Богородица Казанская... Натращали дѣвчонку какъ. (*Прикрываетъ ее.*) То-то дурочка, право, дурочка... Натращали, право, паскудницы, въ ротъ имъ ситнаго пирога съ горохомъ.

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ V.

ЛИЦА V-го ДѢЙСТВІЯ:

НИКИТА.
АНИСЬЯ.
АКУЛИНА.
АКИМЪ.
МАТРЕНА.
АНЮТКА.
МАРИНА.
Мужъ Марины.
1-я дѣвка.
2-я дѣвка.
Урядникъ.
Извозчикъ.
Дружко.
Сваха.
Женихъ Акулины.
Староста.
Гости, бабы, дѣвки, народъ на свадьбѣ.

ДѢЙСТВІЕ V.

Гумно. На первомъ планѣ одонье, слѣва токъ, справа сарай гуменный. Открыты ворота сарая; въ воротахъ солома, въ глубинѣ виденъ дворъ и слышны пѣсни и бубенцы. Идутъ по дорожкѣ мимо сарая къ избѣ двѣ дѣвки.

ЯВЛЕНІЕ I.

Двѣ дѣвки.

1-я дѣвка.

Вотъ, видишь, какъ прошли, и полусапожекъ не замарали, а слободой-то бѣда! грязно... (*Останавливаются, отираютъ соломой ноги.*)

1-я дѣвка (*глядитъ въ солому и видитъ что-то*).

Это что̀ жъ тутъ?

2-я дѣвка (*разглядываетъ*).

Митричъ это, работникъ ихній. Вишь напился какъ.

1-я дѣвка.

Да онъ не пилъ никакъ?!

2-я дѣвка.

До поднесеннаго дня, видно.

1-я дѣвка.

Глянь-ка, онъ, видно, сюда за соломой пришелъ. Вишь и веревка въ рукахъ, да такъ и заснулъ.

2-я дѣвка (*прислушивается*).

Все еще величают. Должно, еще не благословляли. Акулина-то, сказывали, и выть не выла.

1-я дѣвка.

Мамушка сказывала, не охотой идетъ. Ей вотчимъ пригрозилъ, а то бы въ жизнь не пошла. Вѣдь про нее что болтали!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Марина (*догоняетъ дѣвокъ*).

Марина.

Здорово, дѣвушки!

Дѣвки.

Здорово, тетенька!

Марина.

На свадьбу, миленькія?

1-я дѣвка.

Да ужъ отошла. Такъ, поглядѣть.

Марина.

Покличьте вы моего старика, Семена изъ Зуева. Знаете, я чай?

1-я дѣвка.

Какъ не знать? Родня онъ жениху, никакъ.

Марина.

Какъ же, племянникъ моему хозяину-то женихъ-отъ.

2 я дѣвка.

Что же сама нейдешь? На свадьбу да не итти.

Марина.

Не охота, дѣушка, да и недосугъ. Ѣхать надо. Мы не на свадьбу и собирались. Мы съ овсомъ въ городъ. Покормить остановились, а старика моего и зазвали.

1-я дѣвка.

Вы къ кому же заѣхали? къ Өедорычу?

Марина.

У него. Такъ я здѣсь постою, а ты покличь, миленькая, старика-то моего. Вызови, касатка. Скажи: баба твоя, Марина, велѣла ѣхать; товарищи запрягаютъ.

1-я дѣвка.

Что жъ, ладно, коли сама не пойдешь. (*Дѣвки уходятъ по тропинкѣ ко двору. Слышны пѣсни и бубенцы.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Марина (*одна*).

Марина (*задумывается*).

Пойти бы ничего, да не охота, потому не видалась я съ нимъ съ той самой поры, какъ отказался онъ. Другой годъ. А взглянула бы глазкомъ, какъ онъ живетъ съ своей съ Анисьей. Говорятъ люди, нелады у нихъ. Баба она грубая, характерная. Поминалъ, я чай, не разъ. Позарился на прохладную жизнь. Меня промѣнялъ. Ну, да Богъ съ нимъ, я зла не помню. Тогда обидно было. Ахъ, больно было! А теперь перетерлось на себѣ и забыла. А поглядѣла бъ его... (*Смотритъ ко двору, видитъ Никиту.*) Вишь ты! Чего жъ это онъ идетъ? Аль дѣвки ему сказали? Что жъ это онъ отъ гостей ушелъ? Уйду я.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Марина и Никита (*идетъ сначала повѣся голову и махая руками и бормочетъ*).

МАРИНА.

Да и сумрачный же какой!

НИКИТА (*видитъ Марину, узнаетъ*).

Марина! Другъ любезный. Маринушка. Ты чего?

МАРИНА.

Я за старикомъ за своимъ.

НИКИТА.

Что жъ на свадьбу не пришла? Посмотрѣла бъ, посмѣялась на меня.

МАРИНА.

Чего жъ мнѣ смѣяться-то? Я за хозяиномъ пришла.

НИКИТА.

Эхъ, Маринушка! (*Хочетъ ее обнять.*)

МАРИНА (*сердито остраняется*).

А ты, Микита, эту ухватку оставь. То было, да прошло. За хозяиномъ пришла. У васъ онъ, что ль?

НИКИТА.

Не поминать, значитъ, стараго? Не велишь?

МАРИНА.

Старое нечего поминать. Что̀ было, то прошло.

НИКИТА.

И не воротишь, значитъ?

Марина.

И не воротится. Да ты что жъ ушелъ-то? Хозяинъ да со свадьбы ушелъ.

Никита (*садится на солому*).

Что ушелъ-то? Эхъ, кабы знала ты да вѣдала!.. Скучно мнѣ, Марина, такъ скучно, не глядѣли бы мои глаза. Вылѣзъ изъ-за стола и ушелъ, отъ людей ушелъ, только бы не видать никого.

Марина (*подходитъ къ нему ближе*).

Что жъ такъ?

Никита.

А то, что въ ѣдѣ не заѣмъ, въ питьѣ не запью, во снѣ не засплю. Ахъ, тошно мнѣ, такъ тошно! А пуще всего тошно мнѣ, Маринушка, что одинъ я, и не съ кѣмъ мнѣ моего горя размыкать.

Марина.

Безъ горя, Микита, не проживешь. Да я свое переплакала и прошло.

Никита.

Это про прежнее, про старинное. Эхъ, другъ, переплакала ты, а мнѣ вотъ дошло!

Марина.

Да что жъ такъ?

Никита.

А то, что опостылѣло мнѣ все мое житье. Самъ себѣ опостылѣлъ. Эхъ, Марина, не умѣла ты меня держать, погубила ты меня и себя тоже! Что жъ, развѣ это житье?

Марина (*стоитъ у сарая, плачетъ и удерживается*).

Я на свое житье, Никита, не жалюсь. Мое житье дай Богъ всякому. Я не жалюсь. Покаялась я тогда старику моему. Простилъ онъ меня. И не попрекаетъ. Я на свою жизнь не обижаюсь. Старикъ смирный и желанный до меня, я его дѣтей одѣваю, обмываю! Онъ меня тоже жалѣетъ. Что жъ мнѣ жалиться. Такъ, видно, Богъ присудилъ. А твое житье что жъ? Въ богатствѣ ты...

Никита.

Мое житье!.. Только свадьбу тревожить не хочется, а вотъ взялъ бы веревку, вотъ эту (*беретъ въ руки веревку съ соломы*), да на переметѣ вотъ на этомъ перекинулъ бы. Да петлю расправилъ бы хорошенько, да влѣзъ на переметъ, да головой туда. Вотъ моя жизнь какая!

Марина.

Полно, Христосъ съ тобой!

Никита.

Ты думаешь, я въ шутку? Думаешь, что пьянъ? Я не пьянъ. Меня нынче и хмель не беретъ. А тоска, съѣла меня тоска! На отдѣлку, такъ заѣла, что ничто-то мнѣ не мило! Эхъ, Маринушка, только я пожилъ съ тобою, помнишь, на чугункѣ ночи коротали?

Марина.

Ты, Микита, не вереди, гдѣ наболѣло. Я законъ приняла и ты тожъ. Грѣхъ мой прощенный, а старое не вороши...

Никита.

Что̀ жъ мнѣ съ своимъ сердцемъ дѣлать? Куда дѣваться-то?

Марина.

Чего дѣлать-то? Жена у тебя есть, на другихъ не зарься, а свою береги. Любилъ ты Анисью, такъ и люби.

Никита.

Эхъ, эта мнѣ Анисья — полынь горькая, только она мнѣ какъ худая трава ноги оплела!

Марина.

Какая ни есть жена... Да что толковать! Поди лучше къ гостямъ да мнѣ мужа покличь.

Никита.

Эхъ, кабы знала ты всѣ дѣла... Да что говорить!

ЯВЛЕНІЕ V.

Никита, Марина, мужъ ея и Анютка.

Мужъ Марины (*выходитъ отъ двора красный, пьяный*).

Марина! Хозяйка! Старуха! здѣсь ты, что ль?

Никита.

Вотъ и твой хозяинъ идетъ, тебя кличетъ. Иди!

Марина.

А ты что жъ?

Никита.

Я? Я полежу тутъ. (*Ложится въ солому.*)

Мужъ Марины.

Гдѣ жъ она?

Анютка.

А вотъ она, дяденька, длѣ сарая.

Мужъ Марины.

Чего стоишь? Иди на свадьбу-то! Хозяева велятъ тебѣ итти, честь сдѣлать. Сейчасъ поѣдетъ свадьба, и мы пойдемъ.

Марина (*выходитъ навстрѣчу мужу*).

Да не охота было.

Мужъ Марины.

Иди, говорю. Выпьешь стаканчикъ, Петруньку шельмеца проздравишь. Хозяева обижаются, а мы во всѣ дѣла поспѣемъ. (*Мужъ Марины обнимаетъ ее и, шатаясь, съ ней вмѣстѣ уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Никита и Анютка.

Никита (*поднимается и садится на солому.*)

Эхъ, увидалъ я ее, еще тошнѣй стало. Только и было жизни, что съ нею. Ни за что, про что загубилъ свой вѣкъ; погубилъ я свою голову! (*Ложится.*) Куда дѣнусь? Ахъ! Разступись, мать сыра земля.

Анютка (*видитъ Никиту и бѣжитъ къ нему.*)

Батюшка, а батюшка! Тебя ищутъ. Всѣ ужъ и крестный благословили. Однова дыхнуть, благословили, ужъ серчаютъ.

Никита (*про себя*).

Куда дѣнусь?

Анютка.

Ты чего? Чего говоришь-то?

Никита.

Ничего я не говорю. Что пристала?

Анютка.

Батюшка! пойдемъ, что ль! (*Никита молчитъ. Анютка тянетъ за руку.*) Батя, иди благословлять-то! право слово, серчаютъ, ругаются.

Никита (*выдергиваетъ руку*).

Оставь!

Анютка.

Да ну же!

Никита (*грозитъ ей вожжами*).

Ступай, говорю. Вотъ я тебя.

Анютка.

Такъ я жъ мамушку пришлю. (*Убѣгаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Никита (*одинъ*).

(*Поднимается.*) Ну какъ я пойду? Какъ я образъ возьму? Какъ я ей въ очи гляну? (*Ложится опять.*) Охъ, кабы дыра въ землю, ушелъ бы. Не видали бъ меня люди, не видалъ бы никого. (*Опять поднимается.*) Да не пойду я... Пропадай они совсѣмъ. Не пойду. (*Снимаетъ сапоги и беретъ веревку: дѣлаетъ изъ нея петлю, прикидываетъ на шею.*) Такъ-то вотъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Никита и Матрена. (*Видитъ мать. Снимаетъ веревку съ головы и ложится опять въ солому.*)

Матрена (*подходитъ впопыхахъ*).

Микита, а Микита! Вишь ты, и голоса не подаетъ. Микита, что жъ ты, аль захмелѣлъ? Иди, Микитушка, иди, иди, ягодка. Заждался народъ.

Никита.

Ахъ, что̀ вы со мной сдѣлали? Не человѣкъ я сталъ.

Матрена.

Да чего ты? Иди, родной, честь честью благословенье сдѣлай, да и къ сторонѣ. Ждетъ вѣдь народъ-отъ.

Никита.

Какъ мнѣ благословлять-то?

Матрена.

Извѣстно какъ. Развѣ не знаешь?

Никита.

Знаю я, знаю я. Да кого благословлять-то буду? Что̀ я съ ней сдѣлалъ?

Матрена.

Что̀ сдѣлалъ? Эко вздумалъ поминать! Никто не знаетъ: ни котъ, ни кошка, ни попъ Ермошка. А дѣвка сама идетъ.

Никита.

Какъ идетъ-то?

Матрена.

Извѣстно, изъ-подъ страху идетъ-то. Да идетъ же. Да что жъ дѣлать-то? Тогда бы думала. А теперь ей упираться нельзя. И сватамъ тоже обиды нѣтъ. Смотрѣли два раза дѣвку-то, да и денежки за ней. Все шито, крыто.

Никита.

А въ погребѣ-то что?

Матрена (*смѣется*).

Что́ въ погребѣ? Капуста, грибы, картошки, я чай. Что старое поминать!

Никита.

Радъ бы не поминать, да не могу я. Какъ заведешь мысль, такъ вотъ и слышу... Охъ, что вы со мной сдѣлали?

Матрена.

Да что ты въ самомъ дѣлѣ ломаешься?

Никита (*переворачивается ничкомъ*).

Матушка! Не томи ты меня. Мнѣ вотъ покуда дошло!

Матрена.

Да все жъ надо. И такъ болтаетъ народъ, а тутъ вдругъ ушелъ отецъ, нейдетъ; благословлять не насмѣлится. Сейчасъ прикладывать станутъ. Какъ заробѣешь, сейчасъ догадываться станутъ. Ходи торомъ, не положатъ воромъ. А то бѣжишь отъ волка, напхаешься на медвѣдя. Пуще всего виду не показывай, не робь, малый, а то хуже вознаютъ.

Никита.

Эхъ, запутали вы меня.

Матрена.

Да буде, пойдемъ. А выдь да благослови; все какъ должно, честь-честью, и дѣлу конецъ.

Никита (*лежитъ ничкомъ*).

Не могу я!

Матрена (*сама съ собой*).

И что сдѣлалось? Все ничего, ничего, да вдругъ нашло. Напущеніе, видно. Микитка, вставай! Гляди, вонъ и Анисья идетъ, гостей побросала.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Никита, Матрена и Анисья.

Анисья (*нарядная, красная, выпивши*).

И хорошо какъ, матушка. Такъ хорошо, честно! И какъ народъ доволенъ!.. Гдѣ жъ онъ?

Матрена.

Здѣсь, ягодка, здѣсь. Въ солому легъ, да и лежитъ. Нейдетъ.

Никита (*глядитъ на жену*).

Ишь, тоже пьяная. Гляжу, такъ съ души претъ. Какъ съ ней жить? (*Поворачивается ничкомъ.*) Убью я ее когда-нибудь. Хуже будетъ!

Анисья.

Вишь куда, въ солому забрался. Аль хмель изнялъ? (*Смѣется.*) Полежала бы и я съ тобой тутъ, да некогли. Пойдемъ, доведу. А ужъ какъ хорошо въ домѣ-то. Лестно поглядѣть. И гармонія! Играютъ бабы, хорошо какъ. Пьяные всѣ. Ужъ такъ почетно, хорошо такъ!

Никита.

Что хорошо-то?

Анисья.

Свадьба, веселая свадьба. Всѣ люди говорятъ, на рѣдкость свадьба такая. Такъ честно, хорошо все. Иди же. Вмѣстѣ пойдемъ... я выпила, да доведу. (*Беретъ за руку.*)

Никита (*отдергивается съ отвращеніемъ*).

Иди одна. Я приду.

Анисья.

Чего кауришься-то! Всѣ бѣды избыли, разлучницу сбыли, жить намъ только, радоваться. Все такъ честно, по закону. Ужъ такъ я рада, что и сказать нельзя. Ровно я за тебя въ другой замужъ иду. И-и! народъ какъ доволенъ! Всѣ благодарятъ. И гости все хорошіе. И Иванъ Мосеичъ — тоже и господинъ урядникъ. Тоже повеличали.

Никита.

Ну, и сиди съ ними, зачѣмъ пришла?

Анисья.

Да и то итти надо. А то къ чему пристало, хозяева ушли и гостей побросали. А гости все хорошіе.

Никита (*встаетъ, обираетъ съ себя солому*).

Идите, а я сейчасъ приду.

Матрена.

Ночная-то кукушка денную перекуковала. Меня не послухалъ, а за женой сейчасъ пошелъ. (*Матрена и Анисья идутъ.*)

Матрена.

Идешь, что ли?

Никита.

Сейчасъ приду. Вы идите, я слѣдомъ. Приду, благословлять буду... (*Бабы останавливаются.*) Идите... а я слѣдомъ. Идите же! (*Бабы уходятъ.*)

Никита (*глядитъ имъ вслѣдъ задумавшись*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Никита *одинъ, потомъ* **Митричъ**.

Никита (*садится и разувается*).

Такъ и пошелъ я! Какъ же! Нѣтъ, вы поищите, на переметѣ нѣтъ ли. Распросталъ петлю, да прыгнулъ съ перемета и ищи меня. И вожжи, спасибо, тута. (*Задумывается.*) То бы размыкалъ какое ни будь горе— размыкалъ бы! А то вонъ оно гдѣ, въ сердцѣ оно, не вынешь никакъ. (*Приглядывается ко двору.*) Никакъ опять идетъ. (*Передразниваетъ Анисью.*) „Хорошо, и хорошо какъ! Полежу съ тобой!“ У! шкуреха подлая! На жъ тебѣ, обнимайся со мной, какъ съ перемета снимутъ. Одинъ конецъ. (*Схватываетъ веревку, дергаетъ ее.*)

Митричъ (*пьяный поднимается, не пускаетъ веревку*).

Не дамъ. Никому не дамъ. Самъ принесу. Сказалъ принесу соломы—принесу! Микита, ты? (*Смѣется.*) Ахъ, чортъ! Аль за соломой?

Никита.

Давай веревку.

Митричъ.

Нѣтъ, ты погоди. Послали меня мужики. Я принесу... (*Поднимается на ноги, начинаетъ сгребать солому, но шатается, справляется и подъ конецъ падаетъ.*) Ея верхъ. Пересилила!..

Никита.

Давай вожжи-то.

Митричъ.

Сказалъ — не дамъ. Ахъ, Микишка, глупъ ты, какъ свиной пупъ. (*Смѣется.*) Люблю тебя! а глупъ ты. Ты глядишь, что я запилъ: а мнѣ чортъ съ тобой! Ты думаешь, ты мнѣ нуженъ... Ты гляди на меня! Я унтеръ! Дуракъ, не умѣешь сказать: унтеръ-офицеръ гренадерскаго ея величества самаго перваго полка, — царю, отечеству служилъ вѣрой и правдой. А кто я? Ты думаешь, я воинъ? Нѣтъ, я не воинъ, а я самый послѣднiй человѣкъ, сирота я, заблудшiй я. Зарекся я пить. А теперь закурилъ!.. Что жъ, ты думаешь я боюсь тебя? Какъ же! Никого не боюсь. Запилъ, такъ запилъ! Теперь недѣли двѣ смолить буду, картошку подъ орѣхъ раздѣлаю. До креста пропьюся, шапку пропью, билетъ заложу и не боюсь никого. Меня въ полку пороли, чтобъ не пилъ я. Стегали, стегали... „что, говорятъ, будешь?" Буду, говорю. Чего ихъ бояться-то; вотъ онъ я! Какой есть, такого Богъ зародилъ. Зарекся — не пить. Не пилъ. Теперь запилъ, пью! И не боюсь никого. Потому не вру, а какъ есть... Чего ихъ бояться дерьма-то. На-те, молъ, вотъ онъ я! Мнѣ попъ одинъ сказывалъ. Дьяволъ — онъ самый хвастунъ. Какъ, говоритъ, началъ ты хвастать, сейчасъ ты и заробѣешь. А какъ сталъ робѣть отъ людей, сейчасъ онъ, безпятый-то, сейчасъ и сцапалъ тебя и поперъ, куда ему надо. А какъ не боюсь я людей-то, мнѣ и легко. Начхаю ему въ бороду, лопатому-то, ма-

тери его поросятины. Ничего онъ мнѣ не сдѣлаетъ. На, молъ, выкуси.

Никита (*крестится*).

И что жъ это я, въ самомъ дѣлѣ? (*Бросаетъ веревку.*)

Митричъ.

Чего?

Никита (*поднимается*).

Не велишь бояться людей?

Митричъ.

Есть чего бояться, дерьма-то. Ты ихъ въ банѣ-то погляди. Всѣ изъ одного тѣста. У одного потолще брюхо, а то потоньше; только и различки въ нихъ. Вона! кого бояться, въ ротъ имъ ситнаго пирога съ горохомъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Никита, Митричъ, Матрена (*выходитъ изъ двора*).

Матрена (*кличетъ*).

Что жъ, идешь, что ли?

Никита.

Охъ! Да и лучше такъ-то. Иду! (*Идетъ ко двору.*)

ЗАНАВѢСЪ.

СЦЕНА 2-я.

Перемѣна декораціи. Изба 1-го дѣйствія полна народомъ, сидящимъ за столами и стоящимъ. Въ переднемъ углу *Акулина* съ *женихомъ*. На столѣ иконы и хлѣбъ. Въ числѣ гостей *Марина*, *мужъ ея* и *урядникъ*. Бабы поютъ пѣсни. *Анисья* разноситъ вино. Пѣсни замолкаютъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анисья, Марина, мужъ Марины, Акулина, женихъ, извозчикъ, урядникъ, сваха, дружко, Матрена, гости и народъ.

Извозчикъ.

Ѣхать, такъ ѣхать, а церковь развѣ близко?

Дружко.

А вотъ дай срокъ, вотчимъ благословитъ. Да гдѣ же онъ?

Анисья.

Идетъ, сейчасъ идетъ, миленькіе. Кушайте еще по стаканчику, не обижайте.

Сваха.

Что жъ долго? Ужъ съ какого времени ждемъ.

Анисья.

Придетъ. Сейчасъ придетъ. Стриженая дѣвка косы не заплететъ, тутъ будетъ. Кушайте, миленькіе. (*Подноситъ вино.*) Сейчасъ идетъ. Поиграйте еще, красавицы, пока что.

Извозчикъ.

Да ужъ всѣ пѣсни припѣли ожидамши. (*Бабы поютъ, по серединѣ пѣсни входятъ Никита и Акимъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Никита и Акимъ.

Никита (*держитъ Акима за руку и подталкиваетъ впередъ себя*).

Иди, батюшка, безъ тебя нельзя.

Акимъ.

Не люблю я, значитъ, тае...

Никита.

(*На бабъ.*) Буде, замолчите. (*Оглядываетъ всѣхъ въ избѣ.*) Арина, ты тутъ?

Сваха.

Иди, бери образъ, благословляй.

Никита.

Погоди, дай срокъ. (*Оглядывается.*) Акулина, ты здѣсь?

Сваха.

Да что ты народъ перекликаешь? Гдѣ жъ ей быть то? Что онъ чудной какой...

Анисья.

Батюшки родимые! Да что жъ онъ разутый.

Никита.

Батюшка! ты здѣсь! Гляди на меня! Міръ православный, вы всѣ здѣсь! и я здѣсь! Вотъ онъ я! (*Падаетъ на колѣни.*)

Анисья.

Микитушка, чтой-то ты? О головушка моя!

Сваха.

Вотъ на!

Матрена.

Я и говорю: перепилъ онъ французскаго, что ли, много. Опамятуйся, что ты? (*Хотятъ поднять его, онъ не обращаетъ ни на кого вниманія, глядитъ предъ собой.*)

Никита.

Міръ православный! Виноватъ я, каяться хочу.

Матрена (*тащитъ его за плечо*).

Что ты, съ ума спятилъ? Миленькіе, у него умъ зашелся, увести его.

Никита (*отстраняетъ ее плечомъ*).

Оставь! А ты, батюшка, слушай. Первое дѣло! Маринка, гляди сюда. (*Кланяется ей въ ноги и поднимается.*) Виноватъ я предъ тобою, обѣщалъ тебя замужъ взять, соблазнилъ тебя. Тебя обманулъ, кинулъ, прости меня Христа ради. (*Опять кланяется въ ноги.*)

Анисья.

И чего разлопоушился? Не къ лицу совсѣмъ. Что никто не спрашиваетъ. Встань ты, что озорничаешь?

Матрена.

О-охъ, напущено это на него. И что это сдѣлалось? Попорченъ онъ. Встань, что пустое болтаешь. (*Тянетъ его.*)

Никита (*мотаетъ головой*).

Не тронь! Прости, Марина. Грѣхъ мой предъ тобой, прости Христа ради. (*Марина закрывается руками, молчитъ.*)

Анисья.

Встань говорю, что озорничаешь. Вспоминать вздумалъ. Буде форсить. Стыдно! О головушка моя! Что это очумѣлъ совсѣмъ.

Никита (*отталкиваетъ жену, поворачивается къ Акулинѣ*).

Акулина, къ тебѣ рѣчь теперь. Слушайте, міръ православный! Окаянный я. Акулина! виноватъ я предъ тобой. Твой отецъ не своей смертью померъ. Ядомъ отравили его.

Анисья (*вскрикиваетъ*).

Головушка моя! Да что онъ?

Матрена.

Не въ себѣ человѣкъ. Уведите же вы его. (*Народъ подходитъ, хочетъ взять его.*)

Акимъ (*отслоняетъ руками*).

Постой! Вы, ребята, тае, постой, значитъ.

Никита.

Акулина, я его ядомъ отравилъ. Прости меня Христа ради.

Акулина (*вскакиваетъ*).

Брешетъ онъ! Я знаю кто.

Сваха.

Что ты? Ты сиди.

Акимъ.

О Господи! Грѣхъ-то, грѣхъ-то.

Урядникъ.

Берите его! А старосту пошлите да понятыхъ. Надо актъ составить. Встань-ка ты, поди сюда.

Акимъ (*на урядника*).

А ты, значитъ, тае, свѣтлыя пуговицы, тае, значитъ, погоди. Дай, онъ, тае, скажетъ, значитъ.

Урядникъ (*Акиму*).

Ты, старикъ, смотри, не мѣшайся. Я долженъ составить актъ.

Акимъ.

Экій ты, тае. Погоди, говорю. Объ ахтѣ, тае, не толкуй, значитъ. Тутъ, тае, Божье дѣло идетъ... кается человѣкъ, значитъ, а ты, тае, ахту...

Урядникъ.

Старосту!

Акимъ.

Дай, Божье дѣло отойдетъ, значитъ, тогда, значитъ, ты и, тае, справляй, значитъ.

Никита.

Еще, Акулина, предъ тобою грѣхъ мой великій, соблазнилъ я тебя, прости Христа ради! (*Кланяется ей въ ноги.*)

Акулина (*выходитъ изъ-за стола*).

Пусти меня, не пойду замужъ. Онъ мнѣ велѣлъ, а теперь не пойду.

Урядникъ.

Повтори, что́ сказалъ.

Никита.

Погодите, господинъ урядникъ, дайте досказать.

Акимъ (*въ восторгѣ*).

Говори, дитятко, все говори, — легче будетъ. Кайся Богу, не бойся людей. Богъ-то, Богъ-то! Онъ во!..

Никита.

Отравилъ я отца, погубилъ я, песъ, и дочь. Моя надъ ней власть была, погубилъ ее и ребеночка.

Акулина.

Правда это, правда.

Никита.

На погребицѣ доской ребеночка ея задушилъ. Сидѣлъ на немъ... душилъ... а въ немъ косточки хрустѣли. (*Плачетъ.*) И я закопалъ въ землю. Я сдѣлалъ, одинъ я!

Акулина.

Брешетъ! Я велѣла...

Никита.

Не щити ты меня! Не боюсь я теперь никого! Прости меня, міръ православный! (*Кланяется въ землю.*)

(*Молчаніе*).

Урядникъ.

Вяжите его, свадьба ваша, видно, разстроилась. (*Подходитъ народъ съ кушаками.*)

Никита.

Погоди, поспѣешь... (*Отцу кланяется въ ноги.*) Батюшка родимый! прости и ты меня окаяннаго! Говорилъ ты мнѣ спервоначала, какъ я этой блудней скверной занялся, говорилъ ты мнѣ: «Коготокъ увязъ и всей птичкѣ пропасть», не послушалъ я, песъ, твоего слова, и вышло по-твоему. Прости меня, Христа ради.

Акимъ (*въ восторгѣ*).

Богъ проститъ, дитятко родимое. (*Обнимаетъ его.*) Себя не пожалѣлъ, Онъ тебя пожалѣетъ, Богъ-то, Богъ-то! Онъ во!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и староста.

Староста (*входитъ*).

Понятыхъ и здѣсь много.

Урядникъ.

Сейчасъ допросъ снимемъ. (*Никиту вяжутъ.*)

Акулина (*подходитъ, становится рядомъ*).

Я скажу правду. Допрашивай и меня.

Никита (*связанный*).

Нечего допрашивать. Все я одинъ сдѣлалъ. Мой и умыселъ, мое и дѣло. Ведите, куда знаете. Больше ничего не скажу!

ЗАНАВѢСЪ.

ПЛОДЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ.

КОМЕДІЯ ВЪ 4-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(1890 г.)

ПЛОДЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ.

КОМЕДІЯ ВЪ 4-хъ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Леонидъ Ѳедоровичъ Звѣздинцевъ, отставной поручикъ конной гвардіи, владѣтель 24 тысячъ десятинъ въ разныхъ губерніяхъ. Свѣжій мужчина, около 60 лѣтъ, мягкій, пріятный джентльменъ. Вѣритъ въ спиритизмъ и любитъ удивлять другихъ своими разсказами.

Анна Павловна Звѣздинцева, его жена, полная, молодящаяся дама, озабоченная свѣтскими приличіями, презирающая своего мужа и слѣпо вѣрящая доктору. Дама раздражительная.

Бетси, ихъ дочь, свѣтская дѣвица, лѣтъ 20-ти, съ распущенными манерами, подражающими мужскимъ, въ pince-nez. Кокетка и хохотунья. Говоритъ очень быстро и очень отчетливо, поджимая губы, какъ иностранка.

Василій Леонидычъ, ихъ сынъ, 25-ти лѣтъ, кандидатъ юридическихъ наукъ, безъ опредѣленныхъ занятій, членъ общества велосипедистовъ, общества конскихъ ристалищъ и общества поощренія борзыхъ собакъ. Молодой человѣкъ, пользующійся прекраснымъ здоровьемъ и не сокрушимой самоувѣренностью. Говоритъ громко и отрывисто. Либо вполнѣ серьезенъ, почти мраченъ, либо шумно веселъ и хохочетъ громко.

Алексѣй Владимировичъ Кругосвѣтловъ, профессоръ. Ученый, лѣтъ 50-ти, съ спокойными, пріятно самоувѣренными манерами и такою же медлительною, пѣвучею рѣчью. Охотно говоритъ. Къ несоглашающимся съ собой относится кротко-презрительно. Много куритъ. Худой, подвижной человѣкъ.

Докторъ, лѣтъ 40, здоровый, толстый, красный человѣкъ. Громогласенъ и грубъ. Постоянно самодовольно посмѣивается.

Марья Константиновна, дѣвица лѣтъ 20-ти, воспитанница консерваторіи, учительница музыки, съ махрами на лбу, въ преувеличенно-модномъ туалетѣ, заискивающая и конфузящаяся.

Петрищевъ, лѣтъ 28, кандидатъ филологическихъ наукъ, ищущій дѣятельности, членъ тѣхъ же обществъ, какъ и Василій Леонидычъ, и, кромѣ того, общества устройства ситцевыхъ и коленкоровыхъ баловъ. Плѣшивый, быстрый въ движеніяхъ и рѣчи и очень учтивый.

Баронесса, важная дама, лѣтъ 50-ти, неподвижная, говоритъ безъ интонацій.

Княгиня, свѣтская дама, гостья.

Княжна, свѣтская дѣвица, гримасница, гостья.

Графиня, древняя дама, насилу движущаяся, съ фальшивыми буклями и зубами.

Гросманъ, брюнетъ еврейскаго типа, очень подвижной, нервный, говоритъ очень громко.

Толстая барыня, Марья Васильевна Толбухина, очень важная, богатая и добродушная дама, знакомая со всѣми замѣчательными людьми, прежними и теперешними. Очень толстая, говоритъ поспѣшно, стараясь переговорить другихъ. Куритъ.

Баронъ Клингенъ (Кокò), кандидатъ Петерб. университета, камеръ-юнкеръ, служащій при посольствѣ. Вполнѣ correct и потому спокоенъ душою и тихо веселъ.

Дама.

Барыня (безъ словъ).

Сахатовъ, Сергѣй Ивановичъ, лѣтъ 50-ти, бывшій товарищъ министра, элегантный господинъ, широкаго европейскаго образованія, ничѣмъ не занятъ и всѣмъ интересуется. Держитъ себя достойно и даже нѣсколько строго.

Ѳедоръ Иванычъ, камердинеръ, лѣтъ подъ 60-ть. Образованный и любящій образованіе человѣкъ, злоупотребляющій употребленіемъ pince-nez и носового платка, который онъ медленно развертываетъ. Слѣдитъ за политикой. Человѣкъ умный и добрый.

Григорій, лакей, лѣтъ 28, красавецъ собой, развратный, завистливый и смѣлый.

Яковъ, лѣтъ 40, буфетчикъ, суетливый, добродушный, живущій только деревенскими семейными интересами.

Семенъ, буфетный мужикъ, лѣтъ 20. Здоровый, свѣжій деревенскій малый, бѣлокурый, безъ бороды еще, спокойный, улыбающійся.

Кучеръ, лѣтъ 35. Щеголь, съ усами только, грубый и рѣшительный.

Старый поваръ, лѣтъ 55, лохматый, небритый, раздутый, желтый, трясущійся, въ нанковомъ лѣтнемъ оборванномъ пальто и грязныхъ штанахъ, въ опоркахъ; говоритъ хрипло; слова вырываются изъ него какъ бы черезъ преграду.

Кухарка, говорунья, недовольная, лѣтъ 30.

Швейцаръ, отставной солдатъ.

Таня, горничная, лѣтъ 19, энергическая, сильная, веселая и быстро измѣняющая настроеніе дѣвушка. Въ минуты сильнаго возбужденія радости взвизгиваетъ.

1-й мужикъ, лѣтъ 60-ти, ходилъ старшиной, полагаетъ, что знаетъ обхожденіе съ господами, и любитъ себя послушать.

2-й мужикъ, лѣтъ 45, хозяинъ, грубый и правдивый, не любитъ говорить лишняго. Отецъ Семена.

3-й мужикъ, лѣтъ 70-ти, въ лаптяхъ, нервный безпокойный, торопится, робѣетъ и разговоромъ заглушаетъ свою робость.

1-й выѣздной лакей графини. Старикъ стараго завѣта, съ лакейской гордостью.

2-й выѣздной лакей, огромный, здоровый, грубый.

Артельщикъ изъ магазина. Въ синей поддевкѣ, съ чистымъ румянымъ лицомъ. Говоритъ твердо, внушительно и ясно.

Дѣйствіе происходитъ въ столицѣ, въ домѣ Звѣздинцевыхъ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Театръ представляетъ переднюю богатаго дома въ Москвѣ. Три двери: наружныя, въ кабинетъ Леонида Ѳедоровича и въ комнату Василія Леонидыча. Лѣстница на верхъ, во внутренніе покои; сзади нея проходъ въ буфетъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Григорій (*молодой и красивый лакей, глядится въ зеркало и прихорашивается*).

Григорій. А жаль усовъ! Не годится, говоритъ, лакею усы! А отчего? Чтобы видно было, что ты лакей. А то какъ бы не превзошелъ сынка ея любезнаго. И есть кого! Хоть и безъ усовъ, а далеко ему... (*Вглядывается съ улыбкой.*) И сколько ихъ за мной волочатся? Только никто вотъ не нравится, какъ Таня эта! Простая горничная! Н-да! А вотъ лучше барышни. (*Улыбается.*) Да и мила! (*Прислушивается.*) Вотъ, она и есть! (*Улыбается.*) Вишь постукиваетъ каблучками... в-ва!..

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Григорій *и* **Таня** (*съ шубкой и ботинками*).

Григорій. Татьянѣ Марковнѣ мое почтеніе!

Таня. Что, смотритесь все? Думаете, очень изъ себя хороши?

Григ. А что, непріятенъ?

Таня. Такъ, ни пріятенъ, ни непріятенъ, а середка на половину. Что же это у васъ шубы-то понавѣшаны?

Григ. Сейчасъ, сударыня, уберу. (*Снимаетъ шубу и накрываетъ ею Таню, обнимая ее.*) Таня, что̀ я тебѣ скажу...

Таня. Ну, васъ совсѣмъ! И къ чему это пристало! (*Сердито вырывается.*) Говорю же, оставьте!

Григ. (*оглядывается.*) Поцѣлуйте же.

Таня. Да что вы въ самомъ дѣлѣ пристали? Я васъ такъ поцѣлую!.. (*Замахивается.*)

Василій Леон. (*За сценой слышенъ звонокъ и потомъ крикъ.*) Григорій!

Таня Вонъ, идите. Василій Леонидычъ зоветъ.

Григ. Подождетъ; онъ только глаза продралъ. Слушай-ка, отчего не любишь?

Таня. И какія такія любови выдумали! Я никого не люблю.

Григ. Неправда, Семку любишь. И нашла же кого, буфетнаго мужика сиволапаго!

Таня. Ну, какой ни на есть, да вотъ вамъ завидно.

Васил. Леон. (*за сценой*). Григорій!

Григ. Поспѣешь!.. Есть чему завидовать! Вѣдь ты только начала образовываться и съ кѣмъ связываешься? То ли дѣло меня бы полюбила... Таня...

Таня (*сердито и строго*). Говорю, не будетъ вамъ ничего.

Васил. Леон. (*за сценой*). Григорій!!!

Григ. Ужъ очень строго себя ведете.

Васил. Леон. (*за сценой, упорно, ровно во всю мочь кричитъ*). Григорій! Григорій! Григорій!

(*Таня и Григорій смѣются*).

Григ. Меня вѣдь какія любили!

(*Звонокъ*).

Таня. Ну, и идите къ нимъ, а меня оставьте.

Григ. Глупая ты, посмотрю. Вѣдь я не Семенъ.

Таня. Семенъ жениться хочетъ, а не глупости.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Григорій, Таня *и* **артельщикъ** (*несетъ большой картонъ съ платьемъ*).

Артел. Съ добрымъ утромъ!

Григ. Здравствуйте. Отъ кого?

Артел. Отъ Бурде, съ платьемъ, да вотъ записка барынѣ.

Таня (*беретъ записку*). Посидите тутъ, я подамъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Григорій, артельщикъ *и* **Василій Леонидычъ** (*высовывается изъ двери въ рубашкѣ и туфляхъ*).

Вас. Леон. Григорій!

Григ. Сейчасъ.

Вас. Леон. Григорій! Развѣ не слышишь?

Григ. Я только пришелъ.

Вас. Леон. Воды теплой и чаю.

Григ. Сейчасъ Семенъ принесетъ.

Вас. Леон. А это что? Отъ Бурдье?

Артел. Такъ точно-съ.

(*Василій Леонидычъ и Григорій уходятъ. Звонокъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Артельщикъ *и* **Таня** (*вбѣгаетъ на звонокъ и отворяетъ дверь.*)

Таня (*артельщику*). Подождите.

Артел. И такъ дожидаюсь.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Артельщикъ, Таня *и* **Сахатовъ** (*входитъ въ дверь*).

Таня. Извините, сейчасъ вышелъ лакей. Да вы пожалуйте. Позвольте! (*Снимаетъ шубу.*)

Сахатовъ (*оправляясь*). Дома Леонидъ Өедоровичъ? Встали?

(*Звонокъ*).

Таня. Какъ же, давно ужъ!

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Артельщикъ, Таня *и* Сахатовъ. *Входитъ* докторъ.

Докторъ (*ищетъ лакея. Увидавъ Сахатова, съ развязностью*). А! мое почтеніе!

Сахат. (*пристально вглядывается.*) Докторъ, кажется?

Докт. А я думалъ, что вы за границей. Къ Леониду Өедоровичу?

Сахат. Да. А вы что же? Боленъ развѣ кто?

Докт. (*посмѣиваясь*). Не то, чтобы боленъ, а знаете, съ этими барынями бѣда! До трехъ часовъ каждый день сидитъ за винтомъ, а сама тянется въ рюмку. А барыня, сырая, толстая, да и годочковъ-то не мало.

Сахат. Вы такъ и Аннѣ Павловнѣ высказываете вашъ діагнозъ? Ей не нравится, я думаю.

Докт. (*смѣясь*). Что же, правда. Всѣ эти штуки продѣлываютъ, а потомъ разстройство пищеварительныхъ органовъ, давленіе на печень, нервы,—ну, и пошла писать, а ты ее подправляй. Бѣда съ ними! (*Посмѣивается.*) А вы что? Вы, кажется, спиритъ тоже?

Сахат. Я? Нѣтъ, я не спиритъ тоже... Ну, мое почтеніе! (*Хочетъ итти, но докторъ останавливаетъ.*)

Докт. Нѣтъ, вѣдь я тоже не отрицаю вполнѣ, какъ такой человѣкъ, какъ Кругосвѣтловъ, принимаетъ участіе. Нельзя же! Профессоръ, европейская извѣстность. Что-нибудь да есть. Хотѣлось какъ-нибудь посмотрѣть, да все некогда, другое дѣло есть.

Сахатовъ. Да, да. Мое почтеніе! (*Уходитъ съ легкимъ поклономъ.*)

Докт. (*Танѣ*). Встали?

Таня. Въ спальнѣ. Да вы пожалуйте

(*Сахатовъ и докторъ расходятся въ разныя стороны*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Артельщикъ, Таня *и* **Ѳедоръ Ивановичъ** (*входитъ съ газетой въ рукахъ*).

Ѳед. Ив. (*къ артельщику*). Вы что?

Артел. Отъ Бурде съ платьемъ да съ запиской. Велѣли подождать.

Ѳед. Иван. А, отъ Бурде! (*Къ Танѣ.*) Кто это пришелъ?

Таня. Сахатовъ, Сергѣй Иванычъ, и еще докторъ. Они тутъ постояли, поговорили. Все о спиритичествѣ.

Ѳед. Ив. (*поправляя*). Объ спиритизмѣ.

Таня. Да я и говорю объ спиритичествѣ. А вы слышали, Ѳедоръ Иванычъ, какъ прошлый разъ удалось хорошо? (*Смѣется.*) И стучало и вещи перелетали.

Ѳед. Ив. А ты почемъ знаешь?

Таня. А Лизавета Леонидовна сказывали.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Таня, Ѳедоръ Ивановичъ, артельщикъ *и* **Яковъ буфетчикъ** (*бѣжитъ съ стаканомъ чаю*).

Яковъ (*къ артельщику*). Здравствуйте!

Артел. (*грустно*). Здравствуйте.

(*Яковъ стучитъ въ дверь къ Василію Леонидычу*).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ же *и* **Григорій.**

Григ. Давай.

Яковъ. А стаканы вчерашніе все не принесли, да и подносъ отъ Василія Леонидыча. Вѣдь съ меня спросятъ

Григ. Подносъ занятъ у него съ сигарками.

Яковъ Такъ вы переложите. Вѣдь съ меня взыскиваютъ.

Григ. Принесу, принесу!

Яковъ. Вы говорите принесу, а его нѣтъ. Намедни хватились, а подавать не на чемъ.

Григ. Да принесу, говорю. Эка суета!

Яковъ. Вамъ хорошо такъ говорить, а я вотъ третій чай подавай, да завтракать собирай. Треплешься, треплешься день денской. Есть ли у кого въ домѣ больше моего дѣла? А все нехорошъ!

Григ. Да ужъ чего лучше? Вишь, какъ хорошъ!

Таня. Вамъ всѣ нехороши, только вы одинъ...

Григ. (*къ Танѣ*). Тебя не спросили! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Таня, Яковъ, Θедоръ Иванычъ *и* **артельщикъ.**

Яковъ. Да что, я не обижаюсь... Татьяна Марковна, барыня не говорила ничего про вчерашнее?

Таня. Это объ лампѣ-то?

Яковъ. И какъ это она вырвалась изъ рукъ, Богъ ее знаетъ. Только сталъ обтирать, хотѣлъ перехватить,— вышмыгнула какъ-то... Въ мелкіе кусочки! Все мое несчастіе! Ему хорошо, Григорію-то Михайлычу, говорить, какъ онъ одинъ головой, а вотъ какъ семья? Вѣдь тоже надо обдумать да прокормить. Я на труды не смотрю... Такъ ничего не говорила? Ну, и слава Богу!.. А ложечки у васъ, Θедоръ Иванычъ, одна или двѣ?

Θед. Ив. Одна, одна. (*Читаетъ газету.*)

(*Яковъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Таня, Өедоръ Иванычъ *и* **артельщикъ.** *Слышенъ звонокъ. Входятъ* **Григорій** *съ подносомъ и* **швейцаръ.**

Швейц. (*Григорію*). Доложите барину, мужики изъ деревни.

Григ. (*указывая на Өедора Ивановича*). Дворецкому доложи, а мнѣ некогда. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Таня, Өедоръ Иванычъ, швейцаръ *и* **артельщикъ.**

Таня. Откуда мужики?

Швейц. Изъ Курской, кажется.

Таня (*взвизгиваетъ*). Они... Это Семеновъ отецъ о землѣ. Пойду, встрѣчу. (*Бѣжитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Өедоръ Иванычъ, швейцаръ *и* **артельщикъ.**

Швейц. Такъ какъ скажете: пустить ихъ сюда, или какъ? Они говорятъ, объ землѣ, баринъ знаетъ.

Өед. Иван. Да, о покупкѣ земли. Такъ, такъ. Гость у него теперь. Ты вотъ что: скажи, чтобъ подождали.

Швейц. Гдѣ жъ ждать?

Өед. Иван. Пусть на дворѣ подождутъ; я тогда вышлю.

(*Швейцаръ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Өедоръ Иванычъ, Таня, *за ней* **три мужика, Григорій** *и* **артельщикъ.**

Таня. Направо. Сюда, сюда!

Өед. Иван. Я не велѣлъ пускать, было, сюда.

Григ. То-то, егоза!

Таня. Да ничего, Өедоръ Иванычъ, они тутъ съ краюшка.

Өед. Иван. Натопчутъ.

Таня. Они ноги обтерли, да я и подотру. (*Мужикамъ.*) Вотъ тутъ и станьте.

(*Мужики входятъ, несутъ гостинцы въ платкахъ: куличъ, яйца, полотенца, ищутъ на что креститься. Крестятся на лѣстницу, кланяются Өедору Ивановичу и становятся твердо*).

Григор. (*Өедору Ивановичу.*) Өедоръ Иванычъ! вотъ говорили, отъ Пироне фасонисты щиблетки, ужъ это чего лучше у энтаго-то? (*Показываетъ на третьяго мужика въ чуняхъ.*)

Өед. Иван. Все вамъ только пересмѣивать людей!

(*Григорій уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Таня, Өедоръ Иванычъ *и* **три мужика.**

Өед. Иван. (*встаетъ и подходитъ къ мужикамъ*). Такъ вы самые курскіе, о покупкѣ земли?

1-й муж. Такъ точно. Происходитъ, примѣрно, насчетъ свершенія продажи земли мы. Доложить бы какъ?

Өед. Иван. Да, да, знаю, знаю. Подождите здѣсь, я сейчасъ доложу. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Таня *и* **три мужика. Василій Леонидычъ** (*за сценой*).

Мужики оглядываются, не знаютъ, куда дѣть гостинцы.

1-й муж. Какъ же, значитъ, это, не знаю, какъ назвать, на чемъ бы подать? Хворменно, чтобъ предметъ исдѣлать. Блюдце бы, что ли?

Таня. Сейчасъ, сейчасъ. Давайте сюда; покамѣстъ вотъ такъ. (*Ставитъ на диванчикъ.*)

1-й муж. Это какого званія, примѣрно, почтенный подходилъ-то къ намъ?

Таня. Это камердинъ.

1-й муж. Прямое дѣло, камардинъ. Въ распоряженіи, значитъ, тоже. (*Къ Танѣ.*) А вы, примѣрно, тоже при услуженіи будете?

Таня. Въ горничныхъ я. Вѣдь я тоже Деменская. Я вѣдь васъ знаю, и васъ знаю, только энтого дяденьку не знаю. (*Указываетъ на третьяго мужика.*)

3-й муж. Тѣхъ вознала, а меня не вознала?

Таня. Вы Ефимъ Антонычъ?

1-й муж. Двистительно.

Таня. А вы Семеновъ родитель, Захаръ Трифонычъ?

2-й муж. Вѣрно!

3-й муж. А я, скажемъ, Митрій Чиликинъ. Вознала теперь?

Таня. Теперь и васъ знать будемъ.

2-й муж. Ты чья жъ будешь?

Таня. А Аксиньи солдатки, сирота.

1-й и 3-й мужики (*съ удивленіемъ*). Ну-у?!

2-й муж. Не даромъ говорится: дай за поросенка грошъ, посади въ рожь, онъ и будетъ хорошъ.

1-й муж. Двистительно. Сходственно, въ родѣ какъ мамзель.

3-й муж. Это какъ есть. О Господи!

Вас. Леон. (*за сценой звонитъ, а потомъ кричитъ*). Григорій, Григорій!

1-й муж. Кто жъ это такъ очень себя безпокоитъ, примѣрно?

Таня. Молодой баринъ это.

3-й муж. О Господи! Сказывалъ, пока что, лучше бы наружу подождали. (*Молчаніе.*)

2-й муж. Тебя-то Семенъ замужъ беретъ?

Таня. А развѣ онъ писалъ? (*Закрывается фартукомъ.*)

2-й муж. Стало, писалъ! Да не дѣло задумалъ. Избаловался, вижу, малый.

Таня (*живо*). Нѣтъ, онъ ничего не избаловался. Послать его вамъ?

2-й муж. Чего посылать-то. Дай срокъ. Успѣемъ!

(*Слышны отчаянные крики* **Василія Леонидыча**: Григорій! чортъ тебя возьми!)

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Тѣ же. *И изъ двери* **Василій Леонидычъ** (*въ рубашкѣ, надѣваетъ pince-nez*).

Вас. Леон. Вымерли всѣ?

Таня. Нѣтъ его, Василій Леонидычъ... Сейчасъ я пошлю. (*Направляется къ двери.*)

Вас. Леон. Вѣдь я слышу, что разговариваютъ. Это что за чучелы явились? А, что?

Таня. Это мужички изъ курской деревни, Василій Леонидычъ.

Вас. Леон. (*на артельщика*). А это кто? А, да, отъ Бурдье! (*Мужики кланяются.*)

(*Василій Леонидычъ не обращаетъ на нихъ вниманія; Григорій встрѣчается съ Таней въ дверяхъ; Таня остается*).

ЯВЛЕНІЕ 19-е.

Тѣ же *и* **Григорій.**

Вас. Леон. Я тебѣ говорилъ,—тѣ ботинки. Не могу я эти носить!

Григ. Да и тѣ тамъ же стоятъ.

Вас. Леон. Да гдѣ же тамъ?

Григ. Да тамъ же.

Вас. Леон. Врешь!

Григ. Да вотъ увидите.

(*Василій Леонидычъ и Григорій уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 20-е.

Таня, три мужика *и* артельщикъ.

3-й муж. А може, скажемъ, не время таперь, пошли бы на фатеру, обождали бы пока что.

Таня. Нѣтъ, ничего, подождите. Вотъ я вамъ сейчасъ тарелки для гостинцевъ принесу. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 21-е.

Тѣ же, Сахатовъ, Леонидъ Ѳедоровичъ и за ними Ѳедоръ Иванычъ.

(*Мужики берутъ гостинцы и становятся въ позы.*)

Леон. Ѳед. (*мужикамъ*). Сейчасъ, сейчасъ, подождите. (*На артельщика.*) А это кто?

Артельщ. Отъ Бурде.

Леон. Ѳед. А, отъ Бурдье!

Сах. (*улыбаясь*). Да я не отрицаю; но согласитесь, что, не видавъ всего того, чтó вы говорите, нашему брату, непосвященному, трудно вѣрить.

Леон. Ѳед. Вы говорите: я не могу вѣрить. Но мы и не требуемъ вѣры. Мы требуемъ изслѣдованія. Вѣдь не могу же я вѣрить этому кольцу. А кольцо получено мною оттуда.

Сах. Какъ *оттуда?* Откуда?

Леон. Ѳед. Изъ того міра. Да.

Сах. (*улыбаясь*). Очень интересно, очень интересно!

Леон. Ѳед. Но, положимъ, вы думаете, что я увлекающійся человѣкъ, воображающій себѣ то, чего нѣтъ, но вѣдь вотъ Алексѣй Владимировичъ Кругосвѣтловъ,

кажется, не кто-нибудь, а профессоръ, и вотъ признаетъ то же. Да не онъ одинъ. А Круксъ? А Валласъ?

Сах. Да вѣдь я не отрицаю. Я говорю только, что это очень интересно. Интересно знать, какъ Кругосвѣтловъ объясняетъ?

Леон. Ѳед. У него своя теорія! Да вотъ пріѣзжайте нынче вечеромъ; онъ будетъ непремѣнно. Сначала Гросманъ будетъ... знаете, извѣстный угадыватель мыслей.

Сах. Да, я слышалъ, но ни разу не случалось видѣть.

Леон. Ѳед. Ну такъ пріѣзжайте. Сначала Гросманъ, а потомъ Капчичъ, и нашъ сеансъ медіумическій... (*Ѳедору Иванычу*.) Не вернулся посланный отъ Капчича?

Ѳед. Иван. Нѣтъ еще.

Сах. Такъ какъ же бы мнѣ узнать?

Леон. Ѳед. Да вы пріѣзжайте, все равно—пріѣзжайте. Если Капчича и не будетъ, мы найдемъ своего медіума. Марья Игнатьевна — медіумъ; не такой сильный, какъ Капчичъ, но все-таки...

ЯВЛЕНІЕ 22-е.

Тѣ же *и* **Таня** (*входитъ съ тарелками для гостинцевъ. Прислушивается къ разговору*).

Сах. (*улыбаясь*). Да, да. Но только вотъ обстоятельство: почему медіумы всегда изъ такъ называемаго образованнаго круга? И Капчичъ и Марья Игнатьевна. Вѣдь если это особенная сила, то она должна бы встрѣчаться вездѣ въ народѣ, въ мужикахъ.

Леон. Ѳед. Такъ и бываетъ. Такъ часто бываетъ, что у насъ въ домѣ одинъ мужикъ, и тотъ оказался медіумомъ. На-дняхъ мы позвали его во время сеанса. Нужно было передвинуть диванъ—и забыли про него. Онъ, вѣроятно, и заснулъ. И, представьте себѣ, нашъ сеансъ уже кончился, Капчичъ проснулся, и вдругъ мы замѣ-

чаемъ, что въ другомъ углу комнаты около мужика начинаются медіумическія явленія; столъ двинулся и пошелъ.

Таня (*въ сторону*). Это когда я изъ-подъ стола лѣзла.

Леон. Ѳед. Очевидно, что онъ тоже медіумъ. Тѣмъ болѣе, что лицомъ онъ очень похожъ на Юма... Вы помните Юма?—бѣлокурый, наивный.

Сах. (*пожимая плечами*). Вотъ какъ! Это очень интересно! Такъ, вотъ, вы его бы и испытали.

Леон. Ѳед. И испытаемъ. Да и не онъ одинъ. Медіумовъ бездна. Мы только не знаемъ ихъ. Вотъ на-дняхъ одна больная старушка передвинула каменную стѣну.

Сах. Передвинула каменную стѣну?

Леон. Ѳед. Да, да, лежала въ постели и совсѣмъ не знала, что она медіумъ. Уперлась рукой о стѣну, а стѣна и отодвинулась.

Сах. И не завалилась?

Леон. Ѳед. И не завалилась.

Сах. Странно! Ну, такъ я пріѣду вечеромъ.

Леон. Ѳед. Пріѣзжайте, пріѣзжайте! Сеансъ будетъ во всякомъ случаѣ.

(*Сахатовъ одѣвается. Леонидъ Ѳедоровичъ провожаетъ его*).

ЯВЛЕНІЕ 23-е.

Тѣ же *безъ* **Сахатова.**

Артел. (*Танѣ*). Доложите же барынѣ! Что же, мнѣ ночевать, что ли?

Таня. Подождите. Онѣ ѣдутъ съ барышней, такъ скоро сами выйдутъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 24-е.

Тѣ же, *безъ* **Тани.**

Леон. Ѳед (*подходитъ къ мужикамъ, тѣ кланяются и подаютъ гостинцы.*) Не надо это!

1-й муж. (*улыбаясь*). Да ужъ это первымъ долгомъ происходитъ. Какъ и міръ намъ предлегалъ.

2-й муж. Ужъ это какъ водится.

3-й муж. И не толкуй! Потому, какъ мы много довольны... Какъ родители наши, скажемъ, вашимъ родителямъ, скажемъ, служили, такъ и мы желаемъ отъ души, а не то, чтобы какъ... (*Кланяется.*)

Леон. Ѳед. Да что вы? Чего вы именно желаете?

1-й муж. Къ вашей милости, значитъ.

ЯВЛЕНІЕ 25-е.

Тѣ же *и* **Петрищевъ** (*быстро вбѣгаетъ въ шинели*).

Петрищ. Василій Леонидычъ проснулся? (*Увидѣвъ Леонида Ѳедоровича, кланяется ему одной головой.*)

Леон. Ѳед. Вы къ сыну?

Петрищ. Я?—Да, я на минутку къ Вово.

Леон. Ѳед. Пройдите, пройдите.

(*Петрищевъ снимаетъ шинель и скоро идетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 26-е.

Тѣ же, *безъ* **Петрищева.**

Леон. Ѳед. (*къ мужикамъ*). Да-съ. Ну, такъ вы что жъ?

2-й муж. Прими гостинцы-то.

1-й муж. (*улыбаясь*). Значитъ деревенскія предложенія.

3-й муж. И не толкуй,—что тамъ! Мы желаемъ какъ отцу родному. И не толкуй.

Леон. Ѳед. Ну что жъ... Ѳедоръ, прими.

Ѳед. Иван. Ну, давайте сюда. (*Беретъ гостинцы.*)

Леон. Ѳед. Такъ въ чемъ же дѣло?

1-й муж. Да къ вашей милости мы.

Леон. Ѳед. Вижу, что ко мнѣ; да чего же вы желаете?

1-й муж. А насчетъ свершенія продажи земли движеніе исдѣлать. Происходитъ...

Леон. Ѳед. Что же, вы покупаете землю, что ли?

1-й муж. Двистительно, это какъ есть. Происходитъ... значитъ насчетъ покупки собственности земли. Такъ міръ насъ примѣрно и вполномочилъ, чтобы взойтить, значитъ, какъ полагается, черезъ государственную банку съ приложеніемъ марки узаконеннаго числа.

Леон. Ѳед. То-есть, вы желаете купить землю черезъ посредство банка,—такъ, что ли?

1-й муж. Это какъ есть, какъ лѣтось вы намъ предлогъ исдѣлали. Происходитъ, значитъ, всей суммы полностью 32,864 р. въ покупки собственности земли.

Леон. Ѳед. Это такъ, но какъ же приплату?

1-й муж. А приплату предлегаетъ міръ, чтобъ, какъ лѣтось говорено, разсрочить значитъ, въ полученіи въ наличностяхъ, по законамъ положеній, 4,000 рублей полностью.

2-й муж. Четыре тысячи получи денежки теперь, значитъ, а остальныя, чтобъ обождать.

3-й муж. (*пока развертываетъ деньги*). Ужъ это будь въ надеждѣ, себя заложимъ, а того не сдѣлаемъ, чтобъ какъ-нибудь, а скажемъ, какъ-никакъ, а чтобы, скажемъ, того... какъ должно.

Леон. Ѳед. Да вѣдь я писалъ вамъ, что я согласенъ только въ такомъ случаѣ, коли соберете всѣ деньги.

1-й муж. Это двистительно, пріятнѣе бы, да не въ возможностяхъ, значитъ.

Леон. Ѳед. Такъ что̀ же дѣлать?

1-й муж. Міръ, примѣрно, на то упѣвалъ, что какъ лѣтось предлогъ исдѣлали въ отсрочкѣ платежа...

Леон. Өед. То было прошлаго года; тогда я соглашался, а теперь не могу...

2-й муж. Да какъ же такъ? Обнадежилъ,—мы и бумагу выправили и деньги собрали.

3-й муж. Помилосердствуй, отецъ. Земля наша малая, не то что скотину,—курицу, скажемъ, и ту выпустить некуда. (*Кланяется.*) Не грѣши, отецъ! (*Кланяется.*)

Леон. Өед. Это, положимъ, правда, что прошлаго года я соглашался отсрочить, да тутъ вышло обстоятельство... Такъ, что мнѣ теперь это неудобно.

2-й муж. Намъ безъ этой земли надо жизни рѣшиться.

1-й муж. Двистительно, безъ земли наше жительство должно ослабнуть и въ упадокъ произойти.

3-й муж. (*кланяется*). Отецъ! земля малая, не то что скотину,—куренка, скажемъ, и того выпустить некуда. Отецъ! помилосердствуй. Прими денежки, отецъ.

Леон. Өед. (*просматриваетъ пока бумагу*). Я понимаю, мнѣ самому хотѣлось бы вамъ сдѣлать доброе. Вы подождите. Я вамъ черезъ полчаса отвѣтъ дамъ... Өедоръ, скажи, чтобъ никого не принимать.

Өед. Иван. Очень хорошо. (*Леонидъ Өедоровичъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 27-е.

Тѣ же, *безъ* **Леонида Өедоровича**. (*Мужики въ уныніи.*)

2-й муж. Ишь ты дѣло-то! Всѣ, говоритъ, подавай. А гдѣ ихъ возьмешь?

1-й муж. Кабы лѣтось не обнадежилъ насъ. А то мы такъ упѣвали, двистительно, что какъ лѣтось говорено.

3-й муж. О Господи! Я было деньги раскуталъ. (*Завертываетъ деньги.*) Теперь что̀ станемъ дѣлать?

Өед. Иван. Да у васъ въ чемъ дѣло состоитъ?

1-й муж. Дѣло у насъ, почтенный, зависитъ, примѣрно, вотъ въ чемъ: предлегалъ онъ намъ лѣтось разсро-

чить. Міръ на то и взошелъ мнѣніемъ, и насъ вполномочилъ; а теперь онъ, примѣрно, предлегаетъ, чтобы всю сумму полностью. А выходитъ дѣло никакъ неспособно.

Ѳед. Иван. Денегъ-то много ль?

1-й муж. Всей суммы въ поступленіи четыре тысячи рублей, значитъ.

Ѳед. Иван. Такъ что жъ?—попатужьтесь, соберите еще.

1-й муж. И такъ натурно собирали. Пороху въ этихъ смыслахъ, господинъ, не хватаетъ.

2-й муж. Какъ ихъ нѣтъ, зубами не натянешь.

3-й муж. Мы бы всей душой, да, скажемъ, и такъ подъ метелочку и эти-то собрали.

ЯВЛЕНІЕ 28-е.

Тѣ же, Василій Леонидычъ *и* **Петрищевъ** (*въ дверяхъ оба съ папиросками*).

Вас. Леон. Да ужъ я сказалъ—буду стараться. Такъ буду стараться, что какъ только возможно. А, что?

Петрищ. Ты пойми, что если ты не достанешь, то это чортъ знаетъ какая гадость!

Вас. Леон. Да ужъ сказалъ — буду стараться и буду. А, что?

Петрищ. Да ничего. Я только говорю, что добудь непремѣнно. Я подожду. (*Уходитъ, запирая дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ 29-е.

Тѣ же, *безъ* **Петрищева.**

Вас. Леон. (*махая рукой*). Чортъ знаетъ, что̀ такое.

(*Мужики кланяются.*)

Вас. Леон. (*смотритъ на артельщика. Ѳедору Ивановичу*). Что это вы этого отъ Бурдье не отпустите? Онъ ужъ совсѣмъ жить къ намъ переѣхалъ. Смотрите, онъ заснулъ. А, что?

Ѳед. Иван. Да подали записку... Велѣли подождать, когда Анна Павловна выйдутъ.

Вас. Леон. (*смотритъ на мужиковъ и воззривается на деньги).* А, это что̀? Деньги? Это кому? Намъ деньги? (*Къ Ѳедору Иванычу.*) Это кто такіе?

Ѳед. Иван. Это крестьяне курскіе, землю покупаютъ.

Вас. Леон. Что жъ, продали?

Ѳед Иван. Да нѣтъ, не сошлись еще. Вотъ скупятся они.

Вас. Леон. А? Это надо ихъ уговорить (*Къ мужикамъ.*) Вы что жъ, покупаете, а?

1-й муж. Двистительно, мы предлагаемъ, чтобы какъ пріобрѣсти собственность владѣнія земли.

Вас. Леон. А вы не скупитесь. Вы знаете, я вамъ скажу, какъ земля мужичку нужна! А, что? Очень нужна?

1-й муж. Двистительно, земля мужику пристекаетъ первая статья. Это какъ есть.

Вас. Леон. Ну, вотъ, вы и не скупитесь. Вѣдь земля что̀? Можно вѣдь на пей пшеницу рядами, я вамъ скажу, посѣять. Триста пудовъ можно взять, по рублю за пудъ, триста рублей. А, что?.. А то мяту, такъ тысячу рублей, я вамъ скажу, можно съ десятины слупить!

1-й муж. Двистительно, это вполнѣ, всѣ продухты можно въ дѣйствіе произвесть, кто понятіе имѣетъ.

Вас. Леон. Такъ непремѣнно мяту. Вѣдь я учился про это. Это въ книгахъ напечатано. Я вамъ покажу. А, что?

1-й муж. Двистительно, что касающее вамъ по книгамъ виднѣе. Умственность, значитъ.

Вас. Леон. Такъ покупайте, не скупитесь, а давайте деньги (*Ѳедору Иванычу.*) Папа гдѣ?

Ѳед. Иван. Дома. Они просили не безпокоить ихъ теперь.

Вас. Леон. Что жъ, вѣроятно, у духа спрашиваетъ— продать ли землю или нѣтъ? А, что?

Ѳед. Иван. Этого не могу сказать. Знаю, что пошли въ нерѣшительности,

Вас. Леон. Какъ ты думаешь, Ѳедоръ Иванычъ, есть у него деньги? А, что?

Ѳед. Иван. Ужъ не знаю. Едва ли. А вамъ зачѣмъ? Вѣдь вы на прошлой недѣлѣ взяли кушъ не маленькій.

Вас. Леон. Да вѣдь я за собакъ отдалъ. А теперь вѣдь ты знаешь: наше новое общество, и Петрищевъ выбранъ, а я бралъ у Петрищева деньги, а теперь надо внести за него и за себя. А, что?

Ѳед. Иван. Это какое ваше новое общество? Велосипедистовъ?

Вас. Леон. Нѣтъ, я тебѣ сейчасъ скажу: это новое общество. Очень, я тебѣ скажу, серьезное общество. И ты знаешь, кто предсѣдатель? А, что?

Ѳед. Иван. Въ чемъ же это новое общество?

Вас. Леон. Общество поощренія разведенія старинныхъ русскихъ густопсовыхъ собакъ. А, что? И я тебѣ скажу: нынче первое засѣданіе и завтракъ. А вотъ денегъ-то нѣтъ! Пойду къ нему, попытаюсь. (*Уходитъ въ дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ 30-е.

Мужики, Ѳедоръ Иванычъ *и* **артельщикъ.**

1-й муж. (*Ѳедору Иванычу*). Это кто же, почтенный, будутъ?

Ѳед. Иван. (*улыбаясь*). Молодой баринъ.

3-й муж Наслѣдникъ, скажемъ. О Господи! (*Прячетъ деньги.*) Прибрать, видно, пока чтò.

1-й муж. А намъ сказывали, что военный, въ заслугѣ кавалеріи, примѣрно.

Ѳед. Иван. Нѣтъ; онъ, какъ единственный сынъ, уволенъ отъ воинской повинности.

3-й муж. Для прокорму, скажемъ, родителевъ оставленъ. Это правильно.

2-й муж. (*качаетъ головой*). Этотъ прокормитъ, что и говорить!

3-й муж. О Господи!

ЯВЛЕНІЕ 31-е.

Ѳедоръ Иванычъ, три мужика. Василій Леонидычъ *и за нимъ въ дверяхъ* **Леонидъ Ѳедоровичъ.**

Вас. Леон. Вотъ это всегда такъ. Право, удивительно. То говорятъ мнѣ, отчего я ничѣмъ не занятъ, а вотъ когда я нашелъ дѣятельность и занятъ, основалось общество серьезное, съ благородными цѣлями, тогда жалко какихъ-нибудь триста рублей!..

Леон. Ѳед. Сказалъ, что не могу, и не могу. Нѣтъ у меня.

Вас. Леон. Да вѣдь вотъ продали землю.

Леон. Ѳед. Во-первыхъ, не продалъ, и главное — оставь меня въ покоѣ. Вѣдь тебѣ сказали, что мнѣ некогда. (*Захлопываетъ дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ 32-е.

Тѣ же, *безъ* **Леонида Ѳедоровича.**

Ѳед. Иван. Я вамъ говорилъ, что теперь не время.

Вас. Леон. Вотъ, я вамъ скажу, положеніе, а? Пойду къ мама,—одно спасенье. А то сумасшествуетъ съ своимъ спиритизмомъ и всѣхъ забылъ. (*Идетъ наверхъ.*)

(*Ѳедоръ Иванычъ садится было за газету*).

ЯВЛЕНІЕ 33-е.

Тѣ же. *Сверху сходятъ* **Бетси** *и* **Марья Константиновна.** *За ними* **Григорій.**

Бетси. Карета готова?

Григ. Выѣзжаетъ.

Бетси (*Марьѣ Константиновнѣ*). Пойдемте, пойдемте! Я видѣла, что это онъ.

Мар. Конст. Кто онъ?

Бетси. Очень хорошо знаете, что Петрищевъ.

Мар. Конст. Такъ гдѣ же онъ?

Бетси. У Вово сидитъ. Вотъ увидите.

Мар. Конст. А вдругъ не онъ?

(*Мужики и артельщикъ кланяются*).

Бетси (*къ артельщику*). А, вы отъ Бурдье, съ платьемъ!

Арт. Такъ точно. Прикажите отпустить.

Бетси. Да я не знаю. Это мама.

Арт. Не могу знать—кому. Намъ приказано снести и деньги получить.

Бетси. Ну такъ подождите.

Мар. Конст. Это все тотъ же костюмъ для шарады?

Бетси. Да, прелестный костюмъ. А мама не беретъ и не хочетъ платить.

Мар. Конст. Отчего же?

Бетси. А вотъ спросите у мама. Для Вово за собакъ заплатить 500 рублей не дорого, а платье 100 рублей дорого. А не могу же я играть чучелой! (*На мужиковъ.*) А это кто такіе?

Григ. Мужики, землю покупаютъ какую-то.

Бетси. А я думала охотники. Вы не охотники?

1-й муж. Никакъ нѣтъ-съ, госпожа. Мы насчетъ свершенія продажи акта земли, къ Леониду Ѳедоровичу.

Бетси. Какъ же къ Вово должны были прійти охотники? Да вы навѣрное не охотники? (*Мужики молчатъ.*) Какіе глупые! (*Подходитъ къ двери.*) Вово! (*Хохочетъ.*)

Мар. Конст. Да вѣдь мы его встрѣтили сейчасъ.

Бетси. Охота вамъ помнить!.. Вово, ты здѣсь?

ЯВЛЕНІЕ 34-е.

Тѣ же *и* **Петрищевъ.**

Петрищ. Вово нѣтъ, но я готовъ исполнить за него все, что потребуется. Здравствуйте! Здравствуйте, Марья Константиновна! (*Трясетъ руку сильно и долго Бетси, а потомъ Марьѣ Константиновнѣ.*)

2-й муж. Вишь, ровно воду накачиваетъ.

Бетси. Замѣнить не можете, но все-таки лучше, чѣмъ ничего. (*Хохочетъ.*) Какія это у васъ дѣла съ Вово?

Петр. Дѣла? Дѣла фи-нансовыя, то-есть они, дѣла наши — фи! и вмѣстѣ съ тѣмъ нансовыя, и кромѣ еще финансовыя.

Бетси. Что же значитъ нансовыя?

Петр. Вотъ вопросъ! Въ томъ-то и штука, что ничего не значитъ!

Бетси. Ну, это не вышло, совсѣмъ не вышло! (*Хохочутъ.*)

Петр. Нельзя вѣдь, чтобы всякій разъ выходило. Это въ родѣ аллегри. Аллегри, аллегри, а потомъ и выигрышъ.

(*Ѳедоръ Иванычъ уходитъ въ кабинетъ Леонида Ѳедоровича*).

ЯВЛЕНІЕ 35-е.

Тѣ же, *безъ* **Ѳедора Иваныча.**

Бетси. Ну, это не вышло; а скажите, вы вчера были у Мергасовыхъ?

Петр. Не столько у mère Gassof, сколько у père Gassof, и даже не père Gassof, а у fils Gassof.

Бетси. Не можете безъ jeu de mots? Это болѣзнь. И цыгане были? (*Смѣется.*)

Петр. (*поетъ*). На фартучкахъ пѣтушки, золотые гребешки!..

Бетси. Экіе счастливые! А мы скучали у Фофо.

Петр. (*продолжая напѣвать*). И божилась и клялась— побывать ко мнѣ... Какъ дальше? Марья Константиновна, какъ дальше?

Мар. Конст. Ко мнѣ на часъ...

Петр. Какъ? Какъ, Марья Константиновна? (*Хохочетъ.*)

Бетси. Céssez, vous devenez impossible!

Петр. J'ai cessè, j'ai bébé, j'ai dédé...

Бетси. Я вижу одно средство избавиться отъ вашихъ остротъ — это заставить васъ пѣть. Пойдемте къ Вово въ комнату, у него и гитара есть. Пойдемте, Марья Константиновна, пойдемте!

(*Бетси, Марья Константиновна и Петрищевъ уходятъ въ комнату Василія Леонидыча*).

ЯВЛЕНІЕ 36-е.

Григорій, три мужика *и* **артельщикъ.**

1-й муж. Это чьи же?

Григ. Одна — барышня, а другая — мамзель, музыки учитъ.

1-й муж. Въ науку производитъ, значитъ. А какъ аккуратна. Настоящій патретъ.

2-й муж. Что же замужъ не выдаютъ? Года-то ужъ, небось, вышли?

Григ. Развѣ какъ у васъ, пятнадцати лѣтъ?

1-й муж. А мущинка-то тотъ, примѣрно, изъ музыканщиковъ?

Григ. (*передразнивая*). Изъ музыканщиковъ!.. Ничего-то вы не понимаете!

1-й муж. Это двистительно, глупость наша, значитъ, необразованность.

3-й муж. О Господи!

(*Слышно пѣніе цыганскихъ пѣсенъ съ гитарой изъ комнаты Василія Леонидыча*).

ЯВЛЕНІЕ 37-е.

Григорій, три мужика, артельщикъ, *входитъ* **Семенъ** *и вслѣдъ за нимъ* **Таня.** (*Таня наблюдаетъ за встрѣчей отца съ сыномъ*).

Григ. (*къ Семену*). Ты чего?

Сем. Къ господину Капчичу посылали.

Григ. Ну что?

Сем. На словахъ приказали сказать: нынче никакъ быть не могутъ.

Григ. Хорошо, я доложу. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 38-е.

Тѣ же, *безъ* **Григорія.**

Сем. (*отцу*). Здорово, батюшка! Дядѣ Ефиму, дядѣ Митрію—почтеніе! Дома здоровы ли?

2-й муж. Здорово, Семенъ.

1-й муж. Здорово, братецъ.

3-й муж. Здорово, малый. Живъ ли?

Сем. (*улыбаясь*). Что жъ, батюшка, пойдемъ, что ли, чайку попить?

2-й муж. Погоди, отдѣлаемся,—развѣ не видишь, недосугъ таперь?

Сем. Ну, ладно, я у крыльца ждать буду. (*Уходитъ.*)

Таня (*бѣжитъ за нимъ*). Ты что жъ ничего не сказалъ?

Сем. Какъ же теперь говорить при народѣ? Дай срокъ, пойдемъ чай пить, я и скажу. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 39-е.

Тѣ же, *безъ* **Семена.**

Ѳедоръ Иванычъ (*выходитъ и садится къ окну съ газетой*).

1-й муж. Ну что жъ, почтенный, какъ дѣло наше происходитъ?

Ѳед. Иван. Погодите, сейчасъ, выйдетъ, кончаетъ.

Таня (*къ Ѳедору Иван.*). А вы почемъ, Ѳедоръ Иванычъ, знаете, что кончаетъ?

Ѳед. Иван. А я знаю, когда онъ вопросы окончитъ, то онъ вслухъ перечитываетъ вопросъ и отвѣтъ.

Таня. Неужели жъ правда, что блюдечкомъ можно разговаривать съ духами?

Ѳед. Иван. Стало-быть, можно.

Таня. Ну что жъ, они ему скажутъ подписать — онъ и подпишетъ?

Ѳед. Иван. А то какъ же?

Таня. Да вѣдь они словами не говорятъ?

Ѳед. Иван. Азбукой. Противъ какой буквы остановится, онъ и замѣчаетъ.

Таня. Ну, а если въ сіансѣ?..

ЯВЛЕНІЕ 40-е.

Тѣ же *и* **Леонидъ Ѳедоровичъ.**

Леон. Ѳед. Ну, друзья мои, не могу. Очень бы желалъ, но никакъ не могу. Если всѣ деньги, то другое дѣло.

1-й муж. Это двистительно, чего бъ лучше. Да маломоченъ народъ, никакъ невозможно.

Леон. Ѳед. Не могу, не могу никакъ. Вотъ и бумага ваша. Не могу подписать.

3-й муж. А ты пожалѣй, отецъ, помилосердствуй!

2-й муж. Что жъ такъ дѣлать? Обида это.

Леон. Ѳед. Обиды, братцы, нѣту Я вамъ тогда лѣтомъ говорилъ: коли хотите, дѣлайте. Вы не захотѣли, а теперь мнѣ нельзя.

3-й муж. Отецъ! смилосердуйся. Какъ жить теперича? Земля малая, не то что скотину,—курицу, скажемъ, и ту выпустить некуда.

(*Леонидъ Ѳедоровичъ идетъ и останавливается въ дверяхъ*).

ЯВЛЕНІЕ 41-е.

Тѣ же, барыня *и* **докторъ** *сходятъ сверху. За ними* **Василій Леонидычъ**, *въ веселомъ и игривомъ настроеніи духа, укладываетъ деньги въ бумажникъ.*

Бар. (*затянутая, въ шляпкѣ*). Такъ принять?

Докт. Коли повторныя явленія будутъ, непремѣнно принять. А главное—ведите себя лучше. А то какъ же вы хотите, чтобъ густой сиропъ прошелъ чрезъ тоненькую волосяную трубочку, когда еще мы эту трубочку зажмемъ? Нельзя? Такъ и желче-проводъ. Все вѣдь это очень просто.

Бар. Ну, хорошо, хорошо.

Докт. То-то хорошо, а все по-старому; а такъ, барыня, нельзя, нельзя. Ну прощайте!

Бар. Не прощайте, а до свиданья. Вечеромъ я васъ все-таки жду; безъ васъ я не рѣшусь.

Докт. Ладно, ладно. Коли время будетъ, заверну. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 42-е.

Тѣ же, *безъ* **доктора.**

Бар. (*увидавъ мужиковъ*). Это что? Что это? Что это за люди? (*Мужики кланяются.*)

Ѳед. Иван. Это крестьяне изъ Курской о покупкѣ земли къ Леониду Ѳедоровичу.

Бар. Я вижу, что крестьяне, да кто ихъ пустилъ?

Ѳед. Иван. Леонидъ Ѳедоровичъ приказали. Они съ ними сейчасъ говорили о продажѣ земли.

Бар. И какая продажа? Совсѣмъ не нужно продавать. А главное—какъ же пускать людей съ улицы въ домъ! Какъ пускать людей съ улицы! Нельзя пускать въ домъ людей, которые ночевали Богъ знаетъ гдѣ... (*Разгорячается все больше и больше.*) Въ одеждахъ, я думаю, вся-

кая складка полна микробъ: микробы скарлатины, микробы оспы, микробы дифтерита! Да вѣдь они изъ Курской, изъ Курской губерніи, гдѣ повальный дифтеритъ!.. Докторъ, докторъ. Воротите доктора!

(Леонидъ Өедоровичъ уходитъ, закрывая дверь. Григорій выходитъ за докторомъ.)

ЯВЛЕНІЕ 43-е.

Тѣ же, *безъ* **Леонида Өедоровича** *и* **Григорія.**

Вас. Леон. (*куритъ на мужиковъ*). Ничего, мама, хотите я ихъ окурю такъ, что всѣмъ микробамъ капутъ? А что? (*Барыня строго молчитъ, ожидая возвращенія доктора.*)

Вас. Леон. (*къ мужикамъ*). А вы свиней выкармливаете? Вотъ выгодно-то!

1-й муж. Двистительно, пускаемъ когда и по свиной части.

Вас. Леон. Такихъ... Іу, Іу! (*Хрюкаетъ поросенкомъ.*)

Бар. Вово, Вово! перестань!

Вас. Леон. Похоже? А, что?

1-й муж. Двистительно, сходственно.

Бар. Вово, перестань, я тебѣ говорю!

2-й муж. Это къ чему же?

3-й муж. Сказывалъ, на фатеру бы пока что.

ЯВЛЕНІЕ 44-е.

Тѣ же, докторъ *и* **Григорій.**

Докт. Ну, что еще? Что такое?

Бар. Да вотъ вы говорите, чтобы не волноваться. Ну какъ тутъ быть спокойной? Я сестру не вижу два мѣсяца, я остерегаюсь всякаго сомнительнаго посѣтителя. И вдругъ люди изъ Курска, прямо изъ Курска, гдѣ повальный дифтеритъ,—въ серединѣ моего дома!

Докт. То-есть, вотъ эти молодцы-то?

Бар. Ну да, прямо изъ дифтеритной мѣстности!

Докт. Да коли изъ дифтеритной мѣстности, то, разумѣется, неосторожно, но все-таки очень-то волноваться не зачѣмъ.

Бар. Да вѣдь вы сами же предписываете осторожность?

Докт. Ну да, ну да, только волноваться-то очень не зачѣмъ.

Бар. Да вѣдь какъ же? Полную дезинфекцію надо.

Докт. Нѣтъ, что жъ полную, это дорого слишкомъ,— рублей триста, а то и больше станетъ. А я вамъ дешево и сердито устрою. Возьмите-ка на большую бутылку воды...

Бар. Отварной?

Докт. Все равно. Отварной лучше... Такъ на бутылку воды столовую ложку салициловой кислоты, да и велите перемыть все, чего касались даже, а ихъ самихъ, молодцовъ этихъ, разумѣется, вонъ. Вотъ и все. Тогда смѣло. Да того же состава черезъ пульверизаторъ въ воздухъ пропустите стаканчика два-три, и посмотрите, какъ хорошо будетъ. Совершенно безопасно.

Бар. Таня гдѣ? Позовите Таню.

ЯВЛЕНІЕ 45-е.

Тѣ же *и* Таня.

Таня. Что прикажете?

Бар. Знаешь большую бутылку въ уборной?

Таня. Изъ которой прачку вчера брызгали?

Бар. Ну да, а то какая же! Такъ вотъ возьми ты эту бутыль и вымой прежде, гдѣ они стоятъ, мыломъ, потомъ этимъ...

Таня. Слушаю-съ. Я знаю какъ.

Бар. Да потомъ возьми пульверизаторъ... Впрочемъ, я вернусь, сама сдѣлаю.

Докт. Такъ и сдѣлайте, и не бойтесь. Ну, такъ до свиданья, до вечера.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 46-е.

Тѣ же, *безъ* **доктора.**

Бар. А ихъ вонъ, вонъ, чтобъ ихъ духу не было. Вонъ, вонъ. Идите, что смотрите?

1-й муж. Двистительно, мы какъ по глупости, какъ намъ предлегаить...

Григ. (*выпроваживая мужиковъ*). Ну, ну, идите, идите.

2-й муж. Платокъ-то мой дай!

3-й муж. О Господи! Говорилъ я — на фатеру бы покуда что.

(*Григорій выталкиваетъ его*).

ЯВЛЕНІЕ 47-е.

Барыня, Григорій, Ѳедоръ Иванычъ, Таня, Василій Леонидычъ *и* **артельщикъ.**

Арт. (*нѣсколько разъ порывавшійся говорить*). Будетъ отвѣтъ какой?

Бар. А, это отъ Бурдье? (*горячась.*) Никакого, никакого, и несите назадъ. Я ей говорила, что я такого костюма не заказывала и дочери своей носить не позволю.

Арт. Не могу знать, меня послали.

Бар. Ступайте, ступайте и несите назадъ. Я сама заѣду.

Вас. Леон. (*торжественно*). Господинъ посланникъ отъ Бурдье, ступайте!

Арт. Давно бы сказали. Что жъ, я пять часовъ сидѣлъ.

Вас. Леон. Посланецъ Бурдье, ступайте!

Бар. Перестань, пожалуйста.

(*Артельщикъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 48-е.

Тѣ же, *безъ* **артельщика.**

Бар. Бетси! Гдѣ она? Вѣчно ее ждать!

Вас. Леон. (*кричитъ во все горло*). Бетси! Петрищевъ! Идите скорѣй! Скорѣй! Скорѣй! А, что?

ЯВЛЕНІЕ 49-е.

Тѣ же, Петрищевъ, Бетси *и* **Марья Константиновна.**

Барыня. Вѣчно тебя ждешь!

Бетси. Напротивъ, я васъ жду.

(*Петрищевъ кланяется одной головой и цѣлуетъ руку барынѣ*).

Бар. Здравствуйте! (*Къ Бетси.*) Всегда отвѣчать!

Бетси. Если вы, мама, не въ духѣ, такъ лучше я не поѣду.

Бар. Ѣдемъ или не ѣдемъ?

Бетси. Да ѣдемте, что жъ дѣлать?

Бар. Видѣла отъ Бурдье?

Бетси. Видѣла, и очень была рада. Я заказывала костюмъ и надѣну, когда заплатятъ за него деньги.

Бар. Я не заплачу и не позволю надѣть неприличный костюмъ.

Бетси. Отчего онъ сталъ неприличный? То былъ приличенъ, а то на васъ pruderie нашла.

Бар. Не pruderie, а передѣлать весь лифъ, тогда можно.

Бетси. Мама, право, это невозможно!

Бар. Ну, одѣвайся же. (*Садятся. Григорій надѣваетъ ботинки.*)

Вас. Леон. Марья Константиновна! А вы видите, какая пустота въ передней?

Мар. Конст. А что? (*Впередъ смѣется.*)

Вас. Леон. А отъ Бурдье ушелъ. А, что? Хорошо? (*Хохочетъ громко.*)

Бар. Ну, ѣдемъ. (*Выходитъ въ дверь и тотчасъ же возвращается.*) Таня!

Таня. Что прикажете?

Бар. Фифку безъ меня чтобъ не простудить. Если будетъ проситься выпускать, то непремѣнно надѣть копотецъ желтенькій. Она не совсѣмъ здорова.

Таня. Слушаю-съ.

(*Барыня, Бетси и Григорій уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 50-е.

Петрищевъ, Василій Леонидычъ, Таня *и* **Ѳедоръ Иванычъ.**

Петрищ. Ну, что же, добылъ?

Вас. Леон. Я тебѣ скажу, съ трудомъ. Сначала сунулся къ родителю,—зарычалъ и прогналъ. Я къ родительницѣ,—ну, и добился. Тутъ! (*Хлопаетъ по карману.*) Ужъ если я возьмусь, отъ меня не уйдешь... Мертвая хватка. А, что? А нынче вѣдь приведутъ моихъ волкодавовъ.

(*Петрищевъ и Василій Леонидычъ одѣваются и уходятъ. Таня идетъ за ними*).

ЯВЛЕНІЕ 51-е.

Ѳедоръ Иванычъ *одинъ.*

Ѳед. Иван. Да, все непріятности. И какъ это они не могутъ въ согласіи жить? Да и правду сказать, молодое поколѣнье—не то. А царство женщинъ? Какъ, давеча Леонидъ Ѳедоровичъ хотѣли было вступиться, да увидали, что она въ экстазѣ, захлопнули дверь. Рѣдкой доброты человѣкъ! Да, рѣдкой доброты... Это что̀? Таня-то ихъ опять ведетъ.

ЯВЛЕНІЕ 52-е.

Ѳедоръ Иванычъ, Таня *и* **три мужика.**

Таня. Идите, идите, дяденьки, ничего.

Ѳед. Иван. Зачѣмъ же ты ихъ опять привела?

Таня. Да какъ же, Ѳедоръ Иванычъ, батюшка, надо же какъ-нибудь похлопотать за нихъ. А я ужъ вымою заодно.

Ѳед. Иван. Да вѣдь не сойдется дѣло, я ужъ вижу.

1-й муж. Какъ же, поштенный, наше дѣло въ дѣйствіе произвесть. Вы, ваше степенство, побезпокойтесь какъ-нибудь, а ужъ мы въ награжденіе хлопотъ отъ міру благодарность представить можемъ вполнѣ.

3-й муж. Постарайся, соколикъ, жить намъ нельзя. Земля малая,—не то, что скотину, а курицу, скажемъ, и ту выпустить некуда. (*Кланяются.*)

Ѳед. Иван. И жалко мнѣ васъ, да не знаю, братцы. Я вѣдь очень понимаю. Да вѣдь отказалъ онъ. Теперь какъ же? Да и барыня еще не согласна. Едва ли! Ну, да давайте бумагу,—пойду, попытаюсь, попрошу его. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 53-е.

Таня *и* **три мужика** (*вздыхаютъ*).

Таня. Да вы мнѣ скажите, дяденьки, въ чемъ дѣло-то стало?

1-й муж. Да вотъ только бы подписомъ приложенія руки.

Таня. Только чтобъ баринъ бумагу подписалъ, да?

1-й муж. Только всего приложить руку и деньги взять, вотъ бы и развязка.

3-й муж. Написалъ бы только: какъ мужички, скажемъ, желаютъ, такъ, скажемъ, и я желаю. И всего дѣла: взялъ подписалъ и крышка.

Таня. Только подписать? На бумагѣ только чтобъ баринъ подписалъ? (*Задумывается.*)

1-й муж. Двистительно, только всего и зависитъ дѣло. Подписалъ, значитъ, и больше никакихъ.

Таня. Вы погодите, что̀ вотъ Өедоръ Иванычъ скажетъ. Если онъ не уговоритъ, я попытаю одну штуку.

1-й муж. Объегоришь?

Таня. Попытаю.

3-й муж. Ай, дѣушка, хлопотать хочетъ. Только выхлопочи ты дѣло, всю жизнь, скажемъ, кормить міромъ обвяжемся. Во-какъ!

1-й муж. Кабы въ дѣйствіе произвесть такое дѣло, двистительно, озолотить можно.

2-й муж. Да ужъ что̀ говорить!

Таня. Вѣрно не обѣщаю; какъ это говорится: попытка—не шутка, а...

1-й муж. А спросъ—не бѣда. Это двистительно.

ЯВЛЕНІЕ 54-е.

Тѣ же *и* Өедоръ Иванычъ.

Өед. Иван. Нѣтъ, братцы, не выходитъ ваше дѣло, не согласился и не согласится. Берите бумагу. Идите, идите.

1-й муж. (*беретъ бумагу, къ Танѣ*). Такъ ужъ на тебя, примѣрно, упѣвать станемъ.

Таня. Сейчасъ, сейчасъ. Вы идите, на улицѣ подождите, а я сію минутую выбѣгу, скажу что̀.

(*Мужики уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 55-е.

Өедоръ Иванычъ *и* Таня.

Таня. Өедоръ Иванычъ, голубчикъ, доложите барину, чтобъ онъ ко мнѣ вышелъ. Мнѣ ему словечко сказать надо.

Өед. Иван. Это что за новости?

Таня. Да нужно, Өедоръ Иванычъ. Доложите, пожалуйста, худого ничего, ей Богу.

Өед. Иван. Какое такое дѣло?

Таня. Да секретъ маленькій. Я вамъ послѣ открою. Вы доложите только.

Өед. Иван. (*улыбаясь*). И что ты строишь, не пойму! Да ну, скажу, скажу. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 56-е.

Таня *одна.*

Таня. Право, сдѣлаю. Вѣдь онъ самъ говорилъ, что сила въ Семенѣ есть, а вѣдь я все знаю, какъ дѣлать. Тогда никто не догадался. А теперь научу Семена. А не выйдетъ дѣло—не бѣда. Развѣ грѣхъ какой?

ЯВЛЕНІЕ 57-е.

Таня, Леонидъ Өедоровичъ *и за ними* **Өедоръ Иванычъ.**

Леон. Өед. (*улыбаясь*). Вотъ просительница-то! Что это у тебя за дѣло?

Таня. Секретъ маленькій, Леонидъ Өедоровичъ. Позвольте мнѣ одинъ-на-одинъ сказать.

Леон. Өед. Что такъ? Өедоръ выдь на минутку.

ЯВЛЕНІЕ 58-е.

Леонидъ Өедоровичъ *и* **Таня**

Таня. Какъ я жила, выросла въ вашемъ домѣ, Леонидъ Өедоровичъ, и какъ благодарна вамъ за все, я какъ отцу родному откроюсь. Живетъ у васъ Семенъ и хочетъ онъ на мнѣ жениться.

Леон. Өед. Вотъ какъ!

Таня. Открываюсь передъ вами, какъ передъ Богомъ. Посовѣтоваться мнѣ не съ кѣмъ, какъ сирота я.

Леон. Ѳед. Что жъ, отчего же! Онъ, кажется, малый хорошій.

Таня. Это точно, онъ все бы ничего, только одно я сумлѣваюсь. И спросить хотѣла васъ, что есть за нимъ одно дѣло, а я и понять не могу... какъ бы не худое что̀.

Леон. Ѳед. Что же, онъ пьетъ?

Таня. Нѣтъ, помилуй Богъ! А какъ я знаю, что спиритичество есть...

Леон. Ѳед. Знаешь?

Таня. Какъ же-съ! Я очень понимаю. Другіе, точно, по необразованію не понимаютъ этого...

Леон. Ѳед. Ну, такъ что жъ?

Таня Да вотъ опасаюсь насчетъ Семена. Съ нимъ это бываетъ.

Леон. Ѳед. Что̀ бываетъ?

Таня. Да вотъ въ родѣ какъ спири...тичество. Это у людей спросите. Какъ только онъ задремлетъ у стола, сейчасъ столъ затрясется, весь заскрипитъ такъ: тукъ, ту...тукъ! Всѣ и люди слышали.

Леон. Ѳед. Вотъ какъ разъ то, что я утромъ Сергѣю Ивановичу говорилъ. Ну?..

Таня. А то... когда это было... Да, въ середу. Сѣли обѣдать. Только онъ сѣлъ за столъ, а ложка сама къ нему въ руки—прыгъ!

Леон. Ѳед. А, это интересно! И въ руку прыгъ? Что жъ, онъ задремалъ?

Таня. Вотъ ужъ не примѣтила. Кажется, что задремалъ.

Леон. Ѳед. Ну?..

Таня. Ну, вотъ, я и опасаюсь, и объ этомъ спросить хотѣла, что не будетъ ли отъ этого вреда? Тоже вѣкъ жить, а въ немъ такое дѣло.

Леон. Өед. (*улыбаясь*). Нѣтъ, не бойся, тутъ худого ничего нѣтъ. А это значитъ только то, что онъ *медіумъ*— просто медіумъ. Я и прежде зналъ, что онъ медіумъ.

Таня. Вотъ что... А я-то боялась!

Леон. Өед. Нѣтъ, не бойся, ничего. (*Самъ съ собой.*) Вотъ и прекрасно. Капчича не будетъ, мы его нынче и испытаемъ... Нѣтъ, ты, милая, не бойся, онъ и хорошій мужъ будетъ и все... А это особенная сила, она во всѣхъ есть. Только въ однихъ слабѣй, въ другихъ сильнѣй.

Таня. Покорно васъ благодарю. Я теперь и думать не буду. А то я боялась... Что̀ значитъ неученье-то наше!

Леон. Өед. Нѣтъ, нѣтъ, не бойся... Өедоръ!

ЯВЛЕНІЕ 59-е.

Тѣ же *и* **Өедоръ Иванычъ.**

Леон. Өед. Я пойду со двора. Къ вечеру приготовить все для сеанса.

Өед. Иван. Да вѣдь Капчичъ не изволитъ быть.

Леон. Өед. Ничего, все равно. (*Надѣваетъ шинель.*) Пробный сеансъ будетъ съ своимъ медіумомъ. (*Уходитъ. Өедоръ Иванычъ провожаетъ его.*)

ЯВЛЕНІЕ 60-е.

Таня *одна.*

Таня. Повѣрилъ, повѣрилъ! (*Взвизгиваетъ, прыгаетъ.*) Ей Богу повѣрилъ! Вотъ чудо-то! (*Взвизгиваетъ.*) Теперь сдѣлаю, только бы Семенъ не сробѣлъ.

ЯВЛЕНІЕ 61-е.

Таня *и* **Өедоръ Иванычъ** (*возвращается*).

Өед. Иван. Ну, что же, сказала свой секретъ?

Таня. Сказала. Да я и вамъ открою, только послѣ... А у меня и къ вамъ, Өедоръ Иванычъ, просьба есть.

Ѳед. Иван. Какая же это ко мнѣ-то просьба?

Таня (*стыдливо*). Вы мнѣ какъ второй отецъ были, я вамъ какъ передъ Богомъ откроюсь.

Ѳед. Иван. Да ты не виляй, прямо къ дѣлу.

Таня. Да что дѣло? Дѣло — то, что Семенъ на мнѣ жениться хочетъ.

Ѳед. Иван. Вотъ какъ! То-то я примѣчаю...

Таня. Да что жъ мнѣ скрываться? Мое дѣло сиротское, а вы сами знаете здѣшнее городское заведеніе: всякій пристаетъ; хоть бы Григорій Михайловичъ,—проходу отъ него нѣту. Тоже и этотъ... знаете? Они думаютъ, что у меня души нѣтъ; что я только имъ для забавы далась...

Ѳед. Иван. Умница, хвалю! Ну, такъ что жъ?

Таня. Да Семенъ писалъ отцу, а онъ, отецъ-то, нынче меня увидалъ, да сейчасъ и говоритъ: избаловался, — про сына-то... Ѳедоръ Иванычъ! (*Кланяется.*) Будьте мнѣ замѣсто отца, поговорите съ старикомъ, съ Семеновымъ отцомъ. Я бы ихъ въ кухню провела, а вы бы зашли, да и поговорили старику.

Ѳед. Иван. (*улыбаясь*). Это сватомъ я, значитъ, буду? Что жъ, можно.

Таня. Ѳедоръ Иванычъ, голубчикъ, будьте замѣсто отца родного, а я вѣкъ за васъ буду Бога молить.

Ѳед. Иван. Хорошо, хорошо; пройду ужо. Обѣщаю — такъ сдѣлаю. (*Беретъ газету.*)

Таня. Второй отецъ мнѣ будете.

Ѳед. Иван. Хорошо, хорошо.

Таня. Такъ я буду въ надеждѣ... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 62-е.

Ѳедоръ Иванычъ *одинъ.*

Ѳед. Иван. (*киваетъ головой*). А ласковая дѣвочка, хорошая. А вѣдь сколько ихъ такихъ пропадаетъ, поду-

маешь! Только вѣдь промахнись разъ одинъ,—пошла по рукамъ... Потомъ въ грязи ее ужъ не сыщешь. Не хуже какъ Наталья сердечная... А тоже была хорошая, тоже мать родила, лелѣяла, выращивала... (*Беретъ газету.*) Ну-ка, что Фердинандъ нашъ, какъ изворачивается...

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Театръ представляетъ внутренность людской кухни. Мужики, раздѣвшись и запотѣвъ, сидятъ у стола и пьютъ чай. Ѳсдоръ Иванычъ съ сигарой на другомъ концѣ сцены. На печкѣ старый поваръ, не видный первыя четыре явленія.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Три мужика *и* **Ѳедоръ Иванычъ.**

Ѳед. Иван. Мой совѣтъ—ты ему не препятствуй. Если его желаніе есть и ея тоже, такъ и съ Богомъ. Дѣвушка хорошая, честная. На это не смотри, что она щеголиха. Это по-городски, нельзя безъ этого. А дѣвушка умная.

2-й муж. Что жъ, коли его охота есть. Ему жить съ ней, а не мнѣ. Только ужъ оченно чиста. Какъ ее въ избу введешь? Свекрови-то она и погладиться не дастся.

Ѳед. Иван. Это, братецъ ты мой, не отъ чистоты, а отъ характера. Коли добраго характера, такъ будетъ покорна и уважительна.

2-й муж. Да ужъ возьму, коли такъ малый усѣтился, чтобы безпремѣнно ее взять. Тоже съ немилой жить бѣда! Со старухой посовѣтуюсь, да и съ Богомъ.

Ѳед. Иван. Ну, и по рукамъ.

2-й муж. Да ужъ видно, что такъ.

1-й муж. И какъ тебѣ фортунитъ, Захаръ: пріѣхалъ за совершеніемъ дѣла, а глядь — сноху за сына какую

кралю высваталъ. Только бы спрыснуть, значитъ, чтобы хворменно было.

Ѳед. Иван. Этого совсѣмъ не нужно.

(*Неловкое молчаніе*).

Ѳед. Иван. Я вѣдь вашу жизнь крестьянскую очень понимаю. Я, вамъ скажу, самъ подумываю, гдѣ бы землицы купить. Домикъ построилъ бы да крестьянствовалъ. Хоть бы въ вашей сторонѣ.

2-й муж. Разлюбезное дѣло!

1-й муж. Двистительно, при деньгахъ можно въ деревнѣ себѣ всякое удовольствіе получить.

3-й муж. Что и говорить! Деревенское дѣло, скажемъ, во всякомъ разѣ слободно, не то, что въ городу.

Ѳед. Иван. Что жъ, примете въ общество, коли у васъ поселюсь?

2-й муж. Отчего же не принять? Вина старикамъ выставишь, сейчасъ примутъ.

1-й муж. Да питейное заведеніе, примѣрно, или трактиръ откроете, житье такое будетъ, что умирать не надо. Царствуй, и больше никакихъ.

Ѳед. Иван. Тамъ видно будетъ. А только хочется на старости лѣтъ спокойно пожить. Жить мнѣ и здѣсь хорошо, — жалко и оставить: Леонидъ Ѳедоровичъ вѣдь рѣдкой доброты человѣкъ.

1-й муж. Это двистительно. Да что же онъ наше-то дѣло? Ужели жъ такъ безъ послѣдствій?

Ѳед. Иван. Онъ-то бы радъ.

2-й муж. Видно, онъ жены боится.

Ѳед. Иван. Не боится, а тоже согласія нѣтъ.

3-й муж. А ты бы, отецъ, постарался, а то какъ намъ жить? Земля малая...

Ѳед. Иван. Да вотъ посмотримъ, что выйдетъ отъ Татьяниныхъ хлопотъ. Вѣдь она взялась.

3-й муж. (*пьетъ чай*). Отецъ, помилосердствуй! Земля малая, не токмо скотину, — курицу, скажемъ, и ту выпустить некуда.

Ѳед. Иван. Да кабы въ моихъ рукахъ дѣло было. (*Ко 2-му мужику.*) Такъ та̀къ, братецъ, сваты мы съ тобой будемъ. Кончено дѣло о Танѣ-то?

2-й муж. Да ужъ сказалъ коли я, и безъ пропою назадъ не попячусь. Только бы дѣло наше вышло.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же, *входитъ* **кухарка,** *заглядываетъ на печку, дѣлаетъ туда знаки и тотчасъ же начинаетъ оживленно говорить съ* **Ѳедоромъ Иванычемъ.**

Кух. Сейчасъ изъ бѣлой кухни позвали Семена вверхъ; баринъ, да энтотъ что вызываетъ съ нимъ, лысый-то, посадили его да велѣли на мѣсто Капчича дѣйствовать.

Ѳед. Иван. Что ты врешь!

Кух. Какъ же! сейчасъ Танѣ Яковъ сказывалъ.

Ѳед. Иван. Чудно̀ это!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣ же *и* **кучеръ.**

Ѳед. Иван. Ты что?

Куч. (*къ Ѳедору Иванычу*). Такъ и скажите, что я не нанимался съ собаками жить. Пускай другой кто живетъ, а я съ собаками жить не согласенъ.

Ѳед. Иван. Съ какими собаками?

Куч. Да привели отъ Василья Леонидыча трехъ кобелей къ намъ въ кучерскую. Напакостили, воютъ, а приступиться нельзя—кусаются. Злые, черти!—того и гляди сожрутъ. И то хочу полѣномъ ноги имъ перебить.

Ѳед. Иван. Да когда же это?

Куч. Да нынче привели съ выставки, какія-то дорогія, пустопсовыя, что ль, лѣшій ихъ знаетъ! Либо собакамъ въ кучерской, либо кучерамъ жить. Такъ и скажите.

Ѳед. Иван. Да, это непорядокъ. Я пойду спрошу.

Куч. Ихъ бы сюда, что ль, къ Лукерьѣ.

Кух. (*горячо).* Тутъ люди обѣдаютъ, а ты кобелей запереть хочешь. Ужъ и такъ...

Куч. А у меня кафтаны, полости, сбруя. А чистоту спрашиваютъ. Ну въ дворницкую, что ль.

Ѳед. Иван. Надо Василью Леонидычу сказать.

Куч. (*сердито*). Повѣсилъ бы себѣ на шею кобелей этихъ, да и ходилъ бы съ ними, а то самъ-то, небось, на лошадяхъ ѣздить любитъ. Красавчика испортилъ ни за что. А лошадь была!... Эхъ, житье! (*Уходитъ, хлопая дверью*.)

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ же *безъ* **кучера**.

Ѳед. Иван. Да, непорядки, непорядки! (*Къ мужикамъ.*) Ну, такъ та̀къ-то, пока прощайте, ребята!

Мужики. Съ Богомъ.

(*Ѳедоръ Иванычъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же, *безъ* **Ѳедора Иваныча**.

Какъ только Ѳедоръ Иванычъ уходитъ, на печкѣ слышно кряхтѣнье.

2-й муж. Ужъ и гладокъ же, ровно анаралъ.

Кух. Да что и говорить! Горница особая, стирка на него вся отъ господъ, чай, сахаръ—это все господское, и пища со стола.

Стар. поваръ. Какъ чорту не жить,—накралъ!

2-й муж. Это чей же, на печкѣ-то?

Кух. Да такъ человѣчекъ одинъ. *(Молчаніе.)*

1-й муж. Ну, да и у васъ, посмотрѣлъ я давеча, ужинали, капиталецъ дюже хорошъ.

Кух. Жаловаться нельзя. На это она не скупа. Бѣлая булка по воскресеньямъ, рыба въ постные дни по праздникамъ, а кто хошь, и скоромное ѣшь.

2-й муж. Развѣ постомъ лопаетъ кто?

Кух. Э, да всѣ почитай! Только и постятся, что кучеръ (не этотъ, что приходилъ, а старый) да Сема, да я, да икономка, а то всѣ скоромное жрутъ.

2-й муж. Ну, а самъ-то?

Кух. Э, хватился! да онъ и думать забылъ, какой такой постъ есть.

3-й муж. О Господи!

1-й муж. Дѣло господское, по книжкамъ дошли. Потому умственность!

3-й муж. Ситникъ-то каждый день, я чай?

Кух. О, ситникъ! Не видали они твоего ситника! Посмотрѣлъ бы пищу у нихъ: чего-чего нѣтъ!

1-й муж. Господская пища, извѣстно, воздушная.

Кух. Воздушная-то, воздушная,—ну, да и здоровы жрать!

1-й муж. Въ аппекитѣ, значитъ.

Кух. Потому запиваютъ. Винъ этихъ сладкихъ, водокъ, наливокъ шипучихъ, къ каждому кушанью — свое. Ѣстъ и запиваетъ, ѣстъ и запиваетъ.

1-й муж. Она, значитъ, въ препорцію и проноситъ пищу-то.

Кух. Да ужъ какъ здоровы жрать, бѣда! У нихъ вѣдь нѣтъ того, чтобъ сѣлъ, поѣлъ, перекрестился да всталъ, а безперечь ѣдятъ.

2-й муж. Какъ свиньи, въ корыто съ ногами. *(Мужики смѣются.)*

Кух. Только, Господи благослови, глаза продерутъ, сейчасъ самоваръ, чай, кофе, щиколадъ. Только самовара

два отопьютъ, ужъ третій ставь. А тутъ завтракъ, а тутъ обѣдъ, а тутъ опять кофій. Только отвалятся, сейчасъ опять чай. А тутъ закуски пойдутъ: конфеты, жамки—и конца нѣтъ. Въ постели лежа и то ѣдятъ.

3-й муж. Вотъ такъ такъ! (*Хохочетъ.*)

1-й и 2-й муж. Да ты чего?

3-й муж. Хоть бы денекъ такъ пожить!

2-й муж. Ну, а когда же дѣла дѣлаютъ?

Кух. Какія у нихъ дѣла? Въ карты да въ фортепьяны— только и дѣловъ. Барышня, такъ та, бывало, какъ глаза продеретъ, такъ сейчасъ къ фортепьянамъ, и валяй! А эта, что живетъ, учительша, стоитъ, ждетъ, бывало, скоро ли опростаются фортепьяны; какъ отдѣлалась одна, давай эта закатывать. А то двое фортепьянъ поставятъ, да по-двое, вчетверомъ запузыриваютъ. Такъ-то запузыриваютъ, ажъ здѣсь слышно.

3-й муж. Охъ, Господи!

Кух. Ну, вотъ только и дѣловъ: въ фортепьяны, а то въ карты. Какъ только съѣхались, сейчасъ карты, вино, закурятъ, — и пошло на всю ночь. Только встанутъ — поѣсть опять!

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ же *и* Семенъ.

Сем. Чай да сахаръ!

1-й муж. Милости просимъ, садись.

Сем. (*подходитъ къ столу*). Благодарю покорно.

(*1-й мужикъ наливаетъ ему чай*).

2-й муж. Гдѣ былъ?

Сем. Вверху былъ.

2-й муж. Что же, какія же тамъ дѣла?

Сем. Да и не поймешь. Не знаю, какъ сказать.

2-й муж. Да что же, дѣло какое?

Сем. Да и не знаю, какъ сказать, силу какую-то во мнѣ пытали. Да я не пойму. Татьяна говоритъ: дѣлай, мы, говоритъ, нашимъ мужикамъ землю охлопочемъ, — продастъ.

2-й муж. Да какъ же она сдѣлаетъ-то?

Сем. Да не пойму отъ нея, она не сказываетъ. Только, говоритъ, дѣлай, какъ я велю!

2-й муж. Что жъ дѣлать-то?

Сем. Да сейчасъ ничего. Посадили меня, свѣтъ потушили, велѣли спать. А Татьяна тутъ же схоронилась. Они не видятъ, а я вижу.

2-й муж. Что̀ жъ это, къ чему?

Сем. А Богъ ихъ знаетъ,—не поймешь.

1-й муж. Извѣстно, для разгулки времени.

2-й муж. Ну, видно, этихъ дѣловъ не разберемъ мы съ тобой. А вотъ ты сказывай: денегъ ты много забралъ?

Сем. Я не бралъ, все зажито; 28 рублей, должно.

2-й муж. Это ладно. Ну, а коли, Богъ дастъ, о землѣ сладимся, вѣдь я тебя, Семка, домой возьму.

Сем. Съ моимъ удовольствіемъ.

2-й муж. Набаловался ты, я чай. Пахать не захочешь?

Сем. Пахать-то? Давай сейчасъ. Косить, пахать — это все изъ рукъ не вывалится.

1-й муж. А все, примѣрно, послѣ городского жительства не поманится.

Сем. Ничего, и въ деревнѣ жить можно.

1-й муж. А вотъ дядя Митрій на твое мѣсто охотится, на великатную жизнь.

Сем. Ну, дядя Митрій, наскучитъ. Оно, глядѣться, легко, а бѣготни тоже много. Замотаешься.

Кух. Вотъ ты бы, дядя Митрій, посмотрѣлъ балы у нихъ. Вотъ подивился бы!

3-й муж. А что жъ, ѣдятъ все?

Кух. Куды тебѣ? Посмотрѣлъ бы, что было! Меня Ѳедоръ Иванычъ провелъ. Посмотрѣла я: барыни—страсть Разряжены, разряжены, что куда тебѣ! А по сихъ мѣстъ голыя, и руки голыя.

3-й муж. О Господи!

2-й муж. Тфу, скверность!

1-й муж. Значитъ, клеймагъ такъ позволяетъ.

Кух. Такъ-то и я, дяденька, глянула: что жъ это?—всѣ тѣлешомъ. Вѣришь ли, старыя,—наша барыня, у ней, мотри, внуки,—тоже оголились.

3-й муж. О Господи!

Кух. Такъ вѣдь что: какъ вдаритъ музыка, какъ взыграли,—сейчасъ это господа подходятъ каждый къ своей, обхватитъ, и пошелъ кружить.

2-й муж. И старухи?

Кух. И старухи.

Сем. Нѣтъ, старухи сидятъ.

Кух. Толкуй, я сама видѣла!

Сем. Да нѣтъ же.

Стар. поваръ (*высовываясь, хрипло*). Полька-мазурка это. Э, дура, не знаетъ!—танцуютъ такъ...

Кух. Ну, ты, танцорщикъ, помалкивай, знай. Во, идетъ кто-то.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ же и Григорій.

Старый поваръ поспѣшно скрывается.

Григ. (*кухаркѣ*). Давай капусты кислой!

Кух. Только съ погреба пришла, опять лѣзть. Кому это?

Григ. Барышнямъ тюрю. Живо! Съ Семеномъ пришли, а мнѣ некогда.

Кух. Вотъ наѣдятся сладкаго такъ, что больше не лѣзетъ, ихъ и потянетъ на капусту.

1-й муж. Для прочистки, значитъ.

Кух. Ну да, опростаютъ мѣсто, опять валяй! (*Беретъ чашку и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же, *безъ* **кухарки.**

Григ. (*мужикамъ*). Вишь разсѣлись. Вы смотрите: барыня узнаетъ, она вамъ такую задастъ трепку, не хуже утрешняго. (*Смѣется и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Три мужика, Семенъ и старый поваръ (*на печкѣ*).

1-й муж. Двистительно, штурму сдѣлала давеча—бѣда!

2-й муж. Давеча хотѣлъ онъ, видно, вступиться, а потомъ какъ глянулъ, что она крышу съ избы рветъ, захлопнулъ дверь: будь ты, молъ, неладна.

3-й муж. (*махая рукой*). Все одно положеніе. Тоже моя старуха, скажемъ, другой разъ распалится—страсть! Ужъ я изъ избы вонъ иду. Ну ее совсѣмъ! Того гляди, скажемъ, рогачомъ зашибетъ. О Господи.

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ же и Яковъ (*вбѣгаетъ съ рецептомъ*).

Яковъ. Сема, бѣги въ аптеку, живо, возьми порошки вотъ барынѣ!

Сем. Да вѣдь онъ не велѣлъ уходить.

Яковъ. Успѣешь. Твое дѣло еще, поди, послѣ чаю... Чай да сахаръ.

1-й муж. Милости просимъ.

(*Семенъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ же, *безъ* **Семена.**

Яковъ. Некогда, да ужъ налейте чашечку для компаніи.

1-й муж. Да вотъ предлегаетъ разговорка, какъ давеча ваша госпожа очень какъ себя гордо повела.

Яковъ. О, эта горячка — страсть! Такъ горяча, — сама себя не помнитъ. Другой разъ заплачетъ даже.

1-й муж. А что, примѣрно, я спросить хотѣлъ? Она что-то, давеча, предлегала макроту. Макроту, макроту, говоритъ занесли. Къ чему это приложить, макроту эту самую?

Яковъ. О, это макровы. Это, они говорятъ, такія козявки есть, отъ нихъ, молъ, и болѣзни всѣ. Такъ вотъ, молъ, что на васъ онѣ. Ужъ они послѣ васъ мыли-мыли, брызгали-брызгали, гдѣ вы стояли. Такая специя есть, отъ ней дохнутъ онѣ, козявки-то.

2-й муж. Такъ гдѣ же онѣ на насъ, козявки-то эти?

Яковъ (*пьетъ чай*). Да онѣ, сказываютъ, такія махонькія, что и въ стекла не видать.

2-й муж. А почемъ она знаетъ, что онѣ на мнѣ? Може, на ней этой пакости больше моего.

Яковъ. А вотъ поди, спроси ихъ!

2-й муж. А я полагаю, пустое это.

Яковъ. Извѣстно, пустое; надо же дохтурамъ выдумывать, а то за что бы имъ деньги платить? Вотъ къ намъ каждый день ѣздитъ. Пріѣхалъ, поговорилъ,—десятку.

2-й муж. Вре?..

Яковъ. А то одинъ есть такой, что сотенную.

1-й муж. Ну! и сотенную?

Яковъ. Сотенную? Ты говоришь: сотенную—по тысячѣ беретъ, коли за городъ ѣхать. Давай, говоритъ, тысячу, а не дашь,—издыхай себѣ!

3-й муж. О Господи!

2-й муж. Что жъ, онъ слово какое знаетъ?

Яковъ. Должно, что знаетъ. Жилъ я прежде у генерала, подъ Москвой, сердитый былъ такой, гордый— страсть, генералъ-то! Такъ заболѣла у него дочка. Сейчасъ послали за этимъ. Тысячу рублей, — пріѣду... Ну, сговорились, пріѣхалъ. Такъ что-то не потрафили ему. Такъ, батюшки мои, какъ цыкнетъ на генерала. А! говоритъ, такъ такъ-то ты меня уважаешь, такъ-то? Такъ не стану жъ лѣчить! Такъ куда тебѣ! генералъ-то и гордость свою забылъ, всячески улещаетъ. Батюшка, только не бросай!

1-й муж. А тысячу-то отдали?

Яковъ. А то какъ же?

2-й муж. То-то шальныя деньги-то. Что бъ мужикъ на эти деньги надѣлалъ!

3-й муж. А я думаю, пустое все. Какъ у меня тады нога прѣла. Лѣчилъ, лѣчилъ, скажемъ, рублей пять пролѣчилъ. Бросилъ лѣчить, а она и зажила.

(*Старый поваръ на печкѣ кашляетъ*).

Яковъ. Опять тутъ, сердешный!

1-й муж. Какой такой мужчинка будетъ?

Яковъ. Да нашего барина поваръ былъ, къ Лукерьѣ ходитъ.

1-й муж. Кухмистеръ, значитъ. Что жъ, здѣсь проживаетъ?

Яковъ. Нѣ... Здѣсь не велятъ. А гдѣ день, гдѣ ночь. Есть три копейки — въ ночлежномъ домѣ, а пропьетъ все—сюда придетъ.

2-й муж. Какъ же онъ такъ?

Яковъ. Да такъ, ослабъ. А тоже человѣкъ какой былъ, какъ баринъ! При золотыхъ часахъ ходилъ, по сорока рублей въ мѣсяцъ жалованья бралъ. А теперь давно съ голоду бы померъ, кабы не Лукерья.

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ же *и* **кухарка** (*съ капустой*).

Яковъ (*къ Лукерьѣ*). А я вижу Павелъ Петровичъ опять тутъ?

Кух. Куда жъ ему дѣться,—замерзнуть, что ли?

3-й муж. Что дѣлаетъ винцо-то! Винцо-то, скажемъ... (*Щелкаетъ языкомъ съ соболѣзнованіемъ.*)

2-й муж. Извѣстно, окрѣпнетъ человѣкъ—крѣпче камня; ослабнетъ—слабѣе воды.

Стар. пов. (*слѣзаетъ съ печи, дрожитъ и ногами и руками*). Лукерья! Говорю, дай рюмочку.

Кух. Куда лѣзешь? Я те дамъ такую рюмочку!..

Стар. пов. Боишься ты Бога? Умираю. Братцы, пятачокъ...

Кух. Говорю, полѣзай на печь.

Стар. пов. Кухарка! пор-рюмочки. Христа ради, говорю, понимаешь ты—Христомъ прошу!

Кух. Иди, иди. Чаю вотъ на!

Стар. пов. Что чай? Что чай? Пустое питье, слабое. Винца бы, только глоточекъ... Лукерья!

3-й муж. Ахъ, сердешный, мается какъ.

2-й муж. Да дай ему, что ль.

Кух. (*достаетъ въ поставцѣ и наливаетъ рюмку*). На, вотъ, больше не дамъ.

Стар. пов. (*хватаетъ, пьетъ дрожа*). Лукерья! Кухарка! Я выпью, а ты понимай...

Кух. Ну, ну, разговаривай! Лѣзь на печку, и чтобы духа твоего не слышно было.

(*Старый поваръ лѣзетъ покорно и не переставая ворчитъ что-то себѣ подъ носъ*).

2-й муж. Что значитъ—ослабъ человѣкъ!

1-й муж. Двиствительно, слабость-то человѣческая.

3-й муж. Да что и говорить.

(*Старый поваръ укладывается и все ворчитъ. Молчаніе*).

2-й муж. Ну, что я хотѣлъ спросить: эта вотъ дѣвушка живетъ у васъ съ нашей стороны—Аксиньина-то. Ну что? Какъ? Какъ она живетъ,—значитъ, честно ли?

Яковъ. Дѣвушка хорошая, похвалить можно.

Кух. Я тебѣ, дядя, истину скажу, какъ я здѣшнее заведеніе твердо знаю: хочешь ты Татьяну за сына брать,—бери скорѣе, пока не изгадилась, а то не миновать.

Яковъ. Да, это истинно такъ. Вотъ, лѣтось, Наталья, у насъ дѣвушка жила. Хорошая дѣвушка была. Такъ ни за что̀ пропала, не хуже этого... (*Показываетъ на повара.*)

Кух. Потому тутъ нашей сестры пропадаетъ—плотину пруди. Всякому манится на легонькую работу да на сладкую пищу. Анъ, глядь, со сладкой-то пищи сейчасъ и свихнулась. А свихнулась, имъ ужъ такая не нужна. Сейчасъ эту вонъ—свѣженькую на мѣсто. Такъ-то Наташа сердешная: свихнулась,—сейчасъ прогнали. Родила, заболѣла, весною прошлой въ больницѣ и померла. И какая дѣвушка была!

3-й муж. О Господи! Народъ слабый. Жалѣть надо.

Стар. пов. Какъ же, пожалѣютъ они, черти! (*Спускаетъ съ печи ноги.*) Я у плиты тридцать лѣтъ прожарился. А вотъ не нуженъ сталъ: издыхай, какъ собака!.. Какъ же, пожалѣютъ!..

1-й муж. Это двиствительно, положенія извѣстная.

2-й муж Пили, ѣли, кудрявчикомъ звали; попили, поѣли—прощай, шелудякъ!

3-й муж. О Господи!

Стар. пов. Понимаешь ты много. Что значитъ: сотей а ла бамонъ? Что значитъ: бавасари? Что̀ я сдѣлать могъ! Мысли! Императоръ мою работу кушалъ! А теперь не нуженъ сталъ чертямъ. Да не поддамся я!

Кух. Ну, ну, разговорился. Вотъ я тебя!.. Залѣзай въ уголъ, чтобъ не видать тебя было, а то Ѳедоръ Иванычъ

зайдетъ или еще кто и выгонятъ меня съ тобой совсѣмъ.

(*Молчаніе*).

Яковъ. Такъ знаете мою сторону-то, Вознесенское?

2-й муж. Какъ же не знать. Отъ насъ верстъ 17, больше не будетъ а бродомъ меньше. Ты, что жъ, землю-то держишь?

Яковъ. Братъ держитъ, а я посылаю. Я самъ хоть здѣсь, а умираю объ домѣ.

1-й муж. Двистительно.

2-й муж. Анисимъ, значитъ, братъ тебѣ?

Яковъ. Какъ же, братъ родный! На томъ концу.

2-й муж. Какъ не знать,—третій дворъ.

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Тѣ же *и* **Таня** (*вбѣгаетъ*).

Таня. Яковъ Иванычъ! что вы тутъ прохлаждаетесь? Зоветъ!

Яковъ. Сейчасъ. Что тамъ?

Таня. Фифка лаетъ, ѣсть хочетъ; а она ругается на васъ: какой, говоритъ, онъ злой. Жалости, говоритъ, въ немъ нѣтъ, Ей давно обѣдать пора, а онъ не несетъ!.. (*Смѣется.*)

Яковъ (*хочетъ уходить*). О, сердита? Какъ бы чего не вышло!

Кух. (*Якову*). Капусту-то возьмите.

Яковъ. Давай, давай! (*Беретъ капусту и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 14 е.

Тѣ же, *безъ* **Якова**.

1-й муж. Кому же это обѣдать теперь?

Таня. А собакѣ. Собака эта ея .. (*Присаживается и берется за чайникъ.*) Чай-то есть ли?—а то я принесла еще. (*Всыпаетъ.*)

2-й муж. Обѣдать собакѣ?

Таня. Какъ же! Коклетку особенную дѣлаютъ, чтобы не жирная была. Я на нее, на собаку-то, бѣлье стираю.

3-й муж. О Господи!

Таня. Какъ тотъ баринъ, что собаку хоронилъ.

2-й муж. Это какъ же такъ?

Таня. А такъ, —разсказывалъ одинъ человѣкъ,—издохъ у него песъ, у барина то. Вотъ онъ и поѣхалъ зимой хоронить его. Похоронилъ, ѣдетъ и плачетъ, баринъ-то. А морозъ здоровый, у кучера изъ носу течетъ и онъ утирается... Дайте налью. (*Наливаетъ чай.*) Изъ носу-то течетъ, а онъ все утирается. Увидалъ баринъ: «что, говоритъ, о чемъ ты плачешь?» А кучеръ говоритъ: «какъ же, сударь, не плакать, какая собака была!» (*Хохочетъ.*)

2-й муж. А самъ, я чай, думаетъ: хоть бы ты и самъ издохъ, я бы плакать не сталъ... (*Хохочетъ.*)

Стар. пов. (*съ печки*). Это правильно, вѣрно!

Таня. Хорошо, пріѣхалъ домой баринъ, сейчасъ къ барынѣ: «какой, говоритъ, нашъ кучеръ добрый: онъ всю дорогу плакалъ,—такъ ему жаль моего Дружка. Позовите его... На, молъ, выпей водки, а вотъ тебѣ награда—рубль». Такъ-то и она, что Яковъ собаки ея не жалѣетъ.

(*Мужики хохочутъ*).

1-й муж. Хворменно!

2-й муж. Вотъ такъ такъ.

3-й муж. Ай, дѣвушка, насмѣшила!

Таня (*наливаетъ еще чай*). Кушайте еще!.. То-то, оно такъ кажется, что жизнь хорошая, а другой разъ противно всѣ эти гадости за ними убирать. Тфу! въ деревнѣ лучше.

(*Мужики перевертываютъ чашки*).

Таня (*наливаетъ*). Кушайте на здоровье, Ефимъ Антонычъ! Я налью, Митрій Власьевичъ!

3-й муж. Ну, налей, налей.

1-й муж. Ну какъ же, умница, дѣло наше происходитъ?

Таня. Ничего, идетъ...

1-й муж. Семенъ сказывалъ...

Таня (*быстро*). Сказывалъ?

2-й муж. Да не понять отъ него.

Таня. Мнѣ сказать теперь нельзя, а только стараюсь, стараюсь. Вотъ она—и бумага ваша! (*Показываетъ бумагу за фартукомъ.*) Только бы одна штука удалась... (*Взвизгиваетъ.*) Ужъ какъ бы хорошо было!

2-й муж. Ты смотри, бумагу-то не затеряй. За нее тоже денежки плачены.

Таня. Будьте покойны. Вѣдь только чтобы подписалъ онъ?

3-й муж. А то чего же еще? Подписалъ, скажемъ, и крышка. (*Перевертываетъ чашку.*) Да будетъ ужъ.

Таня (*сама съ собой*). Подпишетъ, вотъ увидите, подпишетъ... Еще кушайте. (*Наливаетъ.*)

1-й муж. Только охлопочи насчетъ свершенія продажи земли, міромъ и замужъ можемъ отдать. (*Отказывается отъ чая.*)

Таня (*наливаетъ и подаетъ*). Кушайте.

3-й муж. Только сдѣлай: и замужъ отдадимъ и на свадьбу, скажемъ, плясать приду. Хоть отродясь не плясывалъ, плясать буду!

Таня (*смѣется*). Да ужъ я буду въ надеждѣ. (*Молчаніе.*)

2-й муж. (*оглядывая Таню*). Такъ-то такъ, а не гожаешься ты для мужицкой работы.

Таня. Я-то? Что же, вы думаете, силы нѣту? Вы бы посмотрѣли, какъ я барыню затягиваю. Другой мужикъ такъ не потянетъ.

2-й муж. Да куда жъ ты ее затягиваешь?

Таня. Да такъ на костяхъ исдѣлано, какъ куртка, по сихъ поръ. Ну, на шнуры и стягиваешь, какъ вотъ запрягаютъ, еще въ руки плюютъ.

2-й муж. Засупониваешь, значитъ?

Таня. Да, да, засупониваю. А ногой въ нее вѣдь не упрешься. (*Смѣется.*)

2-й муж. Зачѣмъ же ты ее затягиваешь?

Таня. А вотъ затѣмъ.

2-й муж. Что жъ, она обреклась, что ли?

Таня. Нѣтъ, для красоты.

1-й муж. Пузу, значитъ, ей утягиваетъ для хвормы.

Таня. Такъ такъ стянешь, что у нея глаза вонъ лѣзутъ, а она говоритъ: «еще». Такъ всѣ руки обожжешь, а вы говорите: силы нѣтъ.

(*Мужики смѣются и качаютъ головами*).

Таня. Однако, я заболталась. (*Убѣгаетъ, смѣясь.*)

3-й муж. Вотъ такъ дѣвушка, насмѣшила!

1-й муж. Да ужъ какъ аккуратна!

2-й муж. Ничего.

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Три мужика, кухарка, старый поваръ *на печкѣ. Входятъ* **Сахатовъ и Василій Леонидычъ. У Сахатова** *въ рукахъ ложка чайная.*

Вас. Леон. Не то, чтобы обѣдъ, а déjeuner dinatoir. И прекрасный, я вамъ скажу, былъ завтракъ: поросячьи окорочка — прелесть! Рулье отлично кормитъ. Я вѣдь только сейчасъ пріѣхалъ. (*Увидѣвъ мужиковъ.*) А мужики опять здѣсь?

Сахат. Да, да, это все прекрасно, но мы пришли спрятать предметъ. Такъ куда же спрятать?

Вас. Леон. Виноватъ, я сейчасъ. (*Къ кухаркѣ.*) А собаки гдѣ же?

Кух. Въ кучерской собаки. Развѣ можно въ людскую?

Вас. Леон. А, въ кучерской? Ну, хорошо.

Сахат. Я жду.

Вас. Леон. Виноватъ, виноватъ. А, что? спрятать? Да, Сергѣй Ивановичъ, такъ вотъ что̀ я вамъ скажу; мужику, одному изъ этихъ, въ карманъ. Вотъ хоть этому. Ты послушай. А, что? Гдѣ у тебя карманъ?

3-й муж. А на что тебѣ карманъ? Ишь ты, карманъ! У меня въ карманѣ деньги.

Сахат. Ну, гдѣ кошель?

3-й муж. А тебѣ на что?

Кух. Что ты! Молодой баринъ это.

Вас. Леон. (*хохочетъ*). А вы знаете, отчего онъ испугался такъ? Я вамъ сейчасъ скажу: у него денегъ пропасть. А, что?

Сахат. Да, да, понимаю. Ну, такъ вотъ что: вы поговорите съ ними, а я покамѣстъ незамѣтно положу вонъ въ эту сумку—такъ, чтобъ и они не знали, не могли ничѣмъ указать ему. Поговорите съ ними.

Вас. Леон. Сейчасъ, сейчасъ. Ну, такъ какъ же, ребятушки, купите землю-то? А, что?

1-й муж. Мы-то предлегаемъ, какъ всей душой. Да вотъ все не происходитъ въ движенiи дѣлу.

Вас. Леон. А вы не скупитесь. Земля—дѣло важное. Я вамъ говорилъ—мяту. А то можно табакъ еще.

1-й муж. Это двиствительно, всякiе продухты можно.

3-й муж. А ты, отецъ, попроси батюшку. А то какъ жить? Земля малая,—курицу, скажемъ, и ту выпустить некуда.

Сахат. (*положилъ ложку въ сумку 3-го мужика*). C'est fait. Готово. Пойдемте. (*Уходитъ*.)

Вас. Леон. А вы не скупитесь. А? Ну, прощайте. (*Уходитъ*.)

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Три мужика, кухарка *и* **старый поваръ** (*на печкѣ*).

3-й муж. Я говорилъ: на фатеру. Ну, по гривнѣ, скажемъ, отдали бы, по крайности покойно, а тутъ помилуй Богъ. Деньги, говоритъ, давай. Къ чему это?

2-й муж. Должно, выпимши.

(*Мужики переворачиваютъ чашки, встаютъ и крестятся*).

1-й муж. А ты помни, какъ онъ слово закинулъ, чтобъ мяту сѣять? Тоже понимать надо.

2-й муж. Какъ же, мяту сѣй, вишь. Ты попытайся-ка, горбомъ поворочай,—запросишь мяты, небось... Ну, благодаримъ покорно!... А что жъ, умница, гдѣ намъ лечь тутъ?

Кух. Ложитесь—на печку одинъ, а то по лавкамъ.

3-й муж. Спаси Христосъ. (*Молится Богу.*)

1-й муж. Кабы Богъ далъ свершенія дѣла. (*Ложится.*) Завтра послѣ обѣда на машину бы закатились, во вторникъ и дома бы.

2-й муж. Свѣтъ-то тушить будете?

Кух. Гдѣ тушить! Все прибѣгать будутъ: то того, то другого... Да вы ложитесь, я заверну.

2-й муж. На малой землѣ какъ проживешь? Я нынче вѣдь съ Рождества хлѣбъ покупаю. И солома овсяная дошла. А то закатилъ бы четыре десятинки, Семку бы домой взялъ.

1-й муж. Твое дѣло семейное. Безъ нужды! Землю уберешь, только подавай. Только бы свершилось дѣло.

3-й муж. Царицу Небесную просить надо. Авось, смилосердуется.

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Тишина, вздохи. Потомъ слышны топотъ шаговъ, шумъ голосовъ, двери растворяются настежь и стремительно вваливаются:

Гросманъ *съ завязанными глазами, держащій за руку* **Сахатова, профессоръ и докторъ, толстая барыня и Леонидъ Өедоровичъ, Бетси и Петрищевъ, Василій Леонидычъ и Марья Константиновна, барыня и баронесса, Өедоръ Иванычъ и Таня.**

Три мужика, кухарка и старый поваръ (*невидимъ*).

Мужики вскакиваютъ. Гросманъ входитъ быстрыми шагами, потомъ останавливается.

Толст. бар. Вы не заботьтесь: я слѣжу; я взялась слѣдить и строго исполняю свою обязанность. Сергѣй Ивановичъ, вы не ведете?

Сахат. Да нѣтъ же.

Толст. бар. Вы не ведите, но и не противьтесь. (*Къ Леониду Өедоровичу.*) Я знаю эти опыты. Я сама ихъ дѣлала. Я, бывало, чувствую истеченіе и какъ только почувствую...

Леон. Өед. Позвольте попросить соблюдать тишину.

Толст. бар. Ахъ, я это очень понимаю! Я это на себѣ испытала. Какъ только вниманіе развлеклось, я ужъ не могу.

Леон. Өед. Шт...

(*Ходятъ, ищутъ около 1-го и 2-го мужика и подходятъ къ 3-му.—Гросманъ спотыкается на скамейку*).

Барон. Mais dites moi, on le paye?

Барыня. Je ne saurais vous dire.

Барон. Mais c'est un monsieur?

Барыня. Oh! oui.

Баронъ. Ça tient du miraculeux! N'est-ce pas? Comment estce qu'il trouve?

Барыня. Je ne saurais vous dire. Mon mari vous l'expliquera. (*Увидавъ мужиковъ, оглядывается и видитъ кухарку.*) Pardon... Это что?

(*Баронесса подходитъ къ группѣ*).

Барыня (*кухаркѣ*). Кто пустилъ мужиковъ?

Кух. Яковъ привелъ.

Барыня. Якову кто приказалъ?

Кух. Не могу знать. Ѳедоръ Иванычъ ихъ видѣли.

Барыня. Леонидъ!

(*Леонидъ Ѳедоровичъ не слышитъ, занятъ отыскиваніемъ и шикаетъ*).

Барыня. Ѳедоръ Иванычъ! это что значитъ? Развѣ вы не видали, что я дезинфицировала всю переднюю, а теперь вы мнѣ всю кухню заразили, черный хлѣбъ, квасъ...

Ѳед. Иван. Я полагалъ, что здѣсь не опасно; а люди по дѣлу. Итти имъ далеко, и изъ своей деревни.

Барыня. Въ томъ-то и дѣло, что изъ курской деревни, гдѣ какъ мухи мрутъ отъ дифтерита. А главное—я приказывала, чтобъ ихъ не было въ домѣ!... Приказывала я или нѣтъ? (*Подходитъ къ кучкѣ, собравшейся около мужиковъ.*) Осторожнѣе! Не дотрогивайтесь до нихъ; они всѣ въ дифтеритной заразѣ!

(*Никто ее не слушаетъ; она съ достоинствомъ отходитъ и неподвижно стоитъ, дожидаясь*).

Петрищ. (*сопитъ громко носомъ*). Дифтеритная—не знаю, а нѣкоторая другая зараза въ воздухѣ есть. Вы слышите?

Бетси. Полноте врать! Вово, въ какой сумкѣ?

Вас. Леон. Въ той, той! Подходитъ, подходитъ.

Петрищ. Что это тутъ,—ду́хи или духи́?

Бетси. Вотъ когда ваши папироски кстати. Курите, курите, ближе ко мнѣ.

(*Петрищевъ нагибается и окуриваетъ*).

Вас. Леон. Добирается, я вамъ скажу. А, что?

Гросм. (*съ безпокойствомъ шаритъ около 3-го мужика*). Здѣсь, здѣсь. Я чувствую, что здѣсь.

Толст. бар. Истеченіе чувствуете?

(*Гросманъ нагибается къ сумочкѣ и достаетъ ложку*).

Всѣ. Браво! (*Общій восторгъ.*)

Вас. Леон. А? такъ вотъ гдѣ наша ложечка нашлась! (*На мужика.*) Такъ ты такъ-то?

3-й муж. Чего такъ-то? Не бралъ я твоей ложечки. И что путаетъ? Не бралъ я, и не бралъ, и душа моя не знаетъ. А вольно ему! Я видѣлъ, онъ приходилъ не за добромъ. Кошель, говоритъ, давай. А я не бралъ, вотъ те Христосъ, не бралъ.

(*Молодежь обступаетъ и смѣется*).

Леон. Ѳед. (*сердито на сына*). Вѣчно глупости! (*3-му мужику.*) Да не безпокойся, дружокъ! Мы знаемъ, что ты не бралъ; это опытъ былъ.

Гросм. (*снимаетъ повязку и дѣлаетъ видъ, какъ бы очнулся*). Воды, если можно... позвольте. (*Всѣ хлопочутъ около него.*)

Вас. Леон. Пойдемте отсюда въ кучерскую. Я вамъ покажу, какой кобель одинъ тамъ у меня. Epâtant! А что?

Бетси. И какое слово гадкое. Развѣ нельзя сказать: собака?

Вас. Леон. Нельзя Вѣдь нельзя про тебя сказать: какая Бетси человѣкъ épâtant? Надо сказать: дѣвица; такъ и это. А, что? Марья Константиновна, правда? Хорошо? (*Хохочетъ.*)

Мар. Конст. Ну, пойдемъ.

(*Марья Константиновна, Бетси, Петрищевъ и Василій Леонидычъ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Тѣ же *безъ* **Бетси, Марьи Константиновны, Петрищева и Василія Леонидыча.**

Толст. бар. (*Гросману*). Что? Какъ? Отдохнули? (*Гросманъ не отвѣчаетъ. Къ Сахатову.*) Вы, Сергѣй Иванычъ, чувствовали истеченіе?

Сахат. Я ничего не чувствовалъ. Да, прекрасно, прекрасно. Вполнѣ удачно.

Баронесса. Admirable. Ça ne le fait pas souffrir?

Леон. Ѳед. Pas le moins du monde.

Проф. (*Гросману*). Позвольте васъ попросить. (*Падаетъ термометръ.*) При началѣ опыта было 37 и 2. (*Доктору.*) Такъ, кажется? Да будьте добры, пульсъ провѣрьте. Трата неизбѣжна.

Докт. (*Гросману*). Ну-ка, господинъ, позвольте вашъ пульсъ. Провѣримъ, провѣримъ. (*Вынимаетъ часы и держитъ его за руку.*)

Толст. бар. (*къ Гросману*). Позвольте. Но вѣдь то состояніе, въ которомъ вы находились, нельзя назвать сномъ?

Гросм. (*устало*). Тотъ же гипнозъ.

Сахат. Стало-быть, надо понимать такъ, что вы сами гипнотизировали себя?

Гросм. А отчего же нѣтъ? Гипнозъ можетъ наступить не только при ассоціаціи, при звукѣ тамъ-тамъ, напримѣръ, какъ у Шаркò; но и при одномъ вступленіи въ гипногенную зону.

Сахат. Это такъ, положимъ, но все-таки желательно точнѣе опредѣлить, что такое гипнозъ?

Проф. Гипнозъ есть явленіе превращенія одной энергіи въ другую.

Гросм. Шаркó не такъ опредѣляетъ.

Сахат. Позвольте, позвольте. Таково ваше опредѣленіе, но Либó мнѣ самъ говорилъ...

Докт. (*оставляя пульсъ*.) А, хорошо, хорошо, только температуру теперь.

Толст. бар. (*вмѣшиваясь*). Нѣтъ, позвольте! Я согласна съ Алексѣемъ Владимировичемъ. И вотъ вамъ лучше всѣхъ доказательствъ. Когда я послѣ своей болѣзни лежала безъ чувствъ, то на меня нашла потребность говорить. Я вообще молчалива, но тутъ явилась потребность говорить, говорить, и мнѣ говорили, что я такъ говорила, что всѣ удивлялись. (*Къ Сахатову*.) Впрочемъ, я васъ перебила, кажется?

Сахат. (*достойно*). Нисколько. Сдѣлайте одолженіе.

Докт. Пульсъ 82, температура повысилась на 0,3.

Проф. Ну, вотъ вамъ и доказательство! Такъ и должно было быть. (*Вынимаетъ записную книжку и записываетъ*.) 82, такъ? И 37 и 5? Какъ только вызванъ гипнозъ, такъ непремѣнно усиленная дѣятельность сердца.

Докт. Я, какъ врачъ, могу засвидѣтельствовать то, что ваше предсказаніе вполнѣ подтвердилось.

Проф. (*къ Сахатову*). Такъ вы говорили?..

Сахат. Я хотѣлъ сказать, что Либó мнѣ самъ говорилъ, что гипнозъ есть только особенное психическое состояніе, увеличивающее внушаемость.

Проф. Это такъ, но все-таки, главное, законъ эквивалентности.

Гросм. Кромѣ того, Либò — далеко не авторитетъ, а Шаркò всесторонне изслѣдовалъ и доказалъ, что гипнозъ, производимый ударомъ, травмою...

Сахат. Да я и не отрицаю трудовъ Шаркò. Я его тоже знаю; я говорю только то, что говорилъ мнѣ Либò.

Гросм. (*горячась*). Въ Сальпетріерѣ 3.000 больныхъ, и я прослушалъ полный курсъ.

Проф. Позвольте, господа, не въ этомъ дѣло.

Вмѣстѣ.

Толст. бар. (*вмѣшиваясь*). Я въ двухъ словахъ вамъ объясню. Когда мой мужъ былъ боленъ, то всѣ доктора отказались...

Леон. Ѳед. Пойдемте, однако, въ домъ. Баронесса, пожалуйте!

(*Всѣ уходятъ, говоря вмѣстѣ и перебивая другъ друга*).

ЯВЛЕНІЕ 19-е.

Три мужика, кухарка, Ѳедоръ Иванычъ, Таня, старый поваръ (*на печкѣ*), **Леонидъ Ѳедоровичъ** *и* **барыня.**

Барыня (*останавливаетъ за рукавъ Леонида Ѳедоровича*).

Сколько разъ я васъ просила не распоряжаться въ домѣ! Вы знайте только свои глупости, а домъ на мнѣ. Вы заразите всѣхъ.

Леон. Ѳед. Да кто? Что? Ничего не понимаю.

Барыня. Какъ? Люди больные, въ дифтеритѣ, ночуютъ въ кухнѣ, гдѣ постоянное сношеніе съ домомъ.

Леон. Ѳед. Да я...

Барыня. Что я!

Леон. Ѳед. Да я ничего не знаю.

Барыня. Надо знать, коли вы отецъ семейства. Нельзя этого дѣлать.

Леон. Ѳед. Да я не думалъ... Я думалъ...

Барыня. Слушать васъ противно!

(*Леонидъ Ѳедоровичъ молчитъ*).

Барыня (*къ Ѳедору Иванычу*). Сейчасъ вонъ! Чтобъ ихъ не было въ моей кухнѣ! Это ужасно. Никто не слушаетъ, все на зло... я оттуда ихъ прогоню, они ихъ сюда пустятъ. (*Все больше и больше волнуется и доходитъ до слезъ.*) Все на зло! Все на зло! И съ моей болью... Докторъ! Докторъ! Петръ Петровичъ!.. И онъ ушелъ!

(*Всхлипываетъ и уходитъ, за ней Леонидъ Ѳедоровичъ*).

ЯВЛЕНІЕ 20 е.

Три мужика, Таня, Өедоръ Иванычъ, кухарка *и* **старый поваръ** (*на печкѣ*).

Картина. Всѣ стоятъ долго молча.

3-й муж. Ну ихъ къ Богу совсѣмъ! Тутъ того гляди въ полицію попадешь. А я въ жизнь не судился. Пойдемъ на фатеру, ребята!

Өед. Иван. (*Танѣ*). Какъ же быть-то?

Таня. Да ничего, Өедоръ Иванычъ. Въ кучерскую ихъ.

Өед. Иван. Да какъ же въ кучерскую? И такъ кучеръ жаловался,—тамъ полно собакъ.

Таня. Ну, такъ въ дворницкую.

Өед. Иван. А какъ узнаютъ?

Таня. Ничего не узнаютъ. Ужъ будьте покойны, Өедоръ Иванычъ. Развѣ можно ихъ ночью гнать? Они и не найдутъ теперь.

Өед. Иван. Ну, дѣлай какъ знаешь, только бы тутъ ихъ не было. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 21-е.

Три мужика, Таня, кухарка *и* **старый поваръ.**

Мужики собираютъ сумки.

Стар. пов. Вишь, черти проклятые! Съ жиру-то! Черти!..

Кух. Молчи ужъ ты-то. Спасибо не увидали.

Таня. Такъ пойдемте, дяденьки, въ дворницкую.

1-й муж. Ну, а что же дѣло-то наше? Какъ же, примѣрно, насчетъ подписки, руки приложенія? Что жъ, въ надеждѣ намъ быть?

Таня. Вотъ черезъ часъ все узнаемъ.

2-й муж. Исхитришься?

Таня (*смѣется*). Какъ Богъ дастъ.

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ III.

Дѣйствіе происходитъ вечеромъ того же дня, въ маленькой гостиной, гдѣ всегда производятся у Леонида Ѳедоровича опыты.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Леонидъ Ѳедоровичъ *и* **профессоръ.**

Леон. Ѳед. Такъ какъ же, рискнуть сеансъ съ нашимъ новымъ медіумомъ?

Проф. Непремѣнно. Медіумъ, несомнѣнно, сильный. Главное же, желательно, чтобъ медіумическій сеансъ у насъ былъ нынче же, и съ тѣмъ же персоналомъ. Гросманъ непремѣнно долженъ отозваться на вліяніе медіумической энергіи, и тогда связь и единство явленій будутъ еще очевиднѣе. Вы увидите, что если медіумъ будетъ такъ же силенъ, какъ сейчасъ, то Гросманъ будетъ вибрировать.

Леон. Ѳед. Такъ я, знаете, пошлю за Семеномъ и приглашу желающихъ.

Проф. Да, да, я только сдѣлаю себѣ нѣкоторыя замѣтки.

(*Вынимаетъ записную книжку и записываетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же *и* **Сахатовъ.**

Сахат. Тамъ у Анны Павловны сѣли въ винтъ, а я, какъ остающійся за штатомъ... да, кромѣ того, интересующійся сеансомъ, вотъ и являюсь къ вамъ... Что жъ, будетъ сеансъ?

Леон. Ѳед. Будетъ, непремѣнно будетъ!

Сахат. Какъ же, и безъ медіумической силы г-на Капчича?

Леон. Θед. Vous avez la main heureuse. Представьте себѣ, тотъ самый мужикъ, о которомъ я вамъ говорилъ, оказался несомнѣнный медіумъ.

Сахат. Вотъ какъ! О, да это особенно интересно!

Леон. Θед. Да, да. Мы послѣ обѣда сдѣлали съ нимъ маленькій предварительный опытъ.

Сахат. Успѣли сдѣлать и убѣдиться?..

Леон. Θед. Вполнѣ, и оказался замѣчательной силы медіумъ.

Сахат. (*недовѣрчиво*). Вотъ какъ!

Леон. Θед. Оказывается, что въ людской давно ужъ замѣчали. Онъ сядетъ къ чашкѣ, ложка сама вскакиваетъ ему въ руку. (*Къ профессору.*) Вы слышали?

Проф. Нѣтъ, этого собственно я не слыхалъ.

Сахат. (*профессору*). Но все-таки и вы допускаете возможность такихъ явленій?

Проф. Какихъ явленій?

Сахат. Ну, вообще, спиритическихъ, медіумическихъ, вообще сверхъестественныхъ явленій.

Проф. Дѣло въ томъ, что мы называемъ сверхъестественнымъ? Когда не живой человѣкъ, а кусокъ камня притянулъ къ себѣ гвоздь, то какимъ показалось это явленіе для наблюдателей: естественнымъ или сверхъестественнымъ?

Сахат. Да, конечно; но только такія явленія, какъ притяженіе магнита, постоянно повторяются.

Проф. То же самое и здѣсь. Явленіе повторяется, и мы его подвергаемъ изслѣдованію. Мало того, мы подводимъ изслѣдуемыя явленія подъ общіе, другимъ явленіямъ, законы. Явленія вѣдь кажутся сверхъестественными только потому, что причины явленій приписываются самому медіуму. Но вѣдь это невѣрно. Явленія производимы не медіумомъ, но духовной энергіей черезъ ме-

діумъ, а это разница большая. Все дѣло — въ законѣ эквивалентности.

Сахат. Да, конечно, но...

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣ же *и* **Таня** (*входитъ и становится за портьеру*).

Леон. Ѳед. Одно только знайте, что какъ съ Юмомъ и съ Капчичемъ, такъ и теперь съ этимъ медіумомъ впередъ ни на что разсчитывать нельзя. Можетъ быть неудача, а можетъ быть и полная матеріализація.

Сахат. Даже и матеріализація? Какая же можетъ быть матеріализація?

Леон. Ѳед. А такая, что придетъ умершій человѣкъ: отецъ вашъ, дѣдъ, возьметъ васъ за руку, дастъ вамъ что-нибудь; или кто-нибудь вдругъ подымется на воздухъ, какъ прошлый разъ у насъ съ Алексѣемъ Владимировичемъ.

Проф. Конечно, конечно. Но главное дѣло — въ объясненіи явленій и подведеніи ихъ подъ общіе законы.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ же *и* **толстая барыня.**

Толст. бар. Анна Павловна мнѣ позволила пройти къ вамъ.

Леон. Ѳед. Милости просимъ.

Толст. бар. Но какъ, однако, Гросманъ усталъ. Онъ не могъ чашки держать. Вы замѣтили, какъ онъ поблѣднѣлъ (*къ профессору*) въ ту минуту, какъ приблизился? Я сейчасъ же замѣтила, я первая сказала Аннѣ Павловнѣ.

Проф. Несомнѣнно, трата жизненной энергіи.

Толст. бар. Вотъ и я говорю, что этимъ злоупотреблять нельзя. Какъ же, гипнотизаторъ внушилъ одной моей знакомой, Вѣрочкѣ Конішиной, — да вы ее знае-

те, — чтобъ она перестала курить, а у нея спина заболѣла.

Проф. (*хочетъ начать говорить*). Измѣреніе температуры и пульсъ очевидно показываютъ...

Толст. бар Я сію минуту, позвольте. Я ей и говорю: ужъ лучше курить, но не страдать такъ нервами. Разумѣется, что курить вредно, и я бы желала отвыкнуть, но, что хотите, не могу. Я разъ двѣ недѣли не курила, а потомъ не выдержала.

Проф. (*опять дѣлаетъ попытку говорить*). Показываютъ несомнѣнно...

Толст. бар. Да, нѣтъ, позвольте! Я въ двухъ словахъ. Вы говорите, что трата силъ? И я хотѣла сказать, что когда я ѣздила на почтовыхъ... Дороги тогда были ужасныя, вы этого не помните, а я замѣчала, и, какъ хотите, наша нервность вся отъ желѣзныхъ дорогъ. Я, напримѣръ, въ дорогѣ спать не могу, — хоть убейте, а, не засну.

Проф. (*опять начинаетъ, но толстая барыня не даетъ ему говорить*). Трата силъ...

Сахат. (*улыбаясь*). Да, да.

(*Леонидъ Ѳедоровичъ звонитъ*).

Толст. бар. Я одну, другую, третью ночь не буду спать, а все-таки не засну.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же *и* Григорій.

Леон. Ѳед. Скажите, пожалуйста, Ѳедору приготовить все для сеанса и позовите Семена сюда,—буфетнаго мужика, Семена, слышите?

Григ. Слушаю-съ! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Леонидъ Өедоровичъ, профессоръ, толстая барыня *и* **Таня** (*спрятанная*).

Проф. (*къ Сахатову*). Измѣреніе температуры и пульсъ показали трату жизненной энергіи. То же будетъ и при медіумическихъ проявленіяхъ. Законъ сохраненія энергіи...

Толст. бар. Да, да. Я только еще хотѣла сказать, что я очень рада, что простой мужикъ оказался медіумъ. Это прекрасно. Я всегда говорила, что славянофилы...

Леон. Өед. Пойдемте пока въ гостиную.

Толст. бар. Позвольте, я въ двухъ словахъ... Славянофилы правы, но я всегда говорила своему мужу, что ни въ чемъ не надо преувеличивать. Золотая середина, знаете. А то какъ же утверждать, что въ народѣ все хорошо, когда я сама видѣла...

Леон. Өед. Не угодно ли въ гостиную?

Толст. бар. Вотъ такой мальчикъ и ужъ пьетъ. Я его сейчасъ же разбранила. И онъ благодаренъ былъ потомъ. Они—дѣти, а дѣтямъ, я всегда говорила, нужна и любовь и строгость.

(*Всѣ уходятъ, разговаривая*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Таня (*одна выходитъ изъ-за двери*).

Таня. Ахъ, удалось бы только! (*Завязываетъ нитки.*)

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Таня *и* **Бетси** (*входитъ поспѣшно*).

Бетси. Папà нѣтъ тутъ? (*Вглядываясь въ Таню.*) Ты что тутъ?

Таня. А я такъ, Лизавета Леонидовна, взошла, хотѣла... только взошла... (*Смущается.*)

Бетси. Да вѣдь тутъ сеансъ сейчасъ будетъ? (*Замѣчаетъ, что Таня собираетъ нитки, пристально смотритъ на нее и вдругъ заливается хохотомъ.*) Таня! это вѣдь ты все дѣлаешь? Да ужъ не отпирайся. И тотъ разъ ты? Вѣдь ты, ты?

Таня. Лизавета Леонидовна, голубушка.

Бетси (*въ восторгѣ*). Ахъ, какъ это хорошо! Вотъ не ожидала! Зачѣмъ же ты это дѣлала?

Таня. Барышня, милая, да вы не выдайте!

Бетси. Да нѣтъ, ни за что. Я ужасно рада! Да какъ же ты дѣлаешь?

Таня. Да такъ и дѣлаю: спрячусь, а потомъ, какъ потушатъ, вылѣзу и дѣлаю.

Бетси (*показывая на нитку*). А это зачѣмъ? Да, не говори, понимаю—задѣваешь...

Таня. Лизавета Леонидовна, голубушка, я только вамъ откроюсь! Прежде я такъ шалила, а теперь дѣло хочу сдѣлать.

Бетси. Какъ? Что? Какое дѣло?

Таня. Да вотъ, видѣли, мужики пришли, хотятъ землю купить, а папаша не продаютъ и бумагу не подписали и имъ назадъ отдали. Ѳедоръ Иванычъ говоритъ: духи ему запретили. Вотъ я и вздумала.

Бетси. Ахъ, какая же ты умница! Дѣлай, дѣлай... Да какъ же ты будешь дѣлать?

Таня. Да я такъ придумала: какъ они свѣтъ потушатъ, сейчасъ я начну стучать, швырять, ниткой ихъ по головамъ, а подъ конецъ бумагу объ землѣ,—она у меня,—и брошу на столъ.

Бетси. Ну, и что жъ?

Таня. А какъ же? Они удивятся. Бумага была у мужиковъ, и вдругъ здѣсь. А тутъ же велю...

Бетси. Да вѣдь Семенъ нынче медіумъ!

Таня. Такъ я ему велю... (*Не можетъ говорить отъ смѣха.*) Велю давить руками, кто подъ рукой будетъ.

Только не папашу,—это онъ не посмѣетъ,—и пусть давитъ кого другихъ, пока подпишутъ.

Бетси (*смѣется*). Да вѣдь такъ не дѣлаютъ. Медіумъ самъ ничего не дѣлаетъ.

Таня. Да ничего—это все одно,—авось, и такъ выйдетъ.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Таня *и* **Ѳедоръ Иванычъ**.

(*Бетси дѣлаетъ знаки Танѣ и уходитъ*).

Ѳед. Иван. (*Танѣ*). Ты что тутъ?

Таня. Да я къ вамъ, Ѳедоръ Иванычъ, батюшка!..

Ѳед. Иван. Чего же ты?

Таня. Да о дѣлѣ моемъ, къ вамъ, что̀ я просила.

Ѳед. Иван. (*смѣясь*). Сосваталъ, сосваталъ, и по рукамъ ударили, только не пили.

Таня (*взвизгиваетъ*). Неужто взаправду?

Ѳед. Иван. Да ужъ я тебѣ говорю. Онъ говоритъ: съ старухой посовѣтуюсь, да и съ Богомъ.

Таня. Такъ и сказалъ?.. (*Взвизгивая.*) Ахъ, голубчикъ, Ѳедоръ Иванычъ, вѣкъ за васъ буду Бога молить!

Ѳед. Иван. Ну, ладно, ладно! Теперь некогда. Велѣно убирать для сеанса.

Таня. Дайте я вамъ подсоблю. Какъ же убирать?

Ѳед. Иван. Да какъ? Да вотъ: столъ посреди комнаты, стулья, гитару, гармонію. Лампу не надо—свѣчи.

Таня (*устанавливаетъ все съ Ѳедоромъ Иванычемъ*). Такъ, что ли? Сюда гитару, сюда чернильницу... (*Ставитъ.*) Такъ?

Ѳед. Иван. Да неужели въ самомъ дѣлѣ Семена посадятъ?

Таня. Должно-быть. Вѣдь ужъ сажали.

Ѳед. Иван. Удивленіе! (*Надѣваетъ pince-nez.*) Да чистъ ли онъ?

Таня. Почемъ я знаю.

Ѳед. Иван. Такъ ты вотъ что́...

Таня. Что́, Ѳедоръ Иванычъ?

Ѳед. Иван. Поди ты, возьми щеточку ногтяную и мыла Тридасъ, хоть у меня возьми... И всѣ ты ему остриги когти и вымой чисто-начисто.

Таня. Онъ и самъ вымоетъ.

Ѳед. Иван. Ну такъ скажи только. Да бѣлье вели надѣть чистое.

Таня. Хорошо, Ѳедоръ Иванычъ. (*Уходитъ*.)

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Ѳедоръ Иванычъ *одинъ, садится въ кресло.*

Ѳед. Иван. Учены, учены, хоть бы Алексѣй Владимировичъ, профессоръ онъ, а все другой разъ сильно сомнѣніе беретъ. Народныя суевѣрія, грубыя, истребляются, суевѣрія домовыхъ, колдуновъ, вѣдьмъ... А вѣдь если вникнуть, вѣдь это такое же суевѣріе. Ну, развѣ возможно это, чтобы души умершихъ и говорили бы и па гитарѣ играли бы? А дурачитъ ихъ кто-нибудь или сами себя. А ужъ это съ Семеномъ и не поймешь что̀. (*Разсматривая альбомъ*.) Вѣдь вотъ ихъ альбомъ спиритическій. Ну, возможное ли это дѣло, чтобы фотографію съ духа снять? А вотъ изображеніе—турокъ и Леонидъ Ѳедоровичъ сидятъ... Удивительпа слабость человѣческая.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Ѳедоръ Иванычъ *и* **Леонидъ Ѳедоровичъ**.

Леон. Ѳед. (*входя*). Что, готово?

Ѳед. Иван. (*встаетъ не торопясь*). Готово. (*Улыбаясь*.) Только не знаю, какъ бы вашъ новый медіумъ не скомпрометировалъ васъ, Леонидъ Ѳедоровичъ.

Леон. Өед. Нѣтъ, мы испытывали съ Алексѣемъ Владимировичемъ. Удивительно сильный медіумъ!

Өед. Иван. Ужъ этого не знаю. Только чистъ ли онъ? Вы вотъ не позаботились руки ему велѣть вымыть. А то все-таки неудобно.

Леон. Өед. Руки? Ахъ, да! Нечисты ты думаешь?

Өед. Иван. Да какъ же, мужикъ. А тутъ дамы и Марья Васильевна.

Леон. Өед. Ну, и прекрасно.

Өед. Иван. Да еще я хотѣлъ вамъ доложить: Тимоөей, кучеръ, приходилъ жаловаться, что нельзя ему чистоту соблюсти отъ собакъ.

Леон. Өед. (*устанавливая предметы на столъ разсѣянно*). Какихъ собакъ?

Өед. Иван. Да Василью Леонидычу нынче борзыхъ привели тройку, въ кучерскую помѣстили.

Леон. Өед. (*досадливо*). Скажи Аннѣ Павловнѣ, какъ она хочетъ, а мнѣ и некогда.

Өед. Иван. Да вѣдь вы знаете ихъ пристрастіе...

Леон. Өед. Ну, какъ хочетъ она, такъ и дѣлаетъ. А отъ него, кромѣ непріятностей... да и некогда.

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ же *и* **Семенъ** (*въ поддевкѣ, входитъ, улыбается*).

Сем. Приказали прійти?

Леон. Өед. Да, да. Покажи руки. Ну, и прекрасно, прекрасно! Такъ вотъ, дружокъ, ты такъ же дѣлай, какъ давеча, садись и отдавайся чувству. А самъ ничего не думай.

Сем. Чего жъ думать? Что думать, то хуже.

Леон. Өед. Вотъ, вотъ, вотъ! Чѣмъ менѣе сознательно, тѣмъ сильнѣе. Не думай, а отдавайся настроенію: хочется спать—спи, хочется ходить—ходи; понимаешь?

Сем. Какъ не понять? Хитрости тутъ нисколько.

Леон. Өед. И, главное, не смущайся. А то ты самъ можешь удивиться. Ты пойми, что какъ мы живемъ, такъ невидимый міръ духовъ тутъ же живетъ.

Өед. Иван. (*поправляя*). Незримыя чувства, понимаешь?

Сем. (*смѣется*). Какъ не понять! Какъ вы сказывали, такъ это очень просто.

Леон. Өед. Можешь подняться на воздухъ или еще что-нибудь, то ты не робѣй.

Сем. Чего жъ робѣть? Это все можно.

Леон. Өед. Ну, такъ я пойду, позову всѣхъ... Все готово?

Өед. Иван. Кажется, все.

Леон. Өед. А грифельныя доски?

Өед. Иван. Внизу, сейчасъ принесу. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Леонидъ Өедоровичъ *и* **Семенъ.**

Леон. Өед. Ну, такъ хорошо. Такъ ты не смущайся и будь свободнѣе.

Сем. Нешто поддевку снять: оно свободнѣе будетъ.

Леон. Өед. Поддевку? Нѣтъ, нѣтъ, не надо. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Семенъ *одинъ*.

Сем. Опять то же велѣла дѣлать, а она опять будетъ свое швырять. И какъ она не боится?

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Семенъ *и* **Таня** *входитъ безъ ботинокъ, въ платьѣ цвѣта обой, Семенъ хохочетъ.*

Таня (*шишикаетъ*). Шш!.. Услышатъ! Вотъ на пальцы спички наклей, какъ давеча. (*Наклеиваетъ.*) Что же, все помнишь?

Сем. (*загибая пальцы*). Перво-наперво спички намочить. Махать — разъ. Другое дѣло — зубами трещать, вотъ такъ...—два. Вотъ третье забылъ.

Таня. А третье-то пуще всего. Ты помни: какъ бумага на столъ падетъ, — я еще въ колокольчикъ позвоню, — такъ ты сейчасъ же руками вотъ такъ... Разведи шире и захватывай. Кто возлѣ сидитъ, того и захватывай. А какъ захватишь, такъ жми. (*Хохочетъ.*) Баринъ ли, барыня ли, знай — жми, все жми, да и не выпускай, какъ будто во снѣ, а зубами скрѣпи, али рычи, вотъ такъ... (*Рычитъ*) А какъ я на гитарѣ заиграю, такъ какъ будто просыпайся, потянись, знаешь, такъ, и проснись... Все помнишь?

Сем. Все помню, только смѣшно больно.

Таня. А ты не смѣйся., А засмѣешься, это — еще не бѣда. Они подумаютъ, что во снѣ. Одно только — взаправду не засни, какъ они свѣтъ-то потушатъ.

Сем. Небось, я себя за уши щипать буду.

Таня. Такъ ты смотри, Семочка, голубчикъ. Только дѣлай все, не робѣй. Подпишетъ бумагу. Вотъ увидишь. Идутъ... (*Лѣзетъ подъ диванъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Семенъ *и* **Таня.** *Входятъ* **Гросманъ, профессоръ, Леонидъ Ѳедоровичъ, толстая барыня, докторъ, Сахатовъ, барыня. Семенъ** *стоитъ у двери.*

Леон. Ѳед. Милости просимъ, всѣ невѣрующіе! Несмотря на то, что медіумъ новый, случайный, я нынче жду очень знаменательныхъ проявленій.

Сахат. Очень, очень интересно.

Толст. бар. (*на Семена*). Mais il est très bien.

Барыня. Какъ буфетный мужикъ, да, но только...

Сахат. Жены всегда не вѣрятъ въ дѣло своихъ мужей. Вы совсѣмъ не допускаете?

Барыня. Разумѣется, нѣтъ. Въ Капчичѣ, правда, есть что-то особенное, но ужъ это Богъ знаетъ что́ такое!

Толст. бар. Нѣтъ, позвольте, Анна Павловна, это нельзя такъ рѣшать. Когда я еще была не замужемъ, видѣла одинъ замѣчательный сонъ. Сны, знаете, бываютъ такіе, что вы не знаете, когда начинается, когда кончается; такъ я видѣла именно такой сонъ. .

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Тѣ же. Василій Леонидычъ *и* **Петрищевъ** *входятъ.*

Толст. бар. И мнѣ многое было открыто этимъ сномъ. Нынче ужъ эти молодые люди (*указываетъ на Петрищева и на Василія Леонидыча*) все отрицаютъ.

Вас. Леон. А я никогда, я вамъ скажу, ничего не отрицаю. А, что?

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Тѣ же. *Входятъ* **Бетси** *и* **Марья Константиновна** *и вступаютъ въ разговоръ съ Петрищевымъ.*

Толст. бар. А какъ же можно отрицать сверхъестественное? Говорятъ: не согласно съ разумомъ. Да разумъ-то можетъ быть глупый, тогда что? Вѣдь вотъ на Садовой — вы слышали? — каждый вечеръ являлось. Братъ моего мужа, — какъ это называется?.. не beau-frère, а по-русски,—не свекоръ, а еще какъ-то?.. я никогда не могу запомнить этихъ русскихъ названій,—такъ онъ ѣздилъ три ночи сряду и все-таки ничего не видалъ, такъ я и говорю...

Леон. Ѳед. Такъ кто же да кто остается?

Толст. бар. Я, я!

Сахат. Я!

Барыня (*къ доктору*). Неужели вы остаетесь?

Докт. Да, надо хоть разъ посмотрѣть, что́ тутъ Алексѣй Владимировичъ находитъ. Отрицать бездоказательно тоже нельзя.

Барыня. Такъ рѣшительно принять нынче вечеромъ?

Докт. Кого принять?.. Ахъ да, порошокъ. Да, примите, пожалуй. Да, да, примите... Да я зайду.

Барыня. Да, пожалуйста. (*Громко.*) Когда кончите, messieurs et mesdames, милости просимъ ко мнѣ отдохнуть отъ эмоцій, да и винтъ докончимъ.

Толст. бар. Непремѣнно.

Сахат. Да, да! (*Барыня уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 19-е.

Тѣ же, *безъ* **барыни.**

Бетси (*Петрищеву*). Я вамъ говорю, оставайтесь. Я вамъ обѣщаю необыкновенныя вещи. Хотите пари?

Мар. Конст. Да развѣ вы вѣрите?

Бетси. Нынче вѣрю.

Мар. Конст. (*Петрищеву*). А вы вѣрите?

Петрищ. «Не вѣрю, не вѣрю обѣтамъ коварнымъ». Ну да, если Елизавета Леонидовна велитъ...

Вас. Леон. Останемся, Марья Константиновна. А, что? Я что-нибудь такое épâtant придумаю.

Мар. Конст. Нѣтъ, вы не смѣшите. Я вѣдь не могу удержаться.

Вас. Леон. (*громко*). Я—остаюсь!

Леон. Ѳед. (*строго*). Прошу только тѣхъ, кто остается, не дѣлать изъ этого шутки. Это дѣло серьезное.

Петрищ. Слышишь? Ну, такъ останемся. Вово, садись сюда, да, смотри, не робѣй.

Бетси. Да вы смѣетесь, а вотъ увидите, что̀ будетъ.

Вас. Леон. А что, какъ въ самомъ дѣлѣ? Вотъ штука-то будетъ! А, что?

Петрищ. (*дрожитъ*). Ой, боюсь, боюсь! Марья Константиновна, боюсь!.. ножки дрожатъ.

Бетси (*смѣется*). Тише!

(*Всѣ садятся*).

Леон. Ѳед. Садитесь, садитесь. Садись, Семенъ!

Сем. Слушаю-съ. (*Садится на край стула.*)

Леон. Ѳед. Садись хорошенько.

Проф. Садись правильно на середину стула, совершенно свободно. (*Усаживаетъ Семена.*)

(*Бетси, Марья Константиновна и Василій Леонидычъ хохочутъ*).

Леон. Ѳед. (*возвышая голосъ*). Прошу тѣхъ, кто остается, не шалить и относиться къ дѣлу серьезно. Могутъ быть дурныя послѣдствія. Вово, слышишь? Если не будешь сидѣть смирно, уйди.

Вас. Леон. Смирно! (*Прячется за спину толстой барыни.*)

Леон. Ѳед. Алексѣй Владимировичъ, вы усыпите.

Проф. Нѣтъ, зачѣмъ же я, когда Антонъ Борисовичъ тутъ? У него гораздо больше и практики въ этомъ отношеніи и силы... Антонъ Борисовичъ!

Гросм. Господа! я собственно не спиритъ. Я только изучалъ гипнозъ. Гипнозъ я изучалъ, правда, во всѣхъ его извѣстныхъ проявленіяхъ. Но то, что называется спиритизмомъ, мнѣ совершенно неизвѣстно. Отъ усыпленія субъекта я могу ожидать извѣстныхъ мнѣ явленій гипноза: летаргіи, абуліи, анестезіи, анелгезіи, каталепсіи и всякаго рода внушеній. Здѣсь же предполагаются къ изслѣдованію не эти, а другія явленія, и потому желательно бы было знать, какого рода эти ожидаемыя явленія и какое они имѣютъ научное значеніе.

Сахат. Вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію г-на Гросмана. Такое разъясненіе было бы очень интересно.

Леон. Ѳед. (*къ профессору*). Я думаю, Алексѣй Владимировичъ, вы не откажетесь объяснить вкратцѣ.

Проф. Отчего жъ, я могу объяснить, если этого желаютъ. (*Къ доктору.*) А вы, пожалуйста, измѣрьте температуру и пульсъ. Объясненіе мое будетъ, неизбѣжно, поверхностно и кратко.

Леон. Ѳед. Да, вкратцѣ, вкратцѣ...

Докт. Сейчасъ. (*Вынимаетъ термометръ и подаетъ.*) Ну-ка, молодецъ!.. (*Устанавливаетъ.*)

Сем. Слушаю-съ.

Проф. (*вставая и обращаясь къ толст. барынѣ, а потомъ садясь*). Господа! Явленіе, которое мы изслѣдуемъ, представляется обыкновенно съ одной стороны какъ нѣчто новое, съ другой стороны какъ нѣчто выходящее изъ ряда естественныхъ условій. Ни то ни другое несправедливо. Явленіе это не ново, а старо какъ міръ, и не сверхъестественно, а подлежитъ все тѣмъ же вѣчнымъ законамъ, которымъ подлежитъ и все существующее. Явленіе это опредѣлялось обыкновенно какъ общеніе съ міромъ духовнымъ. Опредѣленіе это не точно. По опредѣленію этому міръ духовный противополагается міру матеріальному, но это несправедливо: противоположенія этого нѣтъ. Оба міра такъ тѣсно соприкасаются, что нѣтъ никакой возможности провести демаркаціонную линію, отдѣляющую одинъ міръ отъ другого. Мы говоримъ: матерія слагается изъ молекулъ...

Петрищ. Скучная матерія! (*Шопотъ, хохотъ.*)

Проф. (*остановившись и потомъ продолжая*). Молекулы — изъ атомовъ, но атомы, не имѣя протяженія, суть въ сущности не что иное, какъ точки приложенія силъ. То-есть, строго говоря, не силъ, а энергіи, — той самой энергіи, которая такъ же едина и неуничтожима,

какъ и матерія. Но какъ матерія одна, а виды ея различны, такъ точно и энергія. До послѣдняго времени намъ были извѣстны только четыре, превращающіеся одинъ въ другой, вида энергіи. Намъ извѣстны энергіи: динамическая, термическая, электрическая и химическая. Но четыре вида энергіи далеко не исчерпываютъ всего разнообразія ея проявленій. Виды проявленія энергіи многообразны, и одинъ изъ такихъ новыхъ, мало-извѣстныхъ видовъ энергіи и изслѣдуется нами. Я говорю объ энергіи медіумизма.

(*Опять шопотъ и хохотъ въ углу молодежи*).

Проф. (*останавливается и, строго оглянувшись, продолжаетъ*). Медіумическая энергія извѣстна человѣчеству давнымъ-давно: предсказанія, предчувствія, видѣнія и многія другія—все это не что иное, какъ проявленія медіумической энергіи. Явленія, производимыя ею, извѣстны давнымъ-давно. Но самая энергія не признавалась таковою до самаго послѣдняго времени, до тѣхъ поръ, пока не было признано той среды, колебанія которой и производятъ медіумическія явленія. И точно такъ же, какъ явленія свѣта были не объяснимы до тѣхъ поръ, пока не было признано существованіе невѣсомаго вещества, эѳира,—точно такъ же и медіумическія явленія казались таинственными до тѣхъ поръ, пока не была признана та, несомнѣнная теперь, истина, что въ промежуткахъ частицъ эѳира находится другое, еще болѣе тонкое, чѣмъ эѳиръ, невѣсомое вещество, не подлежащее закону трехъ измѣреній...

(*Опять шопотъ, хохотъ и повизгиваніе*).

Проф. (*опять оглядывается строго*). И точно такъ же, какъ математическія вычисленія подтвердили неопровержимо существованія невѣсомаго эѳира, дающаго явленія свѣта и электричества, точно такъ же блестящій рядъ самыхъ точныхъ опытовъ геніальнаго Германа, Шмита и

Іосифа Шмацофена несомнѣнно подтвердили существованіе того вещества, которое наполняетъ вселенную и можетъ быть названо духовнымъ эѳиромъ.

Толст. бар. Да, теперь я понимаю. Какъ я благодарна...

Леон. Ѳед. Да; но нельзя ли, Алексѣй Владимировичъ, нѣсколько... сократить?

Проф. (*не отвѣчая*). Итакъ рядъ строго-научныхъ опытовъ и изслѣдованій, какъ я имѣлъ честь сообщить вамъ, выясняли намъ законы медіумическихъ явленій. Опыты эти выяснили намъ то, что погруженіе нѣкоторыхъ личностей въ гипнотическое состояніе, отличающееся отъ обыкновеннаго сна только тѣмъ, что при погруженіи въ этотъ сонъ дѣятельность физіологическая не только не понижается, но всегда повышается, какъ это мы сейчасъ видѣли, — оказалось, что погруженіе въ это состояніе какого бы то ни было субъекта неизмѣнно влечетъ за собой нѣкоторыя пертурбаціи въ духовномъ эѳирѣ, — пертурбаціи, совершенно подобныя тѣмъ, которыя производитъ погруженіе твердаго тѣла въ жидкое. Пертурбаціи же эти и суть то, что̀ мы называемъ медіумическими явленіями...

(*Хохотъ, шопотъ*).

Сахат. Это совершенно справедливо и понятно; но позвольте спросить: если, какъ вы извольте говорить, погруженіе медіума въ сонъ производитъ пертурбаціи духовнаго эѳира, то почему же эти пертурбаціи выражаются всегда, какъ это подразумѣвается обыкновенно въ спиритическихъ сеансахъ, проявленіемъ дѣятельности душъ умершихъ личностей?

Проф. А потому, что частицы этого духовнаго эѳира суть не что иное, какъ души живыхъ, умершихъ и не родившихся, такъ что всякое сотрясеніе этого духовнаго эѳира неизбѣжно вызываетъ извѣстное движеніе его

частицъ. Частицы же эти суть не что́ иное, какъ души людей, входящія этимъ движеніемъ въ общеніе между собою.

Толст. бар. (*къ Сахатову*). Что́ же тутъ не понимать? Это такъ просто... Очень, очень благодарю васъ!

Леон. Ѳед. Мнѣ кажется, что теперь все ясно, и мы можемъ приступить.

Докт. Малый въ самыхъ нормальныхъ условіяхъ: температура 37 и 2; пульсъ 74.

Проф. (*вынимаетъ книжечку и записываетъ*). Подтвержденіемъ того, что я имѣлъ честь сообщить, можетъ служить то, что погруженіе медіума въ сонъ неизбѣжно, какъ мы сейчасъ и увидимъ, вызоветъ подъемъ температуры и пульса, точно такъ же, какъ и при гипнозѣ.

Леон. Ѳед. Да, да, виноватъ, я только хотѣлъ сказать Сергѣю Ивановичу на то, что онъ спрашивалъ: почему мы узнаемъ, что съ нами общаются души умершихъ? — Мы узнаемъ это потому, что тотъ духъ, который приходитъ, прямо намъ говоритъ, — просто, какъ я говорю, — говоритъ намъ, кто онъ и зачѣмъ пришелъ, и гдѣ онъ, и хорошо ли ему? Послѣдній сеансъ былъ испанецъ донъ Кастильосъ, и онъ все сказалъ намъ. Онъ сказалъ намъ, кто онъ, и когда умеръ, и то, что ему тяжело за то, что онъ участвовалъ въ инквизиціи. Мало того, онъ сообщилъ намъ то, что съ нимъ случилось въ то самое время, какъ онъ говорилъ съ нами, а именно то, что въ то самое время, какъ онъ говорилъ съ нами, онъ долженъ былъ вновь рождаться на землю, и потому не могъ докончить начатаго съ нами разговора... Да вотъ вы сами увидите...

Толст. бар. (*перебивая*). Ахъ, какъ интересно! Можетъ-быть, испанецъ у насъ въ домѣ родился и маленькій теперь.

Леон. Ѳед. Очень можетъ быть.

Проф. Я думаю—пора бы начинать.

Леон. Ѳед. Я только хотѣлъ сказать...

Проф. Поздно ужъ.

Леон. Ѳед. Ну, хорошо. Такъ можемъ приступить. Пожалуйста, Антонъ Борисовичъ, усыпите медіума...

Гросм. Какъ вы желаете, чтобъ я усыпилъ субъекта? Есть много употребительныхъ пріемовъ. Есть способъ Бреда, есть египетскій символъ, есть способъ Шарко.

Леон. Ѳед. (*къ профессору*). Это все равно, я думаю.

Проф. Безразлично.

Гросм. Такъ я употреблю свой способъ, который я демонстрировалъ въ Одессѣ.

Леон. Ѳед. Пожалуйста!

(*Гросманъ машетъ руками надъ Семеномъ. Семенъ закрываетъ глаза и потягивается*).

Гросм. (*приглядывается*). Засыпаетъ, заснулъ. Замѣчательно быстрое наступленіе гипноза. Очевидно, субъектъ уже вступилъ въ анестетическое состояніе. Замѣчательно, необыкновенно воспріимчивый субъектъ и могъ бы быть подвергнутъ интереснымъ опытамъ!... (*Садится, встаетъ, опять садится.*) Теперь можно бы проколоть ему руки. Если желаете...

Проф. (*къ Леониду Ѳедоровичу*). Замѣчаете, какъ сонъ медіума дѣйствуетъ на Гросмана? Онъ начинаетъ вибрировать.

Леон. Ѳед. Да, да... Теперь можно тушить?

Сахат. Но почему же нужна темнота?

Проф. Темнота? А потому, что темнота есть одно изъ условій, при которыхъ проявляется медіумическая энергія, такъ же, какъ извѣстная температура есть условіе извѣстныхъ проявленій химической или динамической энергіи.

Леон. Ѳед. И не всегда. Многимъ, и мнѣ, являлись и вѣчахъ и при солнцѣ.

Проф. (*перебивая*). Можно тушить?

Леон. Ѳед. Да, да. (*Тушитъ свѣчи*). Господа! теперь прошу вниманія.

(*Таня вылѣзаетъ изъ-подъ дивана и беретъ въ руки нитку, привязанную къ бра*).

Петрищ. Нѣтъ, мнѣ понравился испанецъ. Какъ онъ, въ серединѣ разговора, внизъ головой.. что называется: piquer une tête.

Бетси. Нѣтъ, вы подождите, посмотрите, что будетъ!

Петрищ. Я одного боюсь, какъ бы Вово не захрюкалъ поросенкомъ.

Вас. Леон. Хотите? Я хвачу...

Леон. Ѳед. Господа! прошу не разговаривать, пожалуйста...

(*Тишина. Семенъ лижетъ палецъ, мажетъ имъ косточки на рукѣ и машетъ ими*).

Леон. Ѳед. Свѣтъ! Видите свѣтъ?

Сахат. Свѣтъ! Да, да, вижу; но позвольте...

Толст. бар. Гдѣ, гдѣ? Ахъ, не видала! Вотъ онъ. Ахъ!..

Проф. (*къ Леон. Ѳед. шопотомъ, указывая на Гросмана, который двигается*). Вы замѣтьте, какъ онъ вибрируетъ. Двойная сила. (*Опять показывается свѣтъ.*)

Леон. Ѳед. (*къ профессору*). А вѣдь это онъ.

Сахат. Кто онъ?

Леон. Ѳед. Грекъ Николай. Его свѣтъ. Не правда ли, Алексѣй Владимировичъ?

Сахат. Что такое грекъ Николай?

Проф. Нѣкій грекъ, монашествовавшій при Константинѣ въ Царьградѣ и посѣщавшій насъ послѣднее время.

Толст. бар. Гдѣ же онъ, гдѣ же онъ? Я не вижу.

Леон. Ѳед. Его нельзя еще видѣть... Алексѣй [illegible]мировичъ, онъ всегда особенно благосклоненъ к[illegible] Спросите его.

Проф. (*особеннымъ голосомъ*). Николай! ты это?

(*Таня стучитъ два раза о стѣну*).

Леон. Ѳед. (*радостно*). Онъ! онъ!

Толст. бар. Ай, ай! Я уйду.

Сахат. Почему же предполагается, что это онъ?

Леон. Ѳед. А два удара. Утвердительный отвѣтъ: иначе было бы молчаніе.

(*Молчаніе. Сдержанный хохотъ въ углу молодежи. Таня бросаетъ на столъ колпакъ съ лампы, карандашъ, утиралку перьевъ*).

Леон. Ѳед. (*шопотомъ*). Замѣчайте, господа, вотъ колпакъ съ лампы. Еще что-то. Карандашъ!.. Алексѣй Владимировичъ, карандашъ!

Проф. Хорошо, хорошо. Я слѣжу и за нимъ и за Гросманомъ. Вы замѣчаете?

(*Гросманъ встаетъ и оглядываетъ предметы, упавшіе на столъ*).

Сахат. Позвольте, позвольте! Я бы желалъ посмотрѣть, не производитъ ли всего этого самъ медіумъ?

Леон. Ѳед. Вы думаете? Такъ сядьте подлѣ, держите его за руки. Но будьте увѣрены, онъ спитъ.

Сахат. (*подходитъ, задѣваетъ головой за нитку, которую спускаетъ Таня, и испуганно нагибается*). Да... а-а!.. Странно, странно. (*Подходитъ, беретъ за локоть Семена. Семенъ рычитъ.*)

Проф. (*къ Леониду Ѳедор.*). Слышите, какъ дѣйствуетъ присутствіе Гросмана? Новое явленіе, — надо записать... (*Выбѣгаетъ и записываетъ, потомъ возвращается.*)

Леон. Ѳед. Да... Но нельзя же оставлять Николая безъ ·вѣта, надо начинать...

·росм. (*встаетъ, подходитъ къ Семену, поднимаетъ ·скаетъ его руку*). Теперь интересно бы произвести ·туру. Субъектъ въ полномъ гипнозѣ.

·(*къ Леон. Ѳедор.*). Вы видите, видите?

Гросм. Если вы желаете...

Докт. Да ужъ позвольте, батюшка, Алексѣю Владимировичу распорядиться,—штука-то выходитъ серьезная.

Проф. Оставьте его. Онъ говоритъ уже во снѣ.

Толст. бар. Какъ я рада теперь, что рѣшилась присутствовать. Страшно, но все-таки я рада, потому что я мужу всегда говорила...

Леон. Ѳед. Прошу помолчать.

(*Таня проводитъ ниткой по головѣ толстой барыни*).

Толст. бар. Ай!

Леон. Ѳед. Что? что?

Толст. бар. Онъ меня за волосы взялъ.

Леон. Ѳед. (*шопотомъ*). Не бойтесь, ничего, подайте ему руку. Рука бываетъ холодная, но я это люблю.

Толст. бар. (*прячетъ руки*). Ни за что!

Сахат. Да, странно, странно!

Леон. Ѳед. Онъ здѣсь и ищетъ общенія. Кто хочетъ спросить что-нибудь?

Сахат. Позвольте, я спрошу.

Проф. Сдѣлайте одолженіе.

Сахат. Вѣрю я или нѣтъ?

(*Таня стучитъ два раза*).

Проф. Отвѣтъ утвердительный.

Сахат. Позвольте, я еще спрошу. Есть у меня в[illegible] манѣ десятирублевая бумажка?

(*Таня стучитъ много разъ и проводит[illegible] по головѣ Сахатова*).

Сахат. Ахъ!.. (*Хватаетъ нитку и обры[illegible]*

Проф. Я бы просилъ присутствующи[illegible] неопредѣленныхъ или шутливыхъ воп[illegible] пріятно.

Сахат. Нѣтъ, позвольте, у меня [illegible]

Леон. Өед. Нитка? Держите ее. Это часто бываетъ; не только нитка, но шелковые шнурки, самые древніе.

Сахат. Нѣтъ, однако, откуда же нитка?

(*Таня бросаетъ въ него подушкой*).

Сахат. Позвольте, позвольте! Что-то мягкое ударило меня въ голову. Позвольте свѣтъ, — тутъ что-нибудь...

Проф. Мы просимъ васъ не нарушать проявленія.

Толст. бар. Ради Бога, не нарушайте! И я хочу спросить. Можно?

Леон. Өед. Можно, можно. Спрашивайте.

Толст. бар. Я хочу спросить о своемъ желудкѣ. Можно? Я хочу спросить, что́ мнѣ принимать—аконитъ или белладону?

(*Молчаніе, шопотъ въ сторонѣ молодыхъ людей и вдругъ Василій Леонидычъ кричитъ, какъ грудной ребенокъ: уа! уа! Хохотъ. Захватывая носы и рты и фыркая, дѣвицы съ Петрищевымъ убѣгаютъ*).

Толст. бар. Ахъ, это вѣрно, и этотъ монахъ опять родился!

Леон. Өед. (*въ бѣшенствѣ, гнѣвнымъ шопотомъ*). Кромѣ глупости, отъ тебя ничего! Если не умѣешь держать себя прилично, то уйди.

(*Василій Леонидычъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 20-е.

... Өедоровичъ, профессоръ, толстая ба... ...хатовъ, Гросманъ, докторъ, Семенъ *и* Таня. *Темнота и молчаніе.*

...ъ, какъ жаль! Теперь ужъ нельзя спра... ...тся.

...ѣ ... Это глупости Вово. А *онъ* тутъ.

Проф. Это часто бываетъ; эти шутки, насмѣшки—самое обыкновенное явленіе. Я полагаю, что *онъ* здѣсь еще. Впрочемъ, мы можемъ спросить. Леонидъ Ѳедоровичъ, вы?

Леон. Ѳед. Нѣтъ, пожалуйста, вы. Меня это разстроило. Такъ непріятно! Эта безтактность!..

Проф. Хорошо, хорошо!... Николай! ты здѣсь еще?

(*Таня стучитъ два раза и звонитъ въ колокольчикъ. Семенъ начинаетъ рычать и разводитъ руками. Захватываетъ Сахатова и профессора и давитъ ихъ*).

Проф. Какое неожиданное проявленіе! Воздѣйствіе на самого медіума. Этого не бывало. Леонидъ Ѳедоровичъ, наблюдайте, мнѣ неловко. Онъ давитъ меня. Да смотрите, что Гросманъ? Теперь нужно полное вниманіе.

(*Таня бросаетъ мужицкую бумагу на столъ*).

Леон. Ѳед. Что-то упало на столъ.

Проф. Смотрите, что́ упало.

Леон. Ѳед. Бумага! Сложенный листъ бумаги.

(*Таня бросаетъ дорожную чернильницу*).

Леон. Ѳед. Чернильница!

(*Таня бросаетъ перо*).

Леон. Ѳед. Перо!

(*Семенъ рычитъ и давитъ*).

Проф. (*задавленный*). Позвольте, позвольте, совершенно новое явленіе; не вызванная медіумическая энергія дѣйствуетъ, а самъ медіумъ. Однако, откройте чернильницу и положите на бумагу перо, онъ напишетъ.

(*Таня заходитъ сзади Леонида Ѳедоровича и бьетъ его по головѣ гитарой*).

Леон. Ѳед. Ударилъ меня по головѣ! (*Смотритъ на столъ.*) Перо не пишетъ еще, и бумага сложена.

Проф. Посмотрите, что за бумага, дѣлайте скорѣй; очевидно двойная сила — его и Гросмана — производитъ пертурбаціи.

Леон. Ѳед. (*выходитъ съ бумагой въ дверь и тотчасъ возвращается*). Необычайно! Бумага, это — договоръ съ крестьянами, который я нынче утромъ отказался подписать и отдалъ назадъ крестьянамъ. Вѣроятно, *онъ* хочетъ, чтобъ я подписалъ его?

Проф. Разумѣется! Разумѣется! Да вы спросите.

Леон. Ѳед. Николай! или ты желаешь...

(*Таня стучитъ два раза*).

Проф. Слышите? Очевидно, очевидно!

(*Леонидъ Ѳедоровичъ беретъ перо и выходитъ. Таня стучитъ, играетъ на гитарѣ и гармоніи и лѣзетъ опять подъ диванъ. Леонидъ Ѳедоровичъ возвращается. Семенъ потягивается и прокашливается*).

Леон. Ѳед. Онъ просыпается. Можно зажечь свѣчи.

Проф. (*поспѣшно*). Докторъ, докторъ, пожалуйста, температуру и пульсъ! Вы увидите, что сейчасъ обнаружится повышеніе.

Леон. Ѳед. (*зажигаетъ свѣчи*). Ну что, господа невѣрующіе?

Докт. (*подходя къ Семену и вставляя термометръ*). Ну-ка, молодецъ. Что, поспалъ? Ну-ка, это вставь и давай руку. (*Смотритъ на часы.*)

Сахат. (*пожимаетъ плечами*). Могу утверждать, что медіумъ не могъ дѣлать всего того, что̀ происходило. Но нитка?.. Я бы желалъ объясненіе нитки.

Леон. Ѳед. Нитка, нитка! Тутъ были явленія посерьезнѣе.

Сахат. Не знаю. Во всякомъ случаѣ — je réserve mon opinion.

Толст. бар. (*къ Сахатову*). Нѣтъ, какъ же вы говорите: je réserve mon opinion. А младенецъ-то съ крылышками? Развѣ вы не видали? Я сначала подумала, что это кажется, но потомъ ясно, ясно, какъ живой..

Сахат. Могу говорить только о томъ, что́ видѣлъ. Я не видалъ этого, не видалъ.

Толст. бар. Ну какъ же! Совсѣмъ ясно было видно. А съ лѣвой стороны монахъ въ черномъ одѣяніи еще нагнулся къ нему...

Сахат. (*отходитъ*). Какое преувеличеніе!

Толст. бар. (*обращается къ доктору*). Вы должны были видѣть. Онъ съ вашей стороны поднимался.

(*Докторъ, не слушая ее, продолжаетъ считать пульсъ*).

Толст. бар. (*къ Гросману*). И свѣтъ, свѣтъ отъ него, особенно вокругъ личика. И выраженіе такое кроткое, нѣжное, что-то вотъ этакое небесное! (*Сама нѣжно улыбается*)

Гросм. Я видѣлъ свѣтъ фосфорическій, предметы измѣняли мѣсто, но болѣе я ничего не видѣлъ.

Толст. бар. Ну, полноте! Это вы такъ. Это оттого, что вы, ученые школы Шаркò, не вѣрите въ загробную жизнь. А меня никто теперь, никто въ мірѣ не разувѣритъ въ будущей жизни.

(*Гросманъ уходитъ отъ нея*).

Толст. бар. Нѣтъ, нѣтъ, что́ ни говорите, а это одна изъ самыхъ счастливыхъ минутъ въ моей жизни. Когда Саразате игралъ, и эта... Да! (*Никто́ ее не слушаетъ. Она подходитъ къ Семену.*) Ну, ты мнѣ скажи, дружокъ, ты чтò чувствовалъ? Очень тебѣ было тяжело?

Сем. (*смѣется*). Такъ точно.

Толст. бар. Все-таки терпѣть можно?

Сем. Такъ точно. (*Къ Леониду Ѳедоровичу.*) Прикажете итти?

Леон. Ѳед. Иди, иди.

Докт. (*профессору*). Пульсъ тотъ же, но температура понизилась.

Проф. Понизилась? (*Задумывается и вдругъ догады-*

вается.) Такъ и должно было быть,—должно было быть пониженіе! Двойная энергія, пересѣкаясь, должна была произвести нѣчто въ родѣ интерференціи. Да, да.

Леон. Ѳед. Мнѣ одно жалко, что полной матеріализаціи не было. Но все-таки... господа, милости просимъ въ гостиную.

Толст. бар. Особенно меня поразило, когда онъ взмахнулъ крылышками и видно было, какъ онъ поднимается.

Гросм. (*Сахатову.*) Если бы держаться одного гипноза, можно бы произвести полную эпилепсію. Успѣхъ могъ бы быть совершенный.

Сахат. Интересно, но не вполнѣ убѣдительно!— все, что̀ могу сказать.

Говорятъ всѣ вмѣстѣ, уходя.

ЯВЛЕНІЕ 21-е.

Леонидъ Ѳедоровичъ *съ бумагой. Входитъ* **Ѳедоръ Иванычъ.**

Леон. Ѳед. Ну, Ѳедоръ, какой сеансъ былъ—удивительный! Оказывается, что землю-то надо уступить крестьянамъ на ихъ условіяхъ.

Ѳед. Иван. Вотъ какъ!

Леон. Ѳед. Да какъ же? (*Показываетъ бумагу.*) Представь, бумага, которую я имъ отдалъ, оказалась на столѣ. Я подписалъ.

Ѳед. Иван. Какъ же она попала сюда?

Леон. Ѳед. Да вотъ попала. (*Уходитъ.*)

(*Ѳедоръ Иванычъ уходитъ за нимъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 22-е.

Таня *одна, вылѣзаетъ изъ-подъ дивана и смѣется.*

Таня. Батюшки мои! Голубчики! Набралась я страху, какъ онъ за нитку поймалъ. (*Визжитъ.*) Ну, да все-таки вышло,—подписалъ!

ЯВЛЕНІЕ 23-е.

Таня *и* **Григорій**.

Григ. Такъ это ты ихъ дурачила?

Таня. А вамъ что?

Григ. А что жъ, думаешь, барыня за это похвалитъ? Нѣтъ, шалишь, теперь попалась. Разскажу твои плутни, коли по-моему не сдѣлаешь.

Таня. И по-вашему не сдѣлаю, и ничего вы мнѣ не сдѣлáете.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Театръ представляетъ декорацію 1-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Два выѣздныхъ лакея *въ ливреяхъ*, **Ѳедоръ Иванычъ** *и* **Григорій**.

1-й лакей (*съ сѣдыми бакенбардами.*) Нынче къ вамъ къ третьимъ. Спасибо, въ одной сторонѣ пріемные дни. У васъ прежде по четвергамъ было.

Ѳед. Иван. Затѣмъ перемѣнили на субботу, чтобы за одно: у Головкиныхъ, у Граде-фонъ-Грабе...

2-й лакей. У Щербаковыхъ такъ то хорошо, что, какъ балъ, такъ лакеямъ угощеніе.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же. *Сверху сходятъ* **княгиня съ княжной**. **Бетси** *провожаетъ ихъ,* **княгиня** *глядитъ въ книжечку, на часы и садится на ларь.* **Григорій** *надѣваетъ ей ботики.*

Княжна. Нѣтъ, ты, пожалуйста, пріѣзжай. А то ты откажешься, Додо откажется,—ничего и не выйдетъ.

Бетси. Не знаю. Къ Шубинымъ надо непремѣнно. Потомъ репетиція.

Княжна. Успѣешь. Нѣтъ, ты пожалуйста. Ne nous fais pas faux bond. Ѳедя будетъ и Коко.

Бетси. J'en ai par dessus la tête de votre Coco.

Княжна. Я думала, что я его здѣсь найду. Ordinairement il est d'une exactitude...

Бетси. Онъ непремѣнно будетъ.

Княжна. Когда я его вижу съ тобой, мнѣ кажется, что онъ только что сдѣлалъ или вотъ сдѣлаетъ предложеніе.

Бетси. Да ужъ, вѣроятно, придется пройти черезъ это. И такъ непріятно!

Княжна. Бѣдный Коко! Онъ такъ влюбленъ.

Бетси. Cessez, les gens.

(*Княжна садится на диванчикъ, разговаривая шопотомъ. Григорій надѣваетъ ей ботики*).

Княжна. Такъ до вечера.

Бетси. Постараюсь.

Княгиня. Такъ скажите папа, что я ничему не вѣрю, но пріѣду посмотрѣть его новаго медіума. Чтобъ онъ далъ знать. Прощайте, ma toute belle. (*Цѣлуетъ и уходитъ съ княжной.*)

(*Бетси уходитъ наверхъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Два лакея, Ѳедоръ Иванычъ *и* **Григорій.**

Григ. Не люблю старухъ обувать: не перегнется никакъ, отъ живота не видитъ, тычетъ мимо все; то ли дѣло молоденькую—пріятно и ножку въ руки взять.

2-й лакей. Тоже разбираетъ!

1-й лакей. Нашему брату этого разбирать не полагается.

Григ. Отчего жъ не разбирать, развѣ мы не люди? Это они думаютъ, что мы не понимаемъ; какъ сейчасъ разговорились, взглянули на меня, сейчасъ: ле жанъ.

2-й лакей. А это что жъ?

Григ. А это значитъ по-русски: не говори, поймутъ. За обѣдомъ тоже; а я понимаю. Вы говорите: разница,— никакой нѣтъ.

1-й лакей. Разница большая, кто понимаетъ.

Григ. Разницы нѣтъ никакой. Нынче я лакей, а завтра, можетъ, и не хуже ихъ жить буду. И за лакеевъ замужъ выходятъ, развѣ не бывало? Пойти покурить. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ же, *безъ* **Григорія.**

2-й лакей. А смѣлый этотъ у васъ молодой человѣкъ.

Ѳед. Иван. Пустой малый, неспособенъ къ службѣ: въ конторщикахъ былъ,—набаловался. Я и не совѣтовалъ брать, да барынѣ понравился,—виденъ для выѣзда.

1-й лакей. Я бы его къ нашему графу: онъ бы его поставилъ въ точку. Охъ! не любитъ этакихъ вертуновъ. Лакей, такъ будь лакей, званіе свое оправдай; а эта гордость не пристала.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же, *сверху сбѣгаетъ* **Петрищевъ** *и достаетъ папироску.*

Петрищевъ (*въ задумчивости*). Да, да. Мое второе то же, что „ка“. Кар-тожъ-ка. Мое все... Да, да. (*Навстрѣчу*

ему входитъ Коко Клингенъ въ pince-nez.) **Кокоша**... **А Картоша! Откуда?**

Коко Клинг. Отъ Щербаковыхъ. Ты вѣчно глупости...

Петрищ. Нѣтъ, ты слушай, шарада: мое первое то же, что „кинъ“, мое второе то же, что „ка“, а мое все далеко гоняетъ телятъ.

Коко Клинг. Не знаю, не знаю. И некогда.

Петрищ. А куда тебѣ еще?

Коко Клинг. Какъ куда? Къ Ивинымъ, спѣвка, надо быть. Потомъ къ Шубинымъ, потомъ на репетицію. Вѣдь и ты долженъ быть?

Петрищ. Какъ же, непремѣнно. И на репетиціи и на морковетиціи. Вѣдь то я былъ дикій, а теперь я и дикій и генералъ.

Коко Клинг. Ну, а сеансъ вчерашній что?

Петрищ. Умора! Мужикъ былъ; но главное дѣло—все въ темнотѣ. Вово младенцемъ пищалъ, Профессоръ объяснялъ, а Марья Васильевна разъясняла. Потѣха! Жаль, что ты не былъ.

Коко Клинг. Боюсь, mon cher; ты какъ-то это умѣешь шутками отдѣлываться, а мнѣ все кажется, что чуть скажу словечко, сейчасъ повернутъ такъ, что я сдѣлалъ предложеніе. Et ça ne m'arrange pas du tout, du tout. Mais du tout, du tout!

Петрищ. А ты дѣлай предложеніе съ сказуемымъ, вотъ ничего и не будетъ. Такъ заходи къ Вово, вмѣстѣ поѣдемъ на рѣдькотицію.

Коко Клинг. Не понимаю, какъ ты можешь водиться съ такимъ дуракомъ. Ужъ такъ глупъ,—вотъ ужъ истинно шалопай!

Петрищ. А я его люблю. Люблю Вово, но—„странною любовью“, „къ нему не зарастетъ народная тропа“... (*Уходитъ въ комнату Василія Леонидыча.*)

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Два лакея, Ѳедоръ Иванычъ *и* **Коко Клингенъ. Бетси** *провожаетъ* **даму.**

Коко значительно кланяется.

Бетси (*трясетъ ему руку бокомъ, къ дамѣ*). Вы не знакомы?

Дама. Нѣтъ.

Бетси. Баронъ Клингенъ... Что же вы вчера не были?

Коко Глинг. Никакъ не могъ,—не успѣлъ.

Бетси. Жаль,—очень было интересно. (*Смѣется.*) Вы бы увидали, какія были manifestations. Ну что же, наша шарада подвигается?

Коко Клинг. О, да! Стихи на mon second готовы, Никъ сочинилъ, а я музыку.

Бетси. Какъ же, какъ? Скажите.

Коко Клинг. Позвольте, какъ?.. Да! Рыцарь поетъ Наннѣ. (*Поетъ.*)

„Какъ прекрас*на на*тура,
Льетъ *на* душу мнѣ *на*дежду...
Нанна, Нанна! на, на, на!"

Дама. Это mon second, *на* а mon premier что̀ же?

Коко Клинг. Mon premier—это *Ape*, имя дикарки.

Бетси. *Ape*, это, видите, дикарка, которая хочетъ съѣсть предметъ своей любви... (*Хохочетъ.*) Она ходитъ, тоскуетъ и поетъ:

„Ахъ, аппетитъ".

Коко (*перебивая*). „Меня мутитъ"...

Бетси (*подхватываетъ*). „Кого-то ѣсть желаю.
„Х-хожу, брожу"...

Коко Клинг. „Не нахожу"...

Бетси. „Кого жевать—не знаю"...

Коко Клинг. „Вдали вотъ плотъ"
Бетси. „Сюда плыветъ;
„На немъ два генерала"...
Коко Клинг. „Мы два генерала,
„Судьба насъ связала,
„На островъ послала".
И опять refrain:
„Судьба насъ связала.
На островъ посла-а-ла".

Дама. Charmant!

Бетси. Вы поймите, какъ глупо!

Коко Клинг. Въ томъ-то и прелесть.

Дама. Кто же Аре?

Бетси. Я; я костюмъ сдѣлала, а мама говоритъ: „неприлично". А нисколько не неприличнѣе, чѣмъ на балѣ. (*Къ Өедору Иванычу.*) Что, здѣсь отъ Бурдье?

Өед. Иван. Здѣсь, на кухнѣ сидитъ.

Дама. Ну, а *арена* какъ же?

Бетси. Да вы увидите. Не хочу вамъ портить удовольствія. Au revoir.

Дама. Прощайте! (*Раскланивается. Дама уходитъ.*)

Бетси (*къ Коко Клинг.*). Пойдемте къ maman.

(*Бетси и Коко Клингенъ уходятъ наверхъ*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Өедоръ Иванычъ, два лакея *и* **Яковъ** (*выходитъ изъ буфета съ подносомъ, чаемъ, печеньемъ; запыхавшись, идетъ черезъ переднюю*).

Яковъ (*лакеямъ*). Мое почтеніе, мое почтеніе!

(*Лакеи кланяются*).

Яковъ (*Өедору Иванычу*). Хоть бы вы приказали Григорью Михайлычу подсобить. Замучился на отдѣлку... (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же, *безъ* **Якова.**

1-й лакей. Старательный это у васъ человѣкъ.

Ѳед. Иван. Хорошій малый, да вотъ не нравится барынѣ,—не виденъ, говоритъ, изъ себя. А тутъ еще наклепали на него вчера, что онъ мужиковъ въ кухню пустилъ. Какъ бы не разочли! А малый хорошій.

2-й лакей. Какихъ мужиковъ?

Ѳед. Иван. Да пришли изъ нашей курской деревни землю покупать; дѣло ночное, да и земляки. Одинъ буфетному мужику отецъ. Ну и провели ихъ въ кухню. А тутъ случись угадыванье мыслей; спрятали вещь въ кухню, пришли всѣ господа, увидала ихъ барыня—бѣда! Какъ, говоритъ, люди, можетъ-быть, зараженные, а ихъ въ кухню!.. Очень она напугана заразой этой.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же *и* **Григорій**.

Ѳед. Иван. Пойдите, Григорій, подсобите Якову Иванычу, а я здѣсь побуду одинъ. Одинъ не поспѣваетъ.

Григ. Неловокъ, оттого и не поспѣваетъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ же, *безъ* **Григорія**.

1-й лакей. И что это за новая мода пошла нынче—эти заразы!.. Такъ и ваша боится?

Ѳед. Иван. Пуще огня! У насъ только заботы теперь, что окуривать, обмывать, обрызгивать.

1-й лакей. То-то я слышу духъ такой тяжелый. (*Съ оживленіемъ.*) Ни на что̀ не похоже, какіе грѣхи съ этими

заразами. Скверно совсѣмъ! Даже Бога забыли. Вотъ у нашего барина сестры, княгини Мосоловой, дочка умирала. Такъ что же? Ни отецъ ни мать и въ комнату не вошли, такъ и не простились. А дочка плакала, звала проститься,—не вошли! Докторъ какую-то заразу нашелъ. А вѣдь ходили же за нею и горничная своя и сидѣлка,— и ничего, обѣ живы остались.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ же, Василій Леонидычъ *и* **Петрищевъ** (*выходятъ изъ двери съ папиросками*).

Петрищ. Да пойдемъ же, я только Кокошу-Картошу захвачу.

Вас. Леон. Болванъ твой Кокоша! Я тебѣ скажу, терпѣть его не могу. Вотъ пустой-то малый, настоящій полотеръ! Ничѣмъ не занятъ, только шляется. А, что?..

Петрищ. Ну, такъ погоди, все-таки я прощусь.

Вас. Леон. Ну, хорошо. Я пойду собакъ посмотрю, въ кучерскую. Кобель одинъ такъ такъ золъ, что кучеръ говоритъ, чуть не съѣлъ его. А, что?

Петрищ. Кто кого съѣлъ? Неужели кучеръ съѣлъ кобеля?

Вас. Леон. Ну, ты вѣчно... (*Одѣвается и уходитъ.*)

Петрищ. (*задумчиво*). Ма-кинъ-тожъ, каръ-тож-ка... Да, да. (*Идетъ наверхъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Два лакея, Ѳедоръ Иванычъ *и* **Яковъ** (*пробѣгаетъ черезъ сцену въ началѣ и концѣ явленія*).

Ѳед. Иван. (*Якову*). Чего еще?

Яковъ. Тартинокъ нѣтъ! Я говорилъ... (*Уходитъ.*)

2-й лакей. А вотъ еще у насъ барчукъ заболѣлъ. Такъ

сейчасъ свезли его въ гостиницу съ нянькой, такъ тамъ безъ матери и померъ.

1-й лакей. То-то грѣха не боятся! Я полагаю, что отъ Бога никуда не уйдешь.

Ѳед. Иван. И я такъ думаю.

(*Яковъ бѣжитъ наверхъ съ тартинками*).

1-й лакей. И то возьмите во вниманіе, что ежели теперь такъ всѣхъ бояться, то надо запереться въ четырехъ стѣнахъ, какъ въ тюрьмѣ ровно, да такъ и сидѣть.

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Тѣ же *и* **Таня**, *потомъ* **Яковъ**.

Таня (*кланяется лакеямъ*). Здравствуйте!

(*Лакеи кланяются*).

Таня. Ѳедоръ Иванычъ! мнѣ вамъ два слова сказать.

Ѳед. Иван. Ну, что?

Таня. Да пришли, Ѳедоръ Иванычъ, мужички опять...

Ѳед. Иван. Ну, такъ что же? Бумагу-то вѣдь я Семену отдалъ...

Таня. Бумагу я имъ отдала. Ужъ какъ благодарятъ-то, и не знаю какъ. Теперь только просятъ деньги отъ нихъ принять.

Ѳед. Иван. Да гдѣ они?

Таня. Тутъ, у крыльца стоятъ.

Ѳед. Иван. Ну что жъ, я скажу.

Таня. Да еще просьба моя къ вамъ, батюшка, Ѳедоръ Иванычъ.

Ѳед. Иван. Что̀ еще?

Таня. Да что, Ѳедоръ Иванычъ, мнѣ ужъ оставаться нельзя здѣсь. Попросите, чтобъ отпустили меня.

(*Яковъ вбѣгаетъ*).

Ѳед. Иван. (*Якову*). Что ты?

Яковъ. Самоваръ другой да апельсины.

Ѳед. Иван. У экономки спроси.

(*Яковъ убѣгаетъ*).

Ѳед. Иван. Это что жъ такъ?

Таня. Да вѣдь какъ же? Теперь мое дѣло такое.

Яковъ (*вбѣгая*). Апельсиновъ мало.

Ѳед. Иван. Подай, что есть. (*Яковъ убѣгаетъ.*) Не время ты выбрала: вѣдь видишь—суета...

Таня. Да вѣдь сами знаете, Ѳедоръ Иванычъ, этой суетѣ угомону не бываетъ, сколько ни жди,—вы сами знаете,— а вѣдь мое дѣло навѣкъ... Вы, батюшка, Ѳедоръ Иванычъ, какъ мнѣ добро такое сдѣлали, будьте отецъ родной, выберите времечко, скажите. А то разсердится—билетъ не дастъ.

Ѳед. Иван. Да что же тебѣ такъ загорѣлось?

Таня. Да какъ же, Ѳедоръ Иванычъ, дѣло теперь сладилось... Я бы къ маменькѣ, къ крестной, поѣхала, приготовилась бы. А на Красную горку и свадьба. Скажите, батюшка, Ѳедоръ Иванычъ!

Ѳед. Иван. Ступай теперь,—не мѣсто тутъ.

Сверху сходитъ **баринъ пожилой** *и молча уходитъ со* **2-мъ лакеемъ. Таня** *уходитъ.*

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Ѳедоръ Иванычъ, 1-й лакей *и* **Яковъ** (*входитъ*).

Яковъ. Что же, Ѳедоръ Иванычъ, это обида живая! Теперь меня расчесть хочетъ. Ты, говоритъ, все колотишь, Фифку забылъ и противъ моего приказанія мужиковъ въ кухню пустилъ. А вы сами знаете: я ничего знать не знаю! Только сказала мнѣ Татьяна: проведи въ кухню, а я не знаю по чьему приказу.

Ѳед. Иван. Что жъ, развѣ она говорила?

Яковъ. Сейчасъ говорила. Ужъ вы заступитесь, Ѳедоръ Иванычъ. А то семейство только стало поправляться, а

тутъ сойдешь съ мѣста, когда-то опять попадешь. Өедоръ Иванычъ, пожалуйста!

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Өедоръ Иванычъ, 1-й лакей *и* **барыня** *провожаетъ* **старую графиню** *съ фальшивыми волосами и зубами.* **Графиню** *одѣваетъ* **1-й лакей**.

Барыня. Непремѣнно, какъ же? Я такъ истинно тронута.

Графиня. Кабы не нездоровье, я бы чаще у васъ бывала.

Барыня. Право, возьмите Петра Петровича, онъ грубъ, но никто такъ не можетъ успокоить; такъ просто, ясно у него все.

Графиня. Нѣтъ, ужъ я привыкла.

Барыня. Осторожнѣе.

Графиня. Merci, mille fois merci.

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Тѣ же *и* **Григорій**, *растрепанный, въ волненіи, выскакиваетъ изъ буфета. За нимъ виденъ* **Семенъ.**

Сем. А ты къ ней не приставай.

Григ. Я тебя, мерзавца, научу—какъ драться! Ахъ ты негодяй!

Барыня. Что̀ это такое? Что вы, въ кабакѣ, что ли?

Григ. Не могу жить отъ этого мужика грубаго.

Барыня (*съ досадой*). Вы съ ума сошли, развѣ вы не видите? (*Къ графинѣ.*) Merci, mille fois merci. A mardi. (*Графиня и 1-й лакей уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Өедоръ Иванычъ, барыня, Григорій *и* **Семенъ.**

Барыня (*къ Григорію*). Что̀ такое?

Григ. Я хоть въ должности лакея, но я имѣю свою гордость и не позволю всякому мужику меня толкать.

Барыня. Да что̀ такое случилось?

Григ. Да вотъ Семенъ вашъ набрался храбрости, что онъ съ господами сидѣлъ. Драться лѣзетъ.

Барыня. Что̀ такое? за что̀?

Григ. А Богъ его знаетъ.

Барыня (*къ Семену*). Что̀ это такое значитъ?

Сем. Что жъ онъ къ ней пристаетъ?

Барыня. Да что̀ у васъ было?

Сем. (*улыбаясь*). Да такъ, онъ Таню, горничную, все хватаетъ, а она не хочетъ. Вотъ я его отстранилъ рукой... такъ маленечко.

Григ. Хорошо отстранилъ, чуть ребра не сломалъ. И фракъ разорвалъ. Да вѣдь онъ что говоритъ: „на меня, говоритъ, по-вчерашнему, сила нашла", и началъ давить.

Барыня (*къ Семену*). Какъ ты смѣешь драться въ моемъ домѣ?

Ѳед. Иван. Позвольте доложить, Анна Павловна, надо вамъ сказать, что Семенъ имѣетъ чувства къ Танѣ, и какъ они теперь сосватаны, а Григорій,—что жъ, надо правду сказать,—обращается нехорошо, неблагородно. Ну, вотъ Семенъ, я полагаю, и обидѣлся на него.

Григ. Совсѣмъ нѣтъ, это изъ-за злобы, что я плутовство ихъ все открылъ.

Барыня. Какое плутовство?

Григ. А въ сеансѣ. Всѣ вчерашнія штуки не Семенъ, а Татьяна дѣлала. Я самъ видѣлъ, какъ она изъ-подъ дивана лѣзла?

Барыня. Что такое? изъ-подъ дивана лѣзла?

Григ. Честное слово могу дать. Она и бумагу принесла и кинула на столъ. Кабы не она, бумагу не подписали бы и мужикамъ землю не продали бы.

Барыня. Вы сами видѣли?

Григ. Своими глазами. Прикажите позвать ее, она не отопрется.

Барыня. Позовите ее.

(*Григорій уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Тѣ же, *безъ* **Григорія.** *За сценой шумъ, голосъ* **швейцара:** „Нельзя, нельзя!“ *Показывается* **швейцаръ,** *мимо него врываются* **3 мужика.** *Впереди* **2-й муж.; 3-й муж.** *спотыкается, падаетъ и хватается за носъ.*

Швейц. Нельзя, идите!

2-й муж. Авось, не бѣда. Развѣ мы за худымъ чѣмъ?— мы денежки отдать.

1-й муж. Двиствительно, какъ за подписью руки приложенья, дѣло въ окончаніи, мы только денежки предоставить съ нашей благодарностью.

Барыня. Погодите, погодите благодарить, все это былъ обманъ. Еще не кончено. Не продано еще... Леонидъ!.. Позовите Леонида Ѳедоровича. (*Швейцаръ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 19-е.

Тѣ же и Леонидъ Ѳедоровичъ *выходитъ, но, увидавъ* **барыню и мужиковъ,** *хочетъ уйти назадъ.*

Барыня. Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйте сюда! Я говорила вамъ, что нельзя продавать землю въ долгъ, и всѣ вамъ говорили. А васъ обманываютъ, какъ самаго глупаго человѣка.

Леон. Ѳед. То-есть въ чемъ? Я не понимаю, какой обманъ.

Барыня. Стыдились бы вы! Вы сѣдой, а васъ, какъ мальчишку, обманываютъ и смѣются надъ вами. Жалѣете для сына какіе-нибудь 300 рублей для его общественнаго положенія, а самихъ васъ, какъ дурака, проводятъ на тысячи.

Леон. Ѳед. Да ты, Annette, успокойся.

1-й муж. Мы только въ полученіи суммы, значитъ...

3-й муж. (*достаетъ деньги*). Отпусти ты насъ, ради Христа!

Барыня. Погодите, погодите.

ЯВЛЕНІЕ 20-е.

Тѣ же, Григорій *и* Таня.

Барыня (*строго къ Танѣ*). Ты была вчера вечеромъ во время сеанса въ маленькой гостиной?

(*Таня, вздыхая, оглядывается на Ѳедора Иваныча, Леонида Ѳедоровича и Семена*).

Григ. Да ужъ нечего вилять, когда я самъ видѣлъ...

Барыня. Говори, была? Я знаю все, признавайся. Я тебѣ ничего не сдѣлаю. Мнѣ только хочется уличить вотъ его (*указываетъ на Леонида Ѳедоровича*), барина... Ты кинула бумагу на столъ?

Таня. Я не знаю, что и отвѣчать. Одно, что нельзя ли меня домой отпустить?

Барыня (*къ Леониду Ѳедоровичу*). Вотъ видите, васъ дурачатъ.

ЯВЛЕНІЕ 21-е.

Тѣ же. *Входитъ* **Бетси** *въ началѣ явленія и стоитъ незамѣченная*.

Таня. Отпустите меня, Анна Павловна!

Барыня. Нѣтъ, милая! Ты вѣдь, можетъ-быть, убытку сдѣлала на нѣсколько тысячъ. Продали землю, которую не надо было продавать.

Таня. Отпустите меня, Анна Павловна.

Барыня. Нѣтъ, ты отвѣтишь. Плутовать нельзя. Къ мировому судьѣ подамъ.

Бетси (*выступая*). Отпустите ее, мама. А коли вы хотите ее судить, то и меня вмѣстѣ съ ней,—я съ ней вмѣстѣ вчера все дѣлала.

Барыня. Ну, да ужъ когда ты, то, кромѣ самаго гадкаго, ничего и быть не могло.

ЯВЛЕНІЕ 22-е.

Тѣ же *и* профессоръ.

Профес. Здравствуйте, Анна Павловна! Здравствуйте, барышня! А я вамъ несу, Леонидъ Ѳедоровичъ, отчетъ о 13-мъ съѣздѣ спиритуалистовъ въ Чикаго. Удивительная рѣчь Шмита.

Леон. Ѳед. А, очень интересно!

Барыня. Я вамъ гораздо интереснѣе разскажу. Оказывается, что и васъ и мужа дурачила эта дѣвчонка. Бетси на себя говоритъ, но это чтобъ дразнить меня, а дурачила васъ безграмотная дѣвчонка, а вы вѣрите. Вчера никакихъ вашихъ медіумическихъ явленій не было, а это она (*указывая на Таню*) все дѣлала.

Профес. (*раздѣваясь*). Какъ, то-есть?

Барыня. Да такъ, что она въ темнотѣ и на гитарѣ играла, и мужа по головѣ била, и всѣ глупости ваши дѣлала, и сейчасъ призналась.

Профес. (*улыбаясь*). Такъ что же это доказываетъ?

Барыня. Доказываетъ, что вашъ медіумизмъ — вздоръ Вотъ что доказываетъ.

Профес. Оттого, что эта дѣвушка хотѣла обманывать, отъ этого медіумизмъ—вздоръ, какъ вы изволите выражаться? (*Улыбаясь.*) Странное заключеніе! Очень можетъ быть, что дѣвушка эта хотѣла обманывать: это часто бываетъ; можетъ-быть, она что-нибудь и дѣлала, но то, что она дѣлала, дѣлала она, а то, что было проявленіемъ медіумической энергіи, было проявленіемъ медіумической энергіи. Даже весьма вѣроятно, что то, что дѣлала эта дѣвушка, вызывало, соллицитировало, такъ сказать, проявленіе медіумической энергіи, давало ей опредѣленную форму.

Барыня. Опять лекція!..

Профес. (*строго*). Вы говорите, Анна Павловна, что эта дѣвушка, можетъ-быть, и эта милая барышня что-то дѣлали, но свѣтъ, который мы всѣ видѣли, а въ первомъ случаѣ пониженіе, а во второмъ — повышеніе температуры, а волненіе и вибрированіе Гросмана,—что же, это тоже дѣлала эта дѣвушка? А это факты, факты, Анна Павловна! Нѣтъ, Анна Павловна, есть вещи, которыя надо изслѣдовать и вполнѣ понимать, чтобы говорить о нихъ, — вещи слишкомъ серьезныя, слишкомъ серьезныя...

Леон. Ѳед. А дитя, которое ясно видѣла Марья Васильевна. Да и я видѣлъ... Это не могла же сдѣлать эта дѣвушка.

Барыня. Вы думаете, что вы умны? а вы—дуракъ!

Леон. Ѳед. Ну, я уйду... Алексѣй Владимировичъ, пойдемте ко мнѣ. (*Уходитъ въ кабинетъ.*)

Профес. (*пожимая плечами, идетъ за нимъ*). Да, какъ еще мы далеки отъ Европы!

ЯВЛЕНІЕ 23-е.

Барыня, три мужика, Ѳедоръ Иванычъ, Таня, Бетси. Григорій, Семенъ *и* **Яковъ** (*входитъ*).

Барыня (*вслѣдъ Леониду Ѳедоровичу.*) Обманули его какъ дурака, а онъ ничего не видитъ. (*Якову.*) Тебѣ что?

Яковъ. На много ли персонъ прикажете накрывать?

Барыня. На много ли?.. Ѳедоръ Иванычъ! принять отъ него серебро! Вонъ сейчасъ! Отъ него все. Этотъ человѣкъ меня въ гробъ сведетъ. Вчера чуть-чуть не заморилъ собачку, которая ничего ему не сдѣлала. Мало ему этого, онъ же зараженныхъ мужиковъ вчера въ кухню завелъ, и опять они здѣсь. Отъ него все! Вонъ, сейчасъ вонъ! Расчетъ. расчетъ! (*Семену.*) А если ты себѣ

впередъ позволишь шумѣть въ моемъ домѣ; я тебя, сквернаго мужика, выучу!

2-й муж. Да что же, коли онъ скверный мужикъ, такъ и держать его нечего, а давай расчетъ, вотъ и все.

Барыня (*слушая его, вглядывается въ 3-го мужика*). Да смотрите: у этого сыпь на носу, сыпь! Онъ больной, онъ резервуаръ заразы! Вѣдь я вчера говорила, чтобы ихъ не пускать, и вотъ они опять тутъ. Гоните ихъ вонъ!

Ѳед. Иван. Что же, не прикажете деньги принять?

Барыня. Деньги? Деньги возьми, но ихъ, особенно этого больного, вонъ, сію минуту вонъ! Онъ совсѣмъ гнилой!

3-й муж. Напрасно ты, мать, ей Богу, напрасно. У моей старухи, скажемъ, спроси. Какой я гнилой? Я какъ стеклушко, скажемъ.

Барыня. Еще разговариваетъ!.. Вонъ, вонъ! Все на зло!.. Нѣтъ, я не могу, не могу!.. Пошлите за Петромъ Петровичемъ. (*Убѣгаетъ всхлипывая.*)

(*Яковъ и Григорій уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 24-е.

Тѣ же, *безъ* **барыни, Якова** *и* **Григорія.**

Таня (*къ Бетси*). Барышня, голубушка, какъ же мнѣ быть теперь?

Бетси. Ничего, ничего. Поѣзжай съ ними, я устрою. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 25-е.

Ѳедоръ Иванычъ, три мужика, Таня *и* **швейцаръ.**

1-й муж. Какъ же, почтенный, полученіе суммы теперича?

2-й муж. Отпусти ты насъ.

3-й муж. (*мнется съ деньгами*). Кабы знать, я ни въ жизть не взялся бы. Это засушитъ хуже лихой болѣсти.

Ѳед. Иван. (*швейцару*). Проводи ихъ ко мнѣ, тамъ и счеты есть. Тамъ и получу. Идите, идите.

Швейц. Пойдемте, пойдемте.

Ѳед. Иван. Да благодарите Таню. Кабы не она, быть бы вамъ безъ земли.

1-й муж. Двистительно, какъ исдѣлала предлогъ, такъ и въ дѣйствіе произвела.

3-й муж. Она насъ людьми исдѣлала; а то бы что̀? земля малая, не то что скотину, — курицу, скажемъ, и ту выпустить некуда. Прощевай, умница! Пріѣдешь на село, приходи медъ ѣсть.

2-й муж. Дай, домой пріѣду, свадьбу готовить стану, пиво варить. Только пріѣзжай.

Таня. Пріѣду, пріѣду! (*Визжитъ.*) Семенъ! то-то хорошо-то!

(*Мужики уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 26-е.

Ѳедоръ Иванычъ, Таня *и* **Семенъ**.

Ѳед. Иван. Съ Богомъ. Ну, смотри, Таня, когда домкомъ заживешь, я пріѣду къ тебѣ погостить. Примешь?

Таня. Голубчикъ ты мой, какъ отца родного примемъ! (*Обнимаетъ и цѣлуетъ его.*)

Занавѣсъ.

КОНЕЦЪ.
